

Анатолий ЧУПРИНСКИЙ

РЫЖАЯ ИЗ ШОУ БИЗНЕСА

ироническая трилогия

Москва
Издательство «БПП»
2009

ЧУПРИНСКИЙ
Анатолий Анатольевич

РЫЖАЯ ИЗ ШОУ БИЗНЕСА

МОСКВА, Издательство «БПП», 2009. — с 272.

Автор определяет свою повесть как ироническую, и это действительно так. Однако, как и в жизни, смешное и горькое в ней замешаны в единое целое, и в этом крутом замесе — судьба двух повенчанных роком подруг, эстрадной певицы и её костюмерши. Кто из них для кого? Кто главнее? Счастливее?..

© ЧУПРИНСКИЙ А.А., 2009
© Издательство «БПП», 2009

Каждая вторая эстрадная звезда поет не своим голосом. Все это знают, и никто особенно не удивляется. Современная электроника может любого мартовского кота представить на сцене поющим голосом Хулио Эглесиаса. Что уж говорить о девицах, у которых кроме длинных ног, никаких талантов.

В шоу бизнесе, как известно, волчьи законы. Дикие джунгли. Правда, волки в джунглях не водятся, но это вопрос тридцать девятый. Продюсеров интересуют только бабки. Желательно, зеленого цвета. И числом поболее. За пачку зеленых любой уважающий себя продюсер мать родную закопает. А кто там, чьим голосом поет, своя ли грудь у «звезды» или силиконовая, пусть публика голову ломает.

Эстрадная «звездочка» Мальва, Мальвина, (в миру, Надя Соломатина), эффектная стройная блондинка, с голубыми глазами, высокой грудью и чуть полноватыми ногами являла зрителям реальную мечту дембеля. Солдатский секс всегда удачный имидж. Конечно, Дана Борисова из «Армейского магазина» на голову выше в этом смысле, но свое место Мальвина занимала по праву. У нее даже были свои фанатки. Правда, перед выходом на сцену она напяливала на голову блондинистый парик и накладывала на морду лица не менее килограмма грима. Но кого это волновало.

Мальвину любили все представители сильного пола. Особенно те, кто с погонами на плечах. Солдаты, менты, гаишники, пожарные, летчики и проводники, МЧСовцы и частные охранники. Мальвина всем отвечала взаимностью. Со сцены, разумеется. В финале каждого сольного концерта, со слезами на глазах, выкрикивала в беснующийся от восторга зал:

— Мужики-и-и!!! Я всех вас люблю-у-у! Мужики-и-и!!!

И швыряла один за другим подаренные ей букеты.

Большинство любого зала, как известно, составляют представительницы слабого пола, но и они, эти самые представительницы, тоже любили Мальвину. Восторгались, восхищались и все такое. Не иначе, каждая мысленно представляла себя на ее месте.

Самое поразительное, в реальной жизни Мальвину, (то бишь, Надю), не узнавал никто. Разумеется, если она выскакивала на улицу без блондинистого парика. А их нее было полдюжины, на все случаи жизни. Соседи по подъезду толком и не знали, где и кем она работает. Одни считали, служит в банке скромной служащей, с окладом полторы тысячи баксов в месяц. Другие, глядя на ее ночные возвращения с букетами, в облаке коньяка, дорогих духов и табака, были убеждены, Надя валютная проститутка. Разве может медсестра или учительница начальных классов раскатывать на «Форде».

Правда, «Форд» был явно третьей свежести, нещадно помят со всех сторон и тархтел громче любого ушастого «запорожца», но все это ничуть не смущало красавицу Мальвину. Ее вообще мало, что

выводило из равновесия. Природа, кроме внешности, наградила ее веселым нравом и беззаботным характером. Мальвина почти не помнила обид, чужие успехи не брала в голову и была в двадцать два года абсолютно убеждена, что будет жить вечно. Болела она только раз в жизни. Но то была не болезнь. Вернее, не совсем обычная болезнь. То было перерождение. Но об этом позже.

Любимым ее словечком с детства было:

— Отва-али-и!

Им она заканчивала любой разговор, с любым собеседником и умудрялась втискивать в это слово множество самых разнообразных, подчас противоположных смыслов. Меж собой в попсовых кругах ее так и звали, «Мальва-Отвали!». Даже своему отражению в зеркале, если была не в духе, морща очаровательный носик, она шипела:

— Отва-али-и!

Девушка была явно безбашенная. Точнее сказать, без царя в голове. И без комплексов. Носилась на своем раздолбанном «Форде», не обращая внимания ни на какие знаки и указатели. И естественно, не удивлялась, когда ее останавливали. Ведь гаишники, как уже сказано, ее любили поголовно. Любой из них, остановив красавицу блондинку, проехавшую на красный, стоило ей снять темные очки, тут же расплывался в улыбке, и просил автограф.

— Отва-али-и! — улыбалась Мальвина.

И поставив свою подпись, приветливо махнув ручкой, била по газам. До следующего гаишника. Замужем Мальвина никогда не была и даже не

планировала. Романы, конечно, были, но все какие-то бестолковые. Без божества, без вдохновения. И без последствий. «Была без радости любовь, разлука будет без печали!», цитировала она строчки, залетевшие в голову еще в школе. Кому именно они принадлежали, не помнила.

Словом, Мальвина со всеми потрохами принадлежала славному племени эстрадной попсы, которое радуется каждого из нас, стоит щелкнуть пультом телевизора или повернуть ручку транзистора. Раз в году она входила в какую-нибудь двадцатку или десятку и была абсолютно довольна жизнью.

Никто даже не догадывался, кто поет восторженным, полным ликующей радости голосом, когда на сцене Мальвина раскрывала свой очаровательный рот. Нет, она не пользовалась фанерой. Конкуренты не раз устраивали ей откровенные подлости. Даже свет вырубали в залах. Фокус не проходил. Мальвина пела вживую. Но это пела НЕ ОНА!

Сергей Кострюлин, (пишется через «о»!), уже третью неделю бесцельно шатался по Москве. Отбарабанив положенные два года в армии, из которых последние одиннадцать месяцев провел в «горячей точке», заработав легкую контузию, растеряв всех друзей и знакомых, по меткому выражению Александра Сергеевича Пушкина, «без службы, без жены, без дел, ничем заняться не умел».

Каждое утро он глотал приготовленную старенькой бабушкой овсянку, натягивал джинсы, футболку и шел бродить по городу.

В районе метро Сокол, в начале Волоколамского шоссе, если ехать из центра на такси, перед первым мостом, нужно свернуть направо. Там, сразу за железнодорожным переездом уютятся несколько кирпичных домов, времен Очакова, покоренья Крыма и хрущевской оттепели. В квартире на первом этаже и проживал Сережа Кострюлин, вместе с бабушкой, учительницей русского языка и литературы, ныне заслуженной пенсионеркой.

Родители три года назад уехали по контракту на Кубу, зарабатывать на жизнь. Профессия биологов с началом перестройки оказалась никому ненужной. А жить как-то надо. Словом, на Соколе в трехкомнатной квартире, кроме Сережи проживали еще двое: бабушка Ксения Федоровна и студентка Пищевого института, тихая мышка Марина, которая снимала третью комнату за символическую плату.

Каждое утро Сережа садился на трамвай 23 маршрута и пилил на нем до кольца у Боткинской больницы, дальше шел пешком к центру. Его любимым местом всегда была улица Горького. Особенно, участок от Центрального телеграфа до Пушкинской площади. Когда-то, еще в той, до армейской жизни, он с приятелями каждый вечер после школы, как на работу ходил на Пушку. Теперь... Улица Горького уже не Горького, по-старому, Тверская. Кругом лотков, палаток понатыкали. В магазины и кафе зайти страшно, цены только для олигархов и бандитов.

Короче, Сергей не узнавал любимых мест. Город не принимал его, отторгал, как дремучего провинциала. Сергей и сам ощущал себя таежным жителем, на

экскурсию попавшим в столицу. Слишком уж многое изменилось вокруг и слишком многое изменилось в нем самом. Легкий на подъем и жизнерадостный до армии, теперь он никак не мог избавиться от какого-то внутреннего отупения, постоянной напряженности, ожидания удара из-за угла. Спиртное не помогало, только усугубляло положение, да и не получал он никакой радости от Бахуса, в отличие от большинства своих школьных приятелей.

Оставалось одно, свернуть с Пушкинской к Страстному бульвару и просто шататься по узким переулкам, еще не тронутым архитектурным беспределом. Купить в ларьке бутылку пива, сидеть себе на бульваре или в любом подвернувшемся дворе на скамеечке, потягивать пиво и ни о чем не думать.

Не вспоминать и не мечтать. Просто отдыхать и радоваться жизни. Денег, оставленных родителями, должно было хватить месяца на два, до конца лета. А там видно будет, жизнь подскажет.

От судьбы не уйдешь, не спрячешься. Если рожден бухгалтером, ты и в Африке будешь бухгалтером. Суждено встретить свою девушку именно этим знойным летом, как ни избегай встреч со своей половинкой, все равно ее встретишь. В нужное время, в нужном месте.

Короче, этим жарким летом там, в небесной лаборатории, в которой над всеми нами ставят эксперимент с неясным конечным результатом, кто-то нажал на кнопку, дернул за рычаги и закрутил на всю катушку древнюю машину причинно-следственных

связей по имени «Витта». И старушка «Витта», скрипя и постанывая, гремя шестеренками, реле и подшипниками, (или что у нее там, внутри?), принялась выстраивать здесь на земле, якобы, случайные ситуации, чтоб столкнуть друг с другом эстрадную звездочку Мальвину и одинокого, потерянного парня по имени Сергей Кострюлин.

В назначенное время им теперь было предначертано встретиться нос к носу, чтоб пережить те самые чувства, ради которых они, возможно, и появились на этом свете.

Кстати, тот, кто запустил эту программу, был явно существом с большим чувством юмора. Более неподходящих, даже чуждых друг другу людей, трудно представить.

Сергей, мальчик из интеллигентной семьи, до армии читавший Лермонтова, Блока, любивший импрессионистов и все такое, только по телевизору видел Мальвину и не имел ни малейшего представления о нравах, царящих в закулисье шоу бизнеса. Сексуального опыта Сергей практически не имел. Не будешь же считать «любовной историей» несколько встреч с одноклассницей Веркой Исаковой на чердаке своей четырехэтажки.

Верка была самой доступной девицей из их школы. Отзывчивой и безотказной. Через нее прошла, по крайней мере, половина серегиного класса. И еще несколько малолеток из младших. Запах пота, табака, ритмичное поскрипывание старого матраса на чердаке его дома, да бессмысленное веркино хихиканье. Вот и все, что осталось в памяти после нескольких коротких и

каких-то болезненно-стыдливых чердачных встреч с Веркой. Вот и вся любовь.

Мальвина, в свою очередь, книг не читала вообще, видела войны в «горячих точках», как и большинство населения, только по телевизору и для нее все это было каким-то далеким беспросветным ужасом.

Нельзя сказать, что они вовсе не знали друг о друге. Сергей знал Мальвину. Там, откуда ему повезло выкарабкаться живым и относительно здоровым, эстрадная «звездочка» была «лучом света в темном царстве». О ней многие мечтали, ей писали письма и даже постоянно видели ее в своих тревожных снах. «Эта блондинистая дурочка», по образному выражению их командира, капитана Зотова, манила к себе и Сергея, почему-то постоянно заставляла думать о себе.

Что касается Мальвины, она о существовании Сергея даже не подозревала. И в последнее время ничего такого не предчувствовала и не ощущала. Не то чтоб была тупой в эмоциональном смысле, нет. Если начистоту, мужчин она недолюбливала. Опасалась и старалась близко к себе не подпускать.

Она любила, восторженно и самозабвенно, абстрактных мужчин. Добрых, мужественных и щедрых. Тех, кто посещал ее концерты и бросал из темноты зала на сцену цветы с записками, в которых признавался в вечной любви и грозился заодно бросить к ее ногам «все сокровища мира». Но при ближайшем рассмотрении все ее поклонники, обычно почему-то мужчины в возрасте далеко за тридцать и непременно женатые, оказывались самыми натуральными кобелями. Им одно подавай.

А ей хотелось любви. С большой буквы. Той самой, единственной и настоящей. Чтоб жить долго и вместе умереть в один день. Пока же на горизонте ничего такого и близко не вырисовывалось. Такая вот парадоксальная ситуация. Абстрактных мужчин Мальва любила. По одиночке и всех скопом, но конкретных, с запахом пива и табака, с пошлыми шутками и матерными анекдотами, терпеть не могла. И близко к себе не подпускала.

Внутренняя замкнутость возникла еще потому, что у нее никогда не было семьи. Надя-Мальва была детдомовкой. Конечно, какие-то родители у нее были. Ведь, кто-то же произвел ее на свет, в муках и страданиях, не из пробирки же она явилась, в самом деле. Но лично ей ничего о них известно не было.

Из близких была только Наташка, работающая костюмершей в группе Мальвины. Из того же детдома, из-под Волоколамска, старше Нади на целых десять лет. Она заменяла ей мать, старшая сестру и ближайшую подругу одновременно. Общения с Наташкой хватало выше крыши, ее бешеный темперамент и взрывной характер, абсолютное знание всего и вся на свете, отсутствие сомнений и колебаний в любых ситуациях притягивало к себе и, как ни странно, расслабляло. Рядом с ней Мальвина чувствовала себя, как за бетонной стеной в пуленепробиваемом жилете. Защищенной и уверенной в себе.

Короче, заводить новых подруг Мальвина не спешила.

Жара этого знойного лета побила все температурные рекорды. Столбики термометров устойчиво зашкалило за тридцать. И ни капли с неба. Да еще торфяные пожары. Ближе к вечеру, какой-нибудь случайный хилый ветерок слегка разгонял над городом едкую дымную мглу, и ночью на пару часов наступало долгожданное облегчение, но с утра, опять все снова здорово.

Улицы и переулки, проспекты и площади угрожающе заполнялись такой густой синеватой дымкой, что водители включали фары. Во всех учреждениях гудели и текли кондиционеры, вентиляторы через один перегревались и выходили из строя. И жители столицы начали оголяться. Другого выхода просто не было.

Особенно усердствовали женщины. Этим долго уговаривать не пришлось. Полуголые женские тела, едва прикрытые какой-нибудь полупрозрачной тряпочкой, замелькали даже в солидных государственных учреждениях и банках. Не отставали и мужчины. Почти поголовно скинули с себя брюки и напялили на волосатые ноги шорты, сильно смахивающие на семейные трусы.

Порой в метро и на улицах возникало обманчивое ощущение. Все население многомиллионного мегаполиса, забросив дела, сорвалось с мест и дружными рядами двинулось к речкам и водоемам. На пляж, на природу, к бассейнам и фонтанам. Шлепанцы и купальники, яркие зонтики и темные очки раскупались в мгновение ока.

А жара все наступала. И по прогнозам собиралась царствовать над всем центральным регионом, по крайней мере, до сентября.

Москвичи и гости столицы последними словами ругали Лужкова, который, якобы, укатил куда-то в отпуск, а денег на самолеты, способные вызвать над городом дождь, не выделил, пожадничал. Ругали и Гидрометеоцентр, тот, как обычно, не смог загодя предсказать жару. Словом, жара, нервотрепка и сплошные стрессы.

Игорь Дергун не был акулой шоу бизнеса. В лучшем случае, небольшим щуренком. Настоящая акула могла слопать его в любой момент. И не подавиться. Но пока ему везло, конкуренты не особенно давили. В тридцать шесть лет, успев отсидеть три года за валютные операции, неудачно торганув компьютерами и бракованными куклами Барби, по общему признанию нашел себя в эстрадном бизнесе.

Иномарка «Ауди» прошлого года выпуска, приличные костюмы, две квартиры в престижных районах города, дача в Снегирях, это вам не кот начихал. Куда дальше-то? Выше только звезды. Жизнь состоялась. Жена, двое детей, счета в банках. Все путем. Находи смазливых девчонок, желательно из провинции, готовых ради сцены на все, лепи из них «звездочек третьей величины» и стриги купоны.

Дело, конечно, муторное, рискованное. Балетмейстеры, стилисты, визажисты, художники, композиторы, авторы, налоговые инспекторы, рэкет.... И всем плати, плати...

Платить Игорь не любил. Игорь Дергун был из породы тех людей, которые, по выражению одного журналиста, всю жизнь сами «ищут, где бесплатно пряники дают». Очень обижался, расстраивался и даже впадал в депрессию или бешенство, если ему в чем-либо отказывали. Самые близкие люди подозревали, внутри Игорь ощущает себя неудачником, хоть и пыжится изо всей дурацкой мочи.

Догадывалась об этом жена Вера. И знала костюмерша Наташка.

В тот день Игорь Дергун на своем «Ауди» сбил пешехода. Была суббота, дачный день. Машин в три раза меньше обычного. Пешеходов не было вовсе. Ясное дело, все за городом.

Еще на повороте с Никитской на тихую улицу Москвина, Игорь увидел на пустынной мостовой трех лохматых, с головы до ног в черной коже, рокеров. Те возились со своими «Хондами», «Ямахами», а может и «Харлеями», сам черт не разберет. Что-то там подкручивали, подвинчивали. На противоположном тротуаре стоял длинный худой парень. В линялых джинсах, футболке, с бутылкой пива в руках.

Обычно Игорь всегда чудовищно лихачил. Обгонял, подрезал, перестраивался из ряда в ряд без всяких мигалок. Давно замечено, неуверенные в себе люди водят безобразно. Не иначе, компенсируют свою несостоятельность на дороге. Бывают, правда, и откровенные дураки. Дураком Игорь не был, но ничьих советов не слушал. Прислушивался исключительно к своей интуиции. Часто она ему подсказывала верное

поведение, неожиданное решение или удачный ход в бизнесе.

В этот раз, при повороте на тихую улочку Москвина, что-то подсказало Игорю, сбавь скорость. И он почему-то сбавил. Его «Ауди», тихо урча, медленно катила к трем лохматым рокерам. Парень на тротуаре глотал пиво и с интересом рассматривал мотоциклы.

В этот самый момент, там наверху, в небесной лаборатории, наверняка, замигали лампочки, и явно сработало какое-то реле.

Далее произошло непредвиденное. Когда до мотоциклистов оставалось меньше десяти метров, один из них что-то там крутанул, его мотоцикл чихнул, и из глушителя раздался оглушительный хлопок.

Парень на тротуаре отбросил бутылку, втянул голову в плечи и сдавил ладонями уши. В тот момент, когда «Ауди» уже почти поравнялась с рокерами, раздался второй хлопок. Парень в джинсах на тротуаре как-то странно дернулся и плашмя упал на мостовую. Прямо под колеса наезжающей машины.

Игорь успел закрыть глаза и, что есть силы, ударил по тормозам. Раздался визг, глухой удар и наступила какая-то шипящая тишина. Она, волнами морского прибоя, перекатывалась по всему телу.

Сверху вниз, снизу вверх...

«Опять тюрьма!» — пронеслось в голове Дергуна. В том, что он задавил насмерть того длинного парня в джинсах и футболке, Игорь ни секунды не сомневался.

Никогда в подобные ситуации он не попадал и потому впал в оцепенение. Сидел, вцепившись руками в руль, и боялся открыть глаза. Сердце в груди стучало,

словно пламенный мотор. В смысле, очень часто и очень громко. Потом шипящая тишина медленно начала отступать.

— Выходи, урод! Метелить будем!!!

Донеслось до него, дошло до сознания. Игорь открыл глаза. Трое рокеров уже окружили «Ауди» и стучали ладонями по стеклам окон, по лобовику. Свиные лица с перекошенными ртами, не оставляли никаких сомнений в серьезности их намерений.

«Действительно, будут метелить!» — равнодушно подумал Игорь и, нехотя, вылез из машины. Рокеры тут же взяли его в кольцо. Дергун был крупным мужчиной, но рыхлым. Правда, чтоб понять это, нужно было увидеть его голым по пояс. Сейчас на Игоре был светлый костюм отличного покроя. Потому рокеры не спешили давать волю кулакам. Мало ли, вдруг этот дядя самбист, каратист, черный пояс и все такое. Или вообще из мафии. Достанет пистолет и перестреляет всех, к чертовой бабушке. Всякое может быть.

— Гони бабки! — неожиданно тонким, почти бабьим голосом, взвизгнул один из рокеров. С черными, как воронье крыло волосами, собранными на затылке в косичку.

— Мотя! — сиплым голосом вмешался второй, с распущенными светлыми кудрями, свисающими до плеч. — Дай я ему вмажу! Один раз! Один единственный разок! И все! Разрешите!

Игорь переводил взгляд с одного рокера на другого и не понимал, почему они медлят? Почему не бьют?

— Ты за что парня угробил, урод!? — медленно, как маховик, начал раскручиваться третий. Рыжий, все лицо его было в таких ярких веснушках, что Игорь успел подумать, «Нарисованные, что ли?».

Рокеры продолжали сыпать угрозами, но Дергун уже не слушал. Внимание его переключилось на парня, лежащего на мостовой в двух шагах от капота «Ауди». Тот лежал на спине с закрытыми глазами, и, казалось, крепко спал. Левую руку он, будто специально для удобства, подложил под голову, правая была чуть откинута в сторону.

Дергун, бормоча под нос: «Сорри! Сорри!», осторожно руками раздвинул рокеров, подошел к лежащему парню и, присев на корточки, склонился над ним.

— Жмурик! — авторитетно заявил рыжий.

— Мотя! Дай ему разок врежу! Один разок! И все!

— Гони бабки, урод! — продолжал сзади напирать визгливым голосом чернявый. — Если не хочешь сидеть на нарах. Мы свидетели! От нас зависит, будешь сидеть или катать девочек. Ферштейн?

Игорь посмотрел на чернявого снизу вверх и хрипло ответил. От волнения голос еще не очень слушался:

— На нарах не сидят, на них лежат. Если повезет.

— Откуда знаешь? — насторожился чернявый.

— На экскурсии бывал, — криво усмехнулся Дергун. И опять впился взглядом в лицо лежащего на мостовой парня. Потом осторожно вытянул руку и попытался нащупать пульс на его шее.

Парень в футболке неожиданно глубоко вздохнул, открыл глаза и медленно приподнялся на локтях. Взгляд его был слегка мутноватым, но вполне осознанным.

— Кто стрелял? — нервно спросил парень. И облизнул губы.

— Живо-ой! — разочарованно протянул рыжий.

Очевидно, надеялся вытянуть из Игоря много баксов. Наверняка, уже мысленно распределил, где и как их с толком потратить. Но сегодня был не рокерский день.

— Надо «Скорую» вызвать! — тонким голосом пропел чернявый.

— Гаи надо!

— Кому... «Скорую»? — недоуменно спросил парень.

— Тебе, чудило! — усмехнулся рыжий.

— Может, у тебя закрытый перелом.

— Или какая-нибудь гематома!

— У меня была гематома. Помнишь, как я в дерево влетел в Дегунино? — неожиданно весело объявил светловолосый.

— Кто стрелял? — недоуменно оглядываясь, переспросил лежащий на мостовой длинный парень. И приподнявшись на локтях, сел.

— Слышь, ты, чудило! Тебе в больницу надо!

— Сам иди! Мне и здесь хорошо! — неожиданно зло отозвался парень. И на удивление легко поднялся на ноги.

Дергун облегченно выдохнул и нервно засмеялся. У парня явно не было никаких переломов. Возможно,

только ушибы. «Гематома» какая-нибудь. Экскурсия в тюрьму по второму кругу откладывалась на неопределенное время. Хотя, может, парень еще в шоке от случившегося.

Через полчаса они сидели за столиком в «Макдоналдсе», что на Пушкинской площади и обедали. Вернее, обедал только длинный парень в футболке, Игорь угощал. Лучшего способа компенсировать моральный ущерб он не придумал. Почему-то совать парню пару зеленых за причиненные неприятности, рука не поднималась. Рокерам Игорь дал по десять баксов каждому, и те с радостью взяли. И еще долго благодарили. Даже ручищами вслед махали. Длинный парень в футболке был явно другой породы.

С некоторых пор Дергун терпеть не мог забегаловки на американский манер, считал, его заработки позволяют более трепетно относиться к своему здоровью. Теперь наблюдал, как длинный парень, один за другим, уничтожает гамбургеры, запивает их томатным соком из стакана, заедает печеной картошкой, и только покачивал головой. Сам он отпивал «Ессентуки № 17» из маленькой пластиковой бутылки, принесенной с собой из машины. Он берег свое здоровье.

Совершенно очевидно, Игорю Дергуну и сегодня повезло. И именно это его настораживало. За светлой полосой удач, непременно следует другая, противоположная.

— Холестерин! — поморщился Дергун, глядя, как длинный парень с аппетитом уминает третий гамбургер.

— Вкусно, — кивнул парень.

— Тебя как зовут-то?

— «Что в имени тебе моем? Оно умрет, как шум печальный», — автоматически брякнул Сергей.

Такое случалось почти регулярно. Помимо желаний, чаще всего ни к селу, ни к городу, из его рта вылетали самые разнообразные классические строчки. Сказывалось бабушкино воспитание.

— Однако-о! — удивленно протянул Игорь. «На ловца и зверь бежит!» — промелькнуло у него в голове. Можно подумать, зверье только и делает, что бегают, ищет своего ловца. В его голове тут же родилась неплохая идея. Наивный, самонадеянный человечек. Он почему-то уверился, что «сам родил эту идею». В действительности, там, в небесной лаборатории, кто-то нажал на очередную кнопку и на землю, напрямик в темячко Игорю, был направлен соответствующий импульс. Ему должна была прийти в голову именно ЭТА мысль, и никакая другая. Так уж было запрограммировано.

— Хочешь хорошую работу? — в лоб спросил он парня.

— От работы кони дохнут, — неопределенно ответил тот, но жевать перестал. Явно заинтересовался. Даже чуть склонил голову набок, ожидая разъяснений.

— Знаешь певицу Мальвину? — небрежно, поглядывая по сторонам, спросил Игорь.

— Кто ж ее не знает! — удивился парень.

«Никто и не знает!» — подумал Дергун. «Только такие лохи, как ты!». Но вслух сказал:

— Хочешь быть ее личным охранником?

— Кто ж откажется! — напряженным голосом пробормотал парень. — Только я не обучен. Ничего такого не умею.

— Какого такого?

— Ну, там.... Отстреливаться, выслеживать, взрывные устройства проверять, погони и все такое.

— Ты детективов насмотрелся, парень. Работа охранника, не бей лежачего. Охранять покой и неприкосновенность эстрадной звезды, одно удовольствие. Тебе еще бабки будут платить.

Парень неожиданно сильно закашлялся. Видно, подавился гамбургером. А, скорее всего, последствия удара о бампер «Ауди». Он втягивал в себя через нос воздух, таращил глаза, раскачивался на стуле и сильно стучал кулаком в грудь.

«С таким только в разведку!» — с неожиданной злостью подумал Дергун. «Раньше с таких плакаты рисовали. Типичный социальный герой для кино!». И он принялся подробно расспрашивать.

Выяснить удалось немного. Сергей Кострюлин, (пишется через «о»!), так звали парня, ни в какую не желал выворачиваться наизнанку. Даже перспектива стать единственным охранником самой Мальвины, ежеминутно видеть, повсюду следовать за нею, не подвигнула его к откровенности. Отвечал односложно. Учился, занимался спортом, ошеломительных результатов ни там, ни там не добился. Родители научные сотрудники, в данный момент за границей. Проживает с бабушкой, бывшей учительницей. Не был, не состоял, не привлекался.

Единственное, что настораживало, служба в «горячей точке». Игорь по опыту знал, многие возвращаются оттуда законченными отморозками, но парень производил впечатление нормального. Зажат несколько, но это даже к лучшему.

Идея Дергуна была проста, как огурец. Приставить к Мальвине своего человека. Эта «бешеная шалава», мысленно Игорь ее называл только так, в последнее время совсем соскочила с резьбы. Могла заявиться на утреннюю репетицию под газом. Или вообще не прийти. Могла позвонить по мобильнику среди ночи его жене и полтора часа выпытывать у перепуганной Веры, верно ли, что они собрались разводиться. Дескать, она, Мальвина, видела пророческий сон, в нем все по-другому показывали. Могла под окнами его дома в окружении малолеток фанаток устроить среди ночи «третье отделение сольного концерта». На радость соседям, ментам из районного отделения и пронирыливым журналистам из «Московского комсомольца».

Короче, чтоб вся ситуация с Мальвиной была под контролем, Игорю, как воздух нужен был при ней свой человек. Только не из охранного агентства. Эти такие цены ломают, мало не покажется! Нужен надежный и исполнительный парень. Не задающий лишних вопросов. Желательно, дембель, заочно влюбленный в эстрадное светило, который ради возможности дышать с ней одним воздухом, будет носом землю рыть. Докладывать обо всех передвижениях Мальвы, ее планах и даже снах.

Парень, сидящий напротив, подходил на эту роль стопроцентно. Явно час назад сама Фортуна швырнула его под колеса «Ауди». И это была единственная верная мысль Игоря Дергуна за весь день.

— Паспорт с собой?

— Вчера получил.

— Давай сюда.

Еще через полчаса они входили в модный магазин «Супермен», что совсем недавно открыли на Трифоновской улице исключительно для разнообразных охранных структур, которых расплодилось по Москве не меряно. Любители рыбалки, охоты и эстрима на природе могли подобрать здесь что угодно, любую униформу.

Перед ними мгновенно, как чертики из табакерки, возникли две девицы. Обе в таких коротких юбочках, что впору называть их набедренными повязками. Обе как сестры-близняшки. Только одна чуть покрупнее, другая помельче. Обе в униформе, чем-то отдаленно напоминающей американскую.

— Можем помочь?

— Мы к вашим услугам!

— Зачем же сразу обе? — обаятельно улыбнулся Игорь.

Это он умел, обаятельно улыбаться. Считал своим сильным козырем. Вообще, когда хотел, Дергун умел производить на женщин впечатление. Многие в попсовом мире были убеждены, своими успехами он обязан исключительно бабам.

— Вас ведь двое! — удивилась одна из девиц, более мелкая.

— Нас не двое, — еще шире улыбнулся Игорь. — Нас... один!

И он выразительно кивнул на стоявшего чуть сзади Сергея.

— Экипируйте его, девушки, по первому разряду!

— Охота, рыбалка или просто игры на свежем воздухе? — придав лицу максимально строгое выражение, спросила более крупная.

— Ни то, ни другое, — вздохнув, ответил Дергун. И понизив голос, сообщил доверительным тоном. — Сопровождение эстрадной звезды. Знаете, так... чтоб со вкусом! И чтоб особенно в глаза не бросалось. Подберите что-нибудь такое, нейтральное...

Глаза обеих девиц вспыхнули нездоровым интересом, они понимающе закивали головками. Тут же подхватили Сергея под руки и увели в кабинку, замаскированную под гигантскую плащ-палатку.

Дергун уселся в кресло, достал сотовый телефон и позвонил жене. Домашний номер был хронически занят. Не иначе, Вера опять обсуждала со своей матерью условия развода. Раз в месяц, как по расписанию, она закатывала дикие истерики и требовала развода с фантастическими алиментами в финале. Суммы раз от раза все возрастали, аппетиты ее маменьки росли, как на дрожжах. Первое время Игорь бесился, бил посуду и, хлопнув дверь, уезжал ночевать в свою прежнюю холостятскую квартиру. Потом смирился и равнодушно выслушивал доводы жены, почему им крайне необходимо срочно развестись.

Мало кто знал, разве только близкие друзья, которых у Игоря осталось двое-трое, что его жена больна шизофренией. Навалилась эта «прелесть» на бедную Веру сразу после вторых родов. Она сильно располнела, в глазах появился какой-то нездоровый блеск. Начала в голос разговаривала сама с собой, даже в присутствии посторонних. На ребенка просто не обращала внимания, будто он ей совсем чужой.

Сначала Дергун думал, обычное явление, последствие тяжелой беременности, многие через это проходят. У Веры вдобавок было слабое сердце. Но когда она дважды за одну неделю попыталась покончить с собой, а однажды чуть не выбросила с балкона их маленького сына с восьмого этажа, Игорь забил тревогу. Поднял на ноги всех знакомых, угробил чертову уйму баксов на самых известных врачей. Приговор всех светил психиатрии был единодушным, «вялотекущая шизофрения». С весенними и осенними обострениями. Окончательно не излечивается. Можно только слегка тормозить процесс.

Несколько дней подряд Игорь Дергун пил. Потом встряхнулся и решил продолжать жить, будто ничего не случилось. Жену в больницу не отдал. Знал, условия там хуже любой тюрьмы. Разводиться тоже не решился. Наивно надеялся на чудо. Вдруг, как-нибудь все само собой образуется, рассосется. Нанял детям через фирму «Ласка» приходящую няню и с утроенной энергией взялся за добывание денег.

Отвлек Игоря от мрачных мыслей, появившийся из плащ-палатки, Сергей Кострюлин. В сером элегантном костюме секьюрити. Правда, брюки следовало слегка

укоротить и под куртку надеть черную футболку, а не грязно-фиолетовую, но это уже детали. Восхищенные взгляды обеих девиц убедили Игоря, и на этот раз интуиция его не подвела. На секунду мелькнула ревнивая мысль, что с парнем хлопот не оберешься, уж слишком красив, девицы так и млеют, из трусов готовы выпрыгнуть, но он отогнал ее, как недостойную солидного человека.

— Пройдись взад-вперед! — кашлянув, приказал Игорь.

— Я тебе что, манекенщик?

Сергей начал уже злиться, но девицы цепко подхватили его под руки и начали прогуливаться перед заказчиком, как по подиуму. Поворачивались, так и эдак, демонстрируя новоиспеченного охранника со всех ракурсов. Себя при этом тоже не забывали. Явно рассчитывали на вознаграждение.

— Заверните! — кивнул Дергун.

— Может, я так пойду? — кашлянул Сергей. Было видно, форма секьюрити ему нравится.

— С завтрашнего дня. И только на службе, — отрезал Игорь.

— Оставьте его нам! — дружно захихикали девицы.

— Костюм или мальчика? — прищурился Игорь. Он уже достал из бумажника пластиковую карточку.

— Обоих. Мы уж как-нибудь поделим! — улыбалась крупная.

— Передеретесь еще!

— Никогда в жизни! — веселилась вторая. — Мы монетку бросим. Марин! Ты чего предпочитаешь? Первое или второе?

— Мне, все или ничего!

— Может, меня спросите? — сдержанно спросил Сергей, одергивая куртку.

— Твой номер восемь! — поставил точку Дергун. — Иди, переоденься. Успеешь еще смутить все девичьи сердца.

— Он уже... — вздохнула та, которую звали Марина. — Полночи спать не буду.

— Принимай «Элениум», помогает, — усмехнулся Дергун.

Сергей скрылся за пологом плащ-палатки, Дергун протянул Марине пластиковую карточку и опять сел в кресло. Визит в «Супермен», как ни странно, поднял ему настроение. Он уже не жалел, что потратил довольно крупную сумму на костюм секьюрити, хотя терпеть не мог швырять деньги направо налево.

Игорь Дергун был довольно прижимистым мужчиной.

Еще через полчаса он подвез Сергея на «Ауди» к ДК им. Зуева. Здесь группе «Мальвины», в которой Дергун был продюсером, предстояло в течение двух недель давать концерты. Игорь припарковал машину в переулке, у троллейбусного парка, как раз напротив служебного входа. Сергей сидел рядом, на переднем сиденье и прижимал к груди пластиковый пакет с костюмом. Всю дорогу он глазел на огромные цветные афиши, расклеенные по всей Лесной улице, от Белорусского вокзала до самого ДК им. Зуева и как-то странно рассеянно улыбался.

Со всех афиш весело смеялась «Мальвина», «Мальвина»...

Бывают репетиции, когда все разлаживается. То ли магнитные бури, то ли чудовищно жаркое лето, сам черт не разберет. Электрики свет вырубают, когда хотят и никакие призывы соблюдать партитуру на них не действуют, девицы из подтанцовки сбиваются с ритма, музыканты безбожно фальшивят, все всё путают, кто-нибудь обязательно напьется, только держись.

Еще неделю назад, кажется, все было в лучшем виде. Тут хлопали, тут от восторга выли, а уж в этом месте, как в аптеке, несли к сцене громадные букеты. Дергун, наученный горьким опытом, после каждого недельного перерыва назначал прогоны программы.

День начался мерзопакостным образом. Костюмерша Наталья Кочетова, с тремя чемоданами и огромным кофром никак не могла поймать левака. Во всем виноват жлоб Дергун. Давно бы мог для группы купить какой-нибудь задрипанный «Рафик», снять подвал под склад и нанять пару постоянных рабочих. Ей и реквизиторам, таскающим на своих женских плечах из дома причиндалы эстрадной звезды, вышло бы большое облегчение. Все в группе были убеждены, он специально, чтоб жизнь медом не казалась. Чтоб ценили и знали, кто в доме хозяин.

Раз в неделю, особенно, на ночь глядя, Наталья твердо решала, послать всех, куда подальше. И найти другую работу. В конце концов, она по профессии портниха, окончила ПТУ с отличием, всегда найдет место. В костюмерши ее занесло вообще по воле

случая. Все ради Мальвины. В смысле, Надьки Соломатиной. Без нее, та давно бы опустилась ниже плинтуса. Надька ее крест, правда, неизвестно за какие такие грехи. Но каждое утро, как старая цирковая лошадь, заслышав призывные звуки марша, Наталья взваливала на себя все прелести обслуги эстрадной звезды. И не требовала никаких наград за сей подвиг.

На Кронштадском бульваре, где Наталья в гордом одиночестве проживала на третьем этаже в однокомнатной квартире, движение всегда интенсивное, но бестолковое. Можно час ловить машину и никуда не уехать. Такси в Москве давно занесли в Красную книгу.

Предстояло поймать машину, вернуться к подъезду, уговорить шофера перетаскать чемоданы и все это, за копейки. Дергун в лучшем случае оплачивал только половину затрат.

Сначала все шло как по маслу. Соседи по лестничной клетке, молодожены Машуня и Олег, сами напросились помочь и доволокли вещи Натальи до проезжей части бульвара. Попросили только автограф Мальвины. Дальше, хоть плач. Никто не жаждал ехать с такой грудой вещей в центр на Лесную улицу.

Наталья стояла на самом солнцепеке и обреченно махала рукой всем машинам подряд. Никто даже не глядел в ее сторону. Выручил другой сосед, Юра с шестнадцатого этажа. Он остановил свою «Скорую помощь» и, распахнув переднюю дверцу, кивнул:

— Залезай, соседка! С тобой всегда по пути.

Наталья в глубине души очень боялась машин «Скорая помощь». Все самое худшее в жизни связано с ними, но альтернативы не было.

У метро «Сокол», естественно, попали в пробку.

— В четверг видел клип этой твоей, Мальвы. По телеку.

— И как? — равнодушно спросила Наталья. Ей уже давно осточертело выслушивать от всех знакомых «квалифицированное мнение» о подруге, но она терпела. Иметь мнение может каждый.

— Симпатичная девушка, — сдержанно сказал Юра. Потом пожевал губами и, скосив глаза в боковое зеркало, добавил. — Только...

— Что «только»? Давай! Режь правду-матку!

Вообще-то Юра был серьезным вдумчивым мужчиной. В «Скорой помощи» работал исключительно из принципа, спасти людей. Давно мог бы возить какого-нибудь босса из коммерческого банка, получать втрое больше. У Юры был, как никак, первый класс.

— Понимаешь, странное ощущение... — нахмурившись, сказал Юра, — Будто это не она поет. Несоответствие какое-то. Ее оболочка и голос существуют, как бы, сами по себе. Не стыкуются.

«Шила в мешке не утаишь!» — пронеслось в голове Натальи.

Через двадцать минут она уже фурией носилась по лестницам, коридорам, закоулкам ДК им. Зуева и давала указания всем, кто попадался под руку. Такой у нее был характер. В день репетиции, стоило переступить порог закулисья, мгновенно взвинчивалась,

и от нее начинала волнами исходить пульсирующая энергия. Она сама получала кайф от такого состояния.

Сейчас она металась по просторной гримерной на третьем этаже и без конца туркала длинного худого парня.

Еще на вахте дежурный при ее появлении, торжественно объявил:

— Вот! Дергун приказал. Тебе на съедение. Зовут Сергей!

И вытолкнул вперед парня в потертых джинсах, фиолетовой майке и, несмотря на дикую жару, в строгом сером пиджаке.

«Мальчик! Только из армии. На эстраду залетел случайно. Дергун решил сэкономить, нанял первого, попавшегося под руку. Дешево и сердито» — промелькнуло в голове Натальи со скоростью бешено мчащегося курьерского поезда.

Она тут же приперла парня к стенке и выдала ему с десяток взаимоисключающих указаний. Тот ничуть не удивился, даже бровью не повел. Видно, в армии и не с таким сталкивался. Наталья с трудом сдержала смех, когда унюхала запах нафталина от его аккуратного пиджака. И решила сбавить обороты, но как только они переступили порог гримерной, завинтилась опять.

— Эй! Эй! Сергунчик! Не сюда-а! Не сюда, я сказала!

Сергей уже аккуратно поставил все чемоданы рядком в самый угол гримерной. Наталью это, естественно, взбесило, но она сдержалась.

— Этот чемодан положи на диван, вот сюда.... Нет, не так! Переверни! Открывать-то как, если замки с той стороны! Сам подумай!

Сергей послушно, но как-то крайне медленно выполнял указания. Лицо его выражало откровенную скуку.

— Пакеты скинь на пол! А этот чемодан... во-от сюда.... Вот, на этот стул.... Только стул пододвинь сюда... Мне так удобнее будет.

— Наташ! — глуховатым голосом сказал Сергей. — Ты здесь... вообще-то кем?

Он назвал ее по имени и «на ты», что очень понравилось Наталье, но она и вида не подала. Ринулась раскрывать чемоданы, доставать костюмы и развешивать их на плечиках по всей гримерной.

— Кем, кем! Костюмершей! И гримершей! И уборщицей! И грузчиком! Фигаро здесь, Фигаро там. Костюмы готовлю и сопли вытираю. Всем сразу. Кстати, достань, в шкафу должен быть пылесос. У меня от пыли аллергия. В темпе, в темпе! Как муха сонная!

Сергей послушно достал пылесос, размотал провод, методично начал осматривать стены гримерной.

— Слушай, это... втыкать куда? — наконец изрек он.

— Сказать... куда? Или сам сообразишь.

— Розетки нет.

— В коридоре она. Возьми удлинитель и смело втыкай.

На стене защелкал динамик местной трансляции, раздался хриплый женский голос: «Раз!.. Два!.. Три!.. Четыре!..».

— Наша Нора! Ничего голосок, а? Мертвого разбудит, — усмехнулась Наталья. — Ходят слухи, она счет дальше пяти не знает!

Сергей никак не среагировал, он педантично тянул из коридора провод для подключения пылесоса.

— Сергунчик! Давай, пока силы есть, стол сдвинем! Во-от сюда!

Сергей аккуратно поставил в стене пылесос и подошел к огромному столу, задвинутому в угол. На нем Наталья намеревалась гладить.

Потом они довольно долго двигали стол. Из одного угла примерной в другой. Наталью ни один из углов не устраивал. В раздумье она остановилась посреди примерной, что-то соображала, прикидывала.

— Наташ! Ты с ней... с самой давно знакома?

Наталья повернулась к парню, вопросительно подняла брови. Тот кивнул на яркую цветную афишу Мальвины, висевшую у двери.

— С Мальвой? С детства. В одном детском доме куковали. На одном горшке сидели. Чего ухмыляешься?

— Так, ничего, — пожал плечами Сергей. — Вдвоем на одном горшке. Одновременно, что ли?

— Давай стол на прежнее место! У тебя, между прочим, патологическое воображение. Взяли!

Пока двигали стол на прежнее место, оба молчали. Как зверушки, настороженно присматривались друг к другу, принюхивались.

Из динамика опять раздался хриплый женский голос: «Раз!.. Два!.. Три!.. Четыре!.. Раз!.. Два!.. Три!.. Четыре!»

Как только задвинули стол на прежнее место, Сергей спросил:

— Она в жизни такая же?

— Как в телевизоре, что ли? Ага. Даже лучше. Все зависит от телевизора. Опять ухмыляешься? Смотри, при Мальвине не вякни чего. Она этого терпеть не может. Я, между прочим, тоже. Учти это.

— Что?

— То самое. Ухмылки вот эти твои... наглые.

— Это от зажима.

— Не такой ты застенчивый, каким прикидываешься. Я женщина опытная. Во всех отношениях. Теперь во-он тот чемодан, давай сюда!

Сергей поднял за ручку самый большой чемодан и преувеличенно выпучил глаза. Якобы, от непомерной тяжести.

— Золотые слитки, да? — опять ухмыльнулся он.

— Костюмы, обувь. Чем талантливей певица, тем больше у нее костюмов. Понял?

— Понял, — засмеялся Сергей. — Чем бездарней, тем меньше. У кого совсем таланта нет, те что, стриптиз показывают?

Наталья уже раскладывала на столике Мальвины баночки, скляночки, пудреницы и парики. Она на секунду замерла. Терпеть не могла, когда по ее адресу иронизировали. Медленно повернулась к Сергею и, скрестив на груди руки, прищурилась.

Все в группе знали. Если Наталья щурится, жди грозы. Сергей этого не знал. Продолжал разматывать провод от пылесоса.

— Ты как к нам попал? Игорь на работу берет за деньги или совсем тупых.

— Игорь, это кто?

— Здравствуйте, я ваша тетя! Игорь Николаевич! Продюсер, кормилец, отец родной. Ты как к нему попал?

— Он меня на машине сбил.

— Головой сильно ударился?

— Плечом. Слегка.

— Значит, не за деньги.

— Значит, я тупой. Спасибо.

Наталья несколько секунд помолчала, но щуриться перестала. Потом даже улыбнулась. Что перед репетицией случалось крайне редко.

— Ну-ка, подойди сюда!

— Зачем? — недоуменно спросил Сергей.

— Для дела. От тебя нафталином пахнет?

— От пиджака. Бабушка, чтоб не испортился, чтоб моль не съела..

— Понимаю! — продолжала улыбаться Наталья. — Между прочим, нафталин терпеть не могу! У меня на него аллергия! По всему телу красные пятна. Показать? Подойди, подойди! Ближе!

— Ты же не любишь нафталин.

— Опять ухмыляешься? Не бойся, не укушу!

Сергей подошел к ней почти вплотную. Неожиданно Наталья достала из-за спины баллон с дезодорантом и обрызгала его с ног до головы. Сергей отскочил в сторону, начал отряхиваться как собака.

— Ты что, сбрендил!? Женским дезодорантом!

— Любимый запах Мальвины. Хочу, чтоб ты ей понравился.

— Подумает еще, голубой.

— Ну, это тебе это не угрожает.

— Хороший пиджак испортила... — недовольно пробормотал он.

В это мгновение в примерную без стука вошел невысокий, щуплый мужчина с явно испытанным лицом. Одет он был, как подросток из неблагополучной семьи. Кроссовки, джинсы, футболка с надписью «Адидас».

— Общий привет! — натужено улыбаясь, громко сказал он. И опустился в кресло прямо у двери.

— Только тебя не хватало! — зашипела Наталья. — Каким поганым ветром?

— Я не к тебе, к Мальвине! Кстати, где она?

Наталья бросила взгляд на часы и пожала плечами.

Надя гнала свой раздолбанный «Форд» на предельной скорости по Ново-Рижскому шоссе в сторону Волоколамска. Ранним утром, еще глаза продрать не успела, сидела на кухне и глотала обжигающий кофе, когда во входную дверь раздался звонок.

Какой-то короткий, робкий, неуверенный.

«Мать вашу!!!» — мелькнуло в голове у звезды. «Сейчас я вас научу уважать неприкосновенность частной собственности!». Она была абсолютно уверена, за дверью вконец обнаглевшие фанатки. Даже не накинув халат, прямо в ночной рубашке, схватила швабру и распахнула входную дверь. Но это были не фанатки.

На лестничной площадке стояли двое. Мальчик и девочка. Лет двенадцати. Оба почти с одинаковыми стрижками, оба в синих джинсах и белых рубашках с закатанными рукавами. И выражение глаз у обоих было одинаковым.

«Свои! Детдомовские!» — молнией пронеслось в голове Нади. «Своих» Надя узнавала в любой толпе мгновенно. В глазах у «своих» в любом возрасте пульсирует вопрос: «Вы меня не обидите?».

Надя сильно выдохнула, отставила швабру в сторону.

— Квартиру убираю. Вам чего?

— Простите, Надежда Соломатина здесь живет? — спросила девочка. И покраснела. Наверняка, наслушалась об ее успехах на эстраде. Может, даже диски собирает.

— У нас поручение, — вежливо, но строго сказал мальчик.

— Проходите! — ответила Надя и посторонилась, пропуская их в узкий коридор. — На кухню. Чай пить будем.

— Нам некогда. Нас автобус ждет.

— Мы на экскурсию приехали.

— Отвали! Подождет ваш автобус, не развалится.

Надя почти насильно втокнула обоих на кухню, усадила за стол, поставила перед каждым по большой чашке. На середину стола грохнула из холодильника огромный торт, который с вечера купила для реквизиторши Сони. У той сегодня юбилей. Тридцать лет на эстраде.

— Нам, правда, некогда. Мы по делу.

— Чай с тортом и есть самое важное дело. Отвали!

Надя моментально плеснула кипятку в чашки, бросила по пакету «Липтон» и принялась резать торт. Для Сони придется покупать еще один. Раз обещала, то обещала.

— Что там у вас?

— Поручение.

— Это я уже поняла. Какое?

— Передать вам письмо.

Мальчик встал со стула, достал из кармана слегка помятый конверт и протянул Наде. Девочка, не мигая, смотрела на афишу «Мальвина», прикрепленную к двери кухни.

— Копайте! — кивнув на куски торта, приказала Надя.

Стриженная парочка тут же принялась копать.

Взяв письмо, Надя ушла в комнату и плюхнулась на еще незастеленную тахту. Сунула в рот сигарету, щелкнула зажигалкой. Привычку курить на голодный желудок она не собиралась бросать.

Письмо было из Волоколамска от старшей воспитательницы Ларисы Васильевны Гонзалес. Их с Натальей второй матери. Бабу Лору любили все воспитанники. Ходили за ней хвостом, только ей доверяли свои мечты и тайны. «ЛорВася» никого не обделяла вниманием, находила минутку каждого подгладить по стриженной голове, сказать нужное слово, а если требовала ситуация, и по затылку треснуть. Но так, слегка, ничуть не больно.

«Наденька! Я совсем плоха. Лежу на больничной койке в нашей районной больнице № 2. Чувствую,

осталось недолго мучиться. Как получишь письмо, немедленно приезжай. Нужно сообщить тебе нечто очень важное. Твоя баба Лора».

Теперь Надя неслась по Ново-Рижскому шоссе на своем «Форде», и чувствовала, как к горлу подступают рыдания. Дома ей даже в голову не влетело сообщить в группу, почему не сможет быть на репетиции. Вспомнила, только выехав за Кольцевую.

Дважды пыталась из машины по мобильнику дозвониться до Наташки, дважды безуспешно. Когда поняла, что не дозвонится, швырнула мобильник на заднее сиденье и взглянула на себя в зеркальце заднего вида. Без блондинистого парика и не намазанная, она себе никогда не нравилась.

— Отва-али-и! — прошипела она отражению и вцепилась обеими руками в руль.

«Форд», рыча и оставляя за собой хвост светло-голубого дыма, глотал километр за километром. Шоссе было абсолютно пустым.

На втором этаже ДК им. Зуева Наталья продолжала со злостью швырять вещи в разные стороны, при этом извергала груды пепла и раскаленной лавы на голову потрепанного мужика.

— Каким поганым ветром тебя занесло? — раздувала она ноздри.

— Ты всегда так ласково и нежно встречаешь, это не может не восхищать! — скалился потрепанный мужик. Зубы у него тоже были, явно второй свежести.

— Зачем пришел? — продолжала бушевать Наталья.

— По делу. Исключительно, по делу. И вовсе не к тебе. Увы!

— Тогда... застегни ширинку! — неожиданно хихикнула она.

Потрепанный мужик опустил голову и... весело засмеялся. Из расстегнутой молнии виднелся светлый кусок семейных трусов.

— Я всегда в полной боевой готовности!

— Легко вам, поэтам, жить. Все такие творческие, рассеянные, не от мира сего. Можно с расстегнутой ширинкой ходить. Не осудят.

Из динамика раздался голос: «Здравствуйте, дорогие мои! Начинаем работу! Прошу всех собраться и провести репетицию на достойном уровне! Радисты-ы! Радисты-ы!.. Какой гад отключил трансляцию в буфете!? Я спрашиваю, кто тот мерзавец и негодяй, который отключил буфет!? Не понятно, что меня там не слышат!!!».

— Тебя, родная, слышат даже на Красной площади! — пробормотала Наталья.

Потрепанный мужик повернул голову к Сергею, нахмурился.

— А это кто? — спросил он Наталью.

— Охранник. Персонально для Мальвины. Тебе-то что?

— Просто я любопытен. Как все творческие натуры. Какой-то... древнеславянский богатырь. Откуда родом, приятель?

— Я из разных мест, — резко ответил Сергей.

Он не любил, когда о нем говорили в третьем лице. Будто он какой-то неодушевленный предмет.

— Четко и понятно. В таком разе, давай познакомимся.

Мужичок легко поднялся с кресла и протянул Сергею руку. Тот машинально пожал. Рука была вялой и влажной, даже потной.

— Николай Скворцов! Поэт песенник! — представился он.

— Автор, между прочим, целых...аж!.. двух с половиной шлягеров. В свое время, жу-уть каких популярных! — вставила Наталья.

— И самое главное, муж вот этой красотки, — ничуть не смутившись, продолжил мужик.

— Бывший, слава тебе, Господи! Бывший!

— Все мы бывшие. Каждый на свой манер.

— Чего заявился?

— Шел мимо, увидел афишу, воспоминания так и нахлынули.... Дай, думаю, проведаю старых друзей. Заодно на супругу полюбуюсь.

Мужичонка опять основательно уселся в кресло, даже ногу на ногу закинул. Достал мятую пачку сигарет, щелкнул зажигалкой.

— Ты все такая же. Цветешь и пахнешь. Как тебе удастся сохранять форму? Секрет, какой знаешь?

— Секрет прост, — огрызнулась Наталья. — От тебя держаться подальше.

Николай подмигнул Сергею и тяжело вздохнул.

— Все-таки, жена у меня, красавица!

— Которая? — подняв брови, наивно спросила Наталья.

— Тебя имею в виду. Исключительно тебя.

Из динамика опять раздался гневный женский голос: «Электрики! Свет мне на пульте включите или так, и буду в темноте колупаться!? Электрики! К вам обращаюсь!!!».

— Сам уйдешь или натравить на тебя Нору? — Наталья кивнула в сторону динамика. — Она тебя с кашей съест. Кости в окошко выбросит. Уйди по-плохому. По-хорошему, хуже будет.

— Не надо в окошко. В окошко я и сам могу.

«Электрики!!!» — медведем взревел динамик. «Последний раз прошу, зажгите свет на пульте! Я не ночная бабочка, в темноте порхать! Переломаю ноги, сами на руках меня носить будете!!! Я не угрожаю! И не запугиваю! Лучше добром зажгите свет!».

В примерную без стука вошел Дергун. Подтянутый, собранный в элегантном светлом костюме. В облаке мужских духов «Арбат», которыми всегда поливал себя ведрами.

— Где Мальва? — не поздоровавшись, спросил он. — Опять опаздывает! Натали! Я человек терпеливый...

— Я-то здесь при чем? — буркнула Наталья.

Дергун заметил Николая, сидящего в кресле, небрежно кивнул.

— Почему без формы? — раздраженно спросил он Сергея.

— Бабушка не успела подшить брючины...

— Бабушка, дедушка... — поморщился Дергун. — Чтоб завтра был в форме. И вообще! Твое место перед дверью, не здесь. Свободен!

Сергей вопросительно взглянул на Наталью, та лишь передернула плечами. Он аккуратно начал складывать провода на стул.

Потрепанный мужичок, увидев Дергуна, расплылся в радостной улыбке. Просто расцвел, как пожухлый цветок. Даже сигарету затушил о подошву кроссовки. Вскочил с кресла и подхватил Дергуна под руку.

— Игоречек! — воскликнул он. — Вот ты-то мне как раз и нужен! Игорек! Я написал цикл новых стихов....Скажу по секрету, только тебе, как другу....Стопроцентные шлагеры!

Дергун, недовольно морщась, освободил руку и кивнул Сергею.

— Сережа! Проводи товарища... в буфет! Подойду через пять минут. Ждите меня там. Оба. Оба! Сережа! Вперед! Вперед!!!

Дергун довольно бесцеремонно вытолкнул обоих из гримерной и плотно прикрыл за ними дверь.

Из динамика опять донесся низкий женский голос: «Монтировщики! Монтировщики!!! Я вам что, девочка!? Бегать за вами, молотки подбирать!? Немедленно вернитесь и заберите молотки! И гвозди тоже!»

Дергун прошелся по комнате и уселся за гримерный столик Мальвины, посмотрел на себя в зеркало. И нахмурился.

Игорь хмурился, потому что сам себе нравился.

— Я не понял, где Мальва? — жестко спросил он.

— Куда она денется, — поморщилась Наталья. — Ты чего вздрюченный? Жена достала своими фокусами?

— Хуже, — откликнулся Дергун. — Значительно хуже. Скажу только тебе, как близкому другу...

— Когда это мы из любовников в друзья перескочили?

— Не придирайся к словам, — поморщился Дергун. — Дело очень серьезное. Дай слово, никому ни звука!

— Век эстрады не видать! — поклялась Наталья.

Дергун некоторое время молчал. Потом сказал, как выдохнул:

— Сборы падают.

— Тоже мне, новость! Об этом на каждом заборе только ленивый не пишет.

— Еще немного и покатится снежный ком. Я это кожей чувствую. Не остановишь. Глуши мотор, сливай воду!

— У всех они падают. Не только у нас.

— Где, все-таки, эта шалава? — вздохнул Дергун. — Иногда очень хочется открутить ей голову!

На окраине Волоколамска, сразу за бензоколонкой, Надя свернула направо и остановилась у магазина «Все для Вас!». Магази́нчик был небольшой, но купить в нем можно, что душе угодно. Начиная от одежды, и кончая продуктами питания для младенцев.

Надя купила торт «Птичье молоко», связку апельсинов, три пачки печенья, литровый сок «Виноградный» и десяток шоколадок.

Выйдя из магазинчика с двумя пластиковыми пакетами в руках, прихватила у бабульки, сидящей тут же на ступеньках, букет цветов и два пучка редиски. Где-то слышала, редиска очень помогает. От всех

болезней. Свалила пакеты на переднее сиденье и, проехав метров двести по бетонным плитам, подкатила к двухэтажному блочному зданию. Машину бросила прямо у входа, даже сигнализацию не включила.

В вестибюле было темно и прохладно. Ни души. Никакой охраны, никаких дежурных. Только черная кошка, задрав вверх хвост, медленно проследовала из приоткрытой двери регистратуры на улицу.

«Тьфу! Тьфу! Тьфу!» — мысленно сплюнула Надя, и хотя не верила в приметы, прижав пакеты к груди, постучала себя кулачком по голове. Где тут найдешь настоящее дерево. Кругом один пластик.

В окошке регистратуры толстая бабища решала какой-то бесконечный кроссворд. Или сканворд. Или как их там? Толстые, ярко покрашенные губы ее беспрерывно шевелились.

Надя осторожно постучала костяшками пальцев по дверце окошка.

— Гонзалес Лариса Васильевна! В какой палате? — каким-то просительным тоном, выдавила она из себя.

Во всех государственных учреждениях Надя слегка робела. Потому или откровенно хамила, или едва слышно, застенчиво бормотала.

— У меня обед, — не поднимая глаз, проворчала бабища.

— Неужели трудно ответить?

— Читать умеешь? Грамотная?

Бабища не поленилась, с удивительной легкостью оторвалась от стула, высунулась почти до пояса из окошка и тыкнула пальцем в мятый листок на кнопке.

Потом бросила на Надю, полный ненависти взгляд, и с треском захлопнула окошко.

На листке ученическим почерком было нацарапано:

«Регистратура! Обед с 12—15 до 12-45. Не стучать!».

Надя взвинтилась и начала действовать старым казачьим способом. Свалила пакеты на скамейку, достала из сумочки кошелек, из него пятьдесят рублей и опять постучала. Окошко раскрылось мгновенно, но не успела бабища и рта раскрыть, Надя сунула в окошко бумажку и повертела перед самой ее физиономией. Та, взглядом кролика на удава, несколько секунд смотрела на бумажку, потом перевела взгляд на Надю.

— Чего тебе? — мрачно спросила она.

— Гонзалес Лариса Васильевна! В какой палате?

Бабища проворно ухватила бумажку, сунула в карман. Достала из ящика стола амбарную книгу, слюнявя пальцы, принялась листать.

— Фамилия?

— Моя?

— Свою оставь при себе. Больной?

— Гонзалес. Лариса Васильевна.

— Когда поступила?

— Не знаю. Воспитательница она. Из детдома.

— А-а.... Испанка-а.... Давно уже тут, — почему-то разочарованным тоном пропела бабища. И захлопнула амбарную книгу. — Иди на второй этаж. Пятая палата. Все доходяги там. Ты ей кто?

— Отвали! — привычно рыкнула Надя.

— Белый халат с собой носить надо! — в ответ не удержалась бабища. И захлопнула окошко. Теперь уже окончательно и бесповоротно.

Надя хотела постучать и прочесть короткую лекцию о хорошем воспитании, ее больно резануло слово «доходяги», но плюнула. Не надо перевоспитывать человечество, само когда-нибудь доползет до гуманистических идеалов. Человек человеку друг, брат и все такое.

На втором этаже, естественно, пошла не в ту сторону. И сразу чуть с ума не сошла. Номера палат, как в китайской головоломке. Сначала четырнадцатая, потом сразу восьмая, потом почему-то третья. И спросить не у кого. Ни одного белого халата. Длинный коридор будто вымер. Только где-то громко орал телевизор.

Допилила до самого конца коридора и уткнулась в приоткрытую дверь маленькой подсобки. Осторожно просунула голову внутрь, увидела сидящую на табуретке худую женщину с изможденным лицом. Та откусывала от гигантского, (в полбатона!), бутерброда с ливерной колбасой, запивала чаем из тонкого стакана с подстаканником.

— Простите, где пятая палата?

— Где ж ей быть? — неожиданно ласковым тоном пропела женщина. И отхлебнула из стакана. — Ступай, милая, обратно по коридору, сама увидишь. В самом конце она и есть.

Надя распахнула дверь пятой палаты и чуть не закашлялась. В лицо ударила волна чудовищно спертого воздуха. Несмотря на жарыщу, форточка была

заклеена намертво. Запах пота, несвежего постельного белья, почему-то кислой капусты, йода и туалетной хлорки, такой коктейль не всякий нос выдержит.

Четыре кровати с пружинными сетками, на них, укрытые до подбородков одеялами, лежали три сморщенные старушки. Одна кровать пустовала. Две тумбочки и умывальник в углу. Вот и весь сервиз.

Надя окинула взглядом старушек и попятилась, уверенная, что ошиблась. Ларисы Васильевны здесь нет. И быть не может.

— Наденька-а! Приехала-а! — тонким голосом протянула одна из седых старушек с кровати у самого окна.

Надя сделала шаг вперед, всмотрелась в лицо лежащей и чуть не вскрикнула. На кровати, похожая на скелет обтянутый кожей, лежала ее воспитательница, вторая мать, Лариса Васильевна Гонзалес.

«Какой ужас!» — промелькнуло в голове у Нади, но она, собрав всю волю в кулак, радостно улыбнулась. Вернее, попыталась. Наверное, у нее получилось не лучшим образом. Лариса Васильевна, (или старушка, похожая на ее мать!?), понимающе покивала головой.

— Знаю, знаю. Я похожа не черта. Не пугайся.

Господи-и! Конечно, она хрюшка неблагодарная. Сколько лет не навещала Ларису Васильеву? Три года? Четыре? Нет, уже семь! Время летит, чихнуть не успеешь, уже новый век начался.

— Проходи, Наденька! Садись. Вон, возьми стул. Очень рада, что ты выбрала время, приехала навестить.

Голос у Ларисы Васильевны стал тонким, но по-прежнему чуть хриловатым. «ЛорВася» всегда

нешадно дымила. Единственной из воспитателей и персонала детдома не выпускала папиросу изо рта. Запах «Беломора» и духов «Кармен» были ее визитной карточкой.

Бедная Лариса Васильевна! Что с вами случилось! Темноволосая красавица, с огромными выразительными глазищами и хищным ястребиным носом. Как две капли воды похожая на знаменитую итальянскую актрису Анну Маньяни. Мы все вами гордились, подражали вам, мечтали быть похожими на вас!

Что с вами случилось? Кто сотворил эту несправедливость?

Надя пристроила пакеты на тумбочку, цветы положила прямо на одеяло, на грудь своей воспитательницы.

— Как чудесно пахнут! Вазы у нас нет. У меня в тумбочке где-то есть банка. Потом нальешь воды, и поставим на окно. Меня часто навещают, ты не думай. Коля Сазонов недавно был. Маша Илларионова. Мы все следим за твоими успехами. Очень гордимся тобой.

Надя кивала головой, но не могла выдавить из себя ни звука. Только улыбалась и кивала головой.

— А почему Наташа не приехала?

— Вы же ее знаете. Все бегаёт, суетится. В следующий раз приедем вместе.

Некоторое время поговорили о пустяках, о погоде. Потом вспоминали воспитанников, то одних, то других... Кто кем стал, кто куда уехал, кто кому пишет, кто пропал, будто в воду канул.

Наконец, Лариса Васильевна, уловив в глазах Нади тревожное ожидание, немой вопрос о «нечто важном», слегка приподнялась, сделала подушку чуть повыше и, откинувшись на нее, посмотрела на Надю ясными глазами:

— Я никогда не говорила, хотя прекрасно знала, рано или поздно спросишь.... Теперь время пришло. Дальше откладывать нельзя. Пододвинься поближе. Ты теперь взрослая самостоятельная девушка.

Надя, вместе со стулом сдвинулась к изголовью и наклонилась к ней совсем близко. Почувствовала даже дыхание. Прерывистое и какое-то очень-очень слабое.

— У тебя есть мать. Знаю, я нарушаю все инструкции, но ты должна знать. У тебя есть мать. Она жива и здорова. Ты должна дать мне слово, что съездишь к ней и.... И простишь ее.

Надя, расширенными от изумления глазами, смотрела на свою красавицу-воспитательницу или на то, что осталось от нее, и произвольно отрицательно мотала головой.

— Не-ет! Не-ет! — едва слышно шептала Надя. — Что ж она раньше-то... Она мне раньше была нужна, а сейчас.... Нет, нет!

— Надо быть добрыми! Запомни, Наденька! Надо научиться людей прощать. А дам адрес. Ты съездишь и... простишь ее.

Лариса Васильевна глубоко вздохнула и слегка отвернула голову к стене. Было видно, что ей болезненно трудно произнести вслух именно эти слова.

— Жаль, что Наташа не приехала! — глухо сказала Лариса Васильевна. — Очень хотела ее повидать.

Потом повернула голову, знакомым учительским тоном, добавила:

— Но пассаран, девочка! Но пассаран!

Наталья сидела на коленях у Дергуна. Он ее привычно ощупывал. Грудь, бедра, талию. Такая у него была привычка. При всем честном народе сажать к себе на колени девиц из подтанцовки или из реквизита и «проводить ревизию». Считал себя в своем праве. Кто-то взбрыкивал, и Дергун получал по полной программе «анданте». Но, к его чести, никогда не обижался и, уж тем более, никогда не мстил «отказнице». Был выше этого. Большинство относились к этому как к игре. Подумаешь, погладит тебя слегка шеф по заднице, не убудет, иногда даже приятно. Тем более, от Дергуна всегда приятно пахнет. И вообще, он умеет обращаться с женщинами.

— Что это ты исхудала? — обычно нахмурившись, по-отечески спрашивал он очередную девицу. — Питаешься хорошо?

— Какое тут питание! Платишь мало, Игорь Николаевич!

— Прибавлю. Раскрутимся на всю катушку, прибавлю, — убежденно говорил Дергун. В эту минуту он и сам в это верил.

Раскрутиться на полную катушку почему-то никак не удавалось. Дергун никому не повышал зарплат. Все знали, он просто скупердяй.

Наталья была исключением. Два года назад у них случился бурный двухнедельный роман. С поездками в

пансионат на Клязьму, с походами в ресторан и жаркими ночами в его «холостяцкой» квартире.

— Мне с тобой давно поговорить надо. Seriously. Ты вечером, где будешь, дома? — спросил Дергун.

— Жену прихватить не забудь, — усмехнулась Наталья. — Устроим шведский вечерок.

— Зачем ты так! — поморщился Дергун. — Запрещенный прием. Сама знаешь, моя жена, тяжело больной человек. Я должен нести этот крест до конца.

— Да, да. Ты тоже очень несчастный человек.

— Кто еще?

— Все! Я, ты, Мальвина, твоя жена, все. У нас вся страна сплошь несчастные люди. Специфика такая.

— Что предлагаешь? Упечь жену в больницу и жениться на тебе?

— Боже упаси! У тебя самомнение. Чтоб я за тебя!? Вся эстрада со смеху передохнет! Договорились уже, раз и навсегда. Что было, прошло. Похоронено и забыто.

Очень во время зарычал женский голос из динамика: «Девочки!.. Балетные!.. Все!.. Ваше время истекло!.. Кончайте ногами дрыгать!.. Только пыль поднимаете!».

— Ну-ка, пусти. Мне костюмы готовить надо.

Наталья соскочила с колен Дергуна, опять принялась за костюмы. Перевешивала на плечиках в одном ей известном порядке.

— Плохи наши дела, Натали! — вздохнул Дергун. — Стремительно катимся под горку. Интерес к Мальвине падает.

— Мне ли не знать! — хмыкнула она.

— Надо продержаться с программой хотя бы до Нового года.

— «Новый го-од! Настае-ет! Пожелать хочу вам счастья!» — запела Наталья, голосом Людмилы Гурченко.

— Натали! Соберись! — продолжал нудить Дергун. — Воздействуй на эту «шалаву». Только ты имеешь на нее влияние. Ее диски совсем не раскупаются. Пора закрывать лавочку, а я еще и половины вложенных денег не оправдал.

— Бедный ты, несчастный! Зачем тебе столько денег? Жрешь ты их, что ли?

— Знаешь, сколько стоит аренда клуба на субботу и воскресенье? Все для чего! Чтоб не терять приличный уровень. Если она сегодня сорвет репетицию, я ее выгоню! И виновата, будешь ты!

Субботнюю репетицию пришлось отменить. Мальвина так и не появилась в ДК им. Зуева. И даже не дала о себе знать. Проверили еще раз световую партитуру, музыканты и подтанцовка прошли свои номера, но без солистки. Потом все с веселым хохотом отправились в буфет праздновать юбилей реквизиторши Сони. Тридцать лет верой и правдой она служила советской, а потом и российской эстраде.

Скромную и безотказную Соню Кантор, прослужившую в театре Эстрады более двадцати лет, знали все. Одно время она обслуживала даже правительственные концерты. Была знакома с Утесовым, дружила, будучи еще совсем девочкой, с самой Клавдией Шульженко.

Поздравления прислали Иосиф Кобзон, Муслим Магомаев, Алла Пугачева, Евгений Петросян, Геннадий Хазанов, Эдита Пьеха и еще многие другие, с которыми Соня в разные годы, в разных программах вместе работала.

Вообще, эстрада, особенно в дни похорон и юбилеев, проявляет себя на редкость сплоченным содружеством. Даже переименовавшись в шоу бизнес, не теряет славных традиций.

Доска объявлений на втором этаже к вечеру уже не вмещала всех поздравительных телеграмм и открыток. Их просто пачками складывали на столик вокруг вазы с цветами.

Поначалу решили отметить в узком семейном кругу. Потому гостей никто не приглашал. Но каким-то непостижимым образом все, находящиеся на этот момент в Москве, пронюхали. И вечером к скромному ДК им. Зуева начали съезжаться иномарки всех мастей и расцветок.

Гости шли и шли. Приезжали, когда вздумается, поскольку никакого конкретного часа назначено не было. Откуда-то, не иначе из соседнего ресторана «Под дубом», появились официанты, и количество сервированных столов удвоилось, потом и утроилось. Пришлось накрывать их даже в вестибюле, рядом с гардеробом. А гости все пребывали и пребывали. Поднимались по узкой лестнице от служебного входа, с цветами, смехом и подарками.

Подарки складывали в отдельную комнату. «Левчик и Вовчик», Винокур и Лещенко, приволокли гигантский холодильник, почему-то розового цвета,

который при всем желании не мог поместиться в скромной квартирке Сони на Речном вокзале. Певица Валерия подарила керамическую вазу, размером с саму Соню. Вазу двое охранников не без трудностей подняли по лестнице. Валерий Леонтьев преподнес роскошный персидский халат. Регина Дубовицкая набор косметики.

Когда на следующий день провели ревизию подарков, все ахнули. Два холодильника, три телевизора, пылесос и трехскоростной вентилятор, печь СВЧ и посудомоечная машина, два набора посуды и видеомэганитофон, несколько косметических наборов и три сотовых, уже подключенных телефона. Создавалось впечатление, замужнюю Соню еще раз выдают замуж. Короче, умом эстраду не понять!

Впрочем, эстрадники всегда отличались размахом и широтой души, никогда не скупилась на подарки. Знай наших!

Потрясенная Соня сидела в центре стола в окружении дикого количества букетов и, слушая одно за другим поздравления, поминутно прикладывала к щекам ладошки. Она знала всех. Но не предполагала, что все артисты так же хорошо знают ее.

Сергей весь вечер жался по стенкам у гримерной Мальвины. Никогда не видел такого количества знаменитостей. Правда, большинство из них выглядело несколько иначе, нежели на телеэкране, оказывались меньше ростом и значительно старше возрастом.

Везде мелькал поэт Вишневский, который всем подряд читал свои одностишия. А потом без конца пел, «Я встретил вас...», выразительно вращая темными глазами... Прямо на лестнице второго этажа

иллюзионист Амаяк Акопян показывал каким-то балетным девицам фокусы с картами...Конферансье Лев Шимелов на спор, соревнуясь с певицей Ладой Денц, без остановки рассказывал анекдоты из серии, «приходит муж домой, и застает...»...Шум, взрывы смеха, радостные восклицания, тосты, поцелуи...

Все смешалось в ДК им. Зуева. Вино и пиво лились рекой. Кто не пил, тот ел. Кто не делал ни того, ни другого, танцевал. В одиночку или с кем-либо на пару. Или пел, стараясь перекричать орущие динамики.

Редкие прохожие, удивленно улыбаясь, останавливались и пытались разглядеть: что там происходит, на втором-третьем этажах.

Под самый занавес, далеко за полночь, гости, выстроившись, друг за другом «паровозом», начали танцевать, опять входящую в моду, «Летку-Енку». Образовали бесконечную цепь, которая начиналась в буфете, тянулась по всем этажам, плавно перетекая по ступенькам лестниц, выползала через служебный вход на улицу и, извиваясь пестрой змеей, терялась где-то там, между деревьями переулка.

Из распахнутых окон клуба на всю Лесную гремела музыка.

3

Для нормальных людей тяжелый день понедельник. Для эстрадников воскресенье. Особенно, после субботнего юбилея. Дергун в глазах всей группы проявил себя законченным садистом, назначив утреннюю репетицию. Хотя в глубине души все

понимали, это необходимость, вечером играть программу для зрителей. Билеты уже проданы.

Наповал всех сразила Надя, явившись на репетицию за полчаса до официальной явки. Правда, внешне никто не выказал и малейшего удивления. «Звезда» еще и не такие фортели откалывала. Помреж Нора, вяло подгонявшая сонных монтировщиков и разминающихся девиц из подтанцовки, вдруг взвизгнула и заорала басом в микрофон так, что у всех барабанные перепонки полопались:

«Машина Мальвины подъехала к подъезду!!! Внимание всем цехам!!! Мальвина подъехала к подъезду!!!».

Разумеется, во всем здании никто и ухом не повел. В воздух чепчики не бросали. Кроме одного человека. Новоиспеченного охранника Кострюлина. В этот момент он опять возился с треклятым пылесосом, тот почему-то забастовал и ни в какую не желал работать. Натужено гудел, сипел, но втягивать в себя пыль отказывался. Не иначе, тоже вчера перетрутился, ликвидируя последствия юбилея.

Услышав объявление по трансляции, Сергей дико заволновался. Бросил пылесос, подошел к окну, но ничего, кроме раздолбанного «Форда» у подъезда, не увидел. Сердце его колотилось.

«Что это со мной!? Бред какой-то!» — подумал он. И понюхал рукав новой куртки. От куртки за версту пахло любимым дезодорантом Мальвины. С самого утра костюмерша Наталья незаметно подошла сзади и, хохоча, опять обрызгала его с ног до головы.

По местной трансляции, отдаваясь по всем коридорам гулким эхом, из динамиков неслось уже новое объявление:

«Мальвина идет по коридору!!! Мальвина идет по коридору! Начнем прогон как положено, во время!».

Прямо, Штирциц идет по коридору! Все знали, помреж Нора буквально боготворит Мальвину. Сдувает с нее пылинки и готова стелить ей под ноги ковровые дорожки. Нора коллекционировала все афиши Мальвины, вырезала заметки из газет, складывала и систематизировала всю информацию о ней. Даже объявления по радио умудрялась переписывать себе на кассеты. Стать злейшим врагом Норы было очень просто. Достаточно где-нибудь в буфете сказать что-либо небрежное о незаурядном таланте Мальвины. В ход тут же шла тяжелая артиллерия.

Оскорбления, слезы, угрозы, шантаж. Как правило, уже через неделю, подключив Дергуна, Нора одерживала блистательную победу, и недооценивший талант Мальвины с позором изгонялся из группы.

«Мальвина идет по коридору!.. Всем внимание!».

Сказать, что Сергей заволновался, ничего не сказать. Он зажался, оцепенел и, как бы, одеревенел. Встал по стойке «смирно!» у двери и уже в который раз тщательно одернул куртку формы секьюрити.

Надя цокала каблучками по лестницам, коридорам и по-прежнему, ничего такого необычного в себе не ощущала.

А между тем, в небесной лаборатории древняя машина «Витта» уже работала на полную катушку.

Посылала один за другим направленные импульсы прямо в Сергея и эстрадную «звездочку» Мальвину.

Разумеется, они об этом и не подозревали.

Надя распахнула дверь своей гримерной, прошла на середину комнаты и, почувствовав на себе чей-то взгляд, резко обернулась.

У двери, чуть расставив ноги, в форме секьюрити стоял длинный симпатичный парень. Черная беретка, чуть набок сидевшая на голове, строгий серый костюм, выразительные темные глаза.

«Француз! Десантник!» —мелькнуло в голове у Нади. Она с детства была равнодушна ко всему французскому. Духи, фильмы, белье, журналы, все вызывало в ее душе странное волнение.

Вот и сейчас. Они встретились глазами и... в ее ушах зазвучали сразу несколько оркестров, исполняющих тихую симфонию на всех мыслимых инструментах, какие только есть в наличии у музыкантов всего мира. А сам мир, гримерная, костюмы на плечиках, столики с зеркалами, и все, что было за большим окном, мгновенно стал разноцветным и заиграл всеми цветами радуги.

Сергей тоже услышал эту симфонию. Правда, в его ушах она звучала в несколько маршеобразном варианте.

Так они и стояли напротив друг друга посреди гримерной и с какой-то настороженностью и удивлением рассматривали друг друга.

За окном неожиданно прогремел гром и внезапно на тихую Лесную улицу обрушился ливень. Не иначе, Лужков внял многочисленным мольбам москвичей и

выделил деньги на самолеты. Но они не слышали ни грома, ни шума дождя. Пару раз помреж Нора возмущенным голосом призывала кого-то к порядку. Они не слышали этого. Ливень закончился так же внезапно, как и начался. Он не смог усмирить разгулявшуюся над городом жару. Так, слегка смочил крыши и асфальт мостовых. Они не заметили и этого.

Они стояли посреди примерной и, не отрываясь, смотрели друг на друга. Порой по их лицам вдруг, одновременно пробежала какая-то странная улыбка. Безусловно, они уже встречались раньше. И не раз. Но в другой жизни.

Первой встряхнулась Надя. Она почувствовала, (в этом стыдно признаться, но это факт!), странную слабость в ногах, где-то под коленками. Дышать стало почему-то трудно, воздуха явно не хватало, хотя окно ее примерной было распахнуто настежь. Только что прошедший ливень должен был принести облегчение, но он в данной ситуации явно не справился.

Надя тряхнула рыжими кудрями, (блондинистый парик с утра не успела натянуть, так и пилила на «Форде» в рыжеволосом варианте!), резко повернулась, подошла к дивану, плюхнулась на него, скинула с ног туфли и подняла глаза на Сергея.

— Ты кто? Мой новый охранник?

— Так точно!

— Недавно из армии?

— Так точно!

Несколько секунд оба молчали, сверлили друг друга взглядами, но уже несколькими иными. Симфония в душах у обоих одновременно стихла, и оба

почувствовали легкое раздражение. На самих себя. Непривычно как-то. Оба ни разу в жизни не ощущали ничего подобного.

— Чего молчишь?

— Думал... вы блондинка, а ты... рыжая.

— Отвали-и! Тебя что, не устраивает?

— Почему, нет. Просто так сказал. Рыжие счастливые.

— Отва-али-и! Я исключение.

— Так точно! В смысле, хотел сказать, никак нет!

Надя неожиданно, закинув голову назад, громко расхохоталась. Но, как бы, на публику, которой не было. Самой не понравилось.

— Фантастика! Думала, таких уже не бывает... Ты еще и краснеть не разучился!

— Никак не могу отвыкнуть. Сосуды на лице очень близко расположены.

— Отвы-ыкнуть! — протянула Надя. — Такие сейчас на вес золота. Вот ты, сколько килограмм вешишь?

— Восемьдесят три.

— Считай, — Надя пошевелила губами, — пять пудов золота.

— Так точно!

— Ты, какие другие слова, кроме «так точно», знаешь?

— Так точно! — отрапортовал Сергей. И сам засмеялся.

Надя тоже засмеялась, но гораздо сдержаннее. Она изо всех сил старалась не выказать своих чувств.

— Моим любимым дезодорантом тебя Наташка обрызгала? Засранка-а! Сколько раз просила! Ладно, не бери в голову...

Надя мгновенно засекла, Сергей едва заметно поморщился, услышав слово «засранка». И тут же поклялась себе больше его не произносить вслух. Никогда в жизни.

— Она хотела как лучше. Хотела, чтоб ты мне понравился...

Эстрадная звездочка Мальвина, (в миру Надя Соломатина!), глубоко вздохнула и, чуть ли не со слезами в голосе, сказала:

— Она своего добилась... Ты мне уже нравишься! Как зовут?

— Сергей.

— Фантастика! Надеюсь, не Радонежский?

— Кострюлин.

Надя весело, по-детски, радостно захихикала.

— Каст-рюль-кин!?

— Кострюлин! Через «о», — строго сказал Сергей.

— Не надо коверкать мою фамилию. Я этого не люблю.

— Извини. Учту на будущее. Главное, не Радонежский. Был тут у меня один... Прямо с порога брякнул, я Александр Невский!

— Может, однофамилец, — пожал плечами Сергей.

— Нет. Он, этот самый Александр Невский, возомнил, что на него возложена великая миссия. Искоренить зло во всем мире. И начать он решил с меня. Представляешь?

— Так точно!

— Вот-вот! Пока разобрались, что у него на уме, пока из психушки вызывали, пока те приехали... Он меня чуть не угробил! Душить начал. Спасибо Наташке. Она сзади стулом ка-ак трахнет его по кумполу! Он и с копыт. Без нее никак бы не отбилась. Надеюсь, ты не из психов. Я психов очень боюсь. Ну-ка, подойди! Посмотрю в глаза. Ходят слухи, они зеркало души.

Сергей подошел к дивану. Надя смотрела на него снизу вверх, как ребенок смотрит на взрослого и незнакомого.

— Глаза у тебя-а... Смерть десятиклассникам! Ладно, тебе объяснили обязанности? Защищать меня, оберегать.

— Так точно!

— Брось ты это свое, дебильное «так точно». Не в армии. Пора отвыкать. Главное, во время концерта, всех выпускать, никого не впускать. Особенно гони в шею фанаток малолеток. Эти совсем бешеные. На куски разорвать могут. Из любой щели выползают. Даже из унитаза.

— Представляю! — усмехнулся Сергей.

— Ты еще и с юмором! Большое облегчение. Мужчина без юмора, что женщина без талии. Как считаешь?

— Полностью согласен. На все сто.

Из динамика донесся голос Норы. Но теперь какой-то вежливый, даже ласковый. «Девочки!... Уборщицы!... Пожалуйста!... Быстро с вениками на второй пандус!... Там какой-то вредитель намусорил!».

Надя резко встала с дивана, мельком взглянув в зеркало, поправила прическу и отошла к окну.

— Вот что, друг Серега! Я тебя так буду называть, — глядя в окно, не оборачиваясь, сказала она. — Сгоняй в буфет, принеси кофе, покрепче, скажи для меня, они знают. И два пирожных. С заварным кремом.

Сергей направился к двери, но на самом пороге остановился.

— Извини. У меня с собой денег нет.

Надя резко повернулась и, покачивая головой, негромко засмеялась. Когда смеялась, слегка морщила нос, и вокруг глаз появлялись мелкие морщинки. Сергею это сразу понравилось. Она становилась какой-то открытой и абсолютно беззащитной.

— Фантастика! — прошептала она. — Сразу видно, ты не из нашей братии. Скажи в буфете, для меня. Они запишут в книжечку, — тоном школьной учительницы, продолжила Надя, — У них такая бухгалтерская книга есть. Они всех туда записывают. Потом все скопом расплачиваемся. Чеши, друг Серега! Это надо... денег нет!

Сергей кивнул головой, по-военному повернулся «кругом!», двинулся на выход и столкнулся, нос к носу, с вошедшим поэтом-песенником Скворцовым. Тот отдал ему честь и пропустил в коридор.

— Какие люди-и! — равнодушно пропела Надя.

Она подошла к гримерному столику, опустилась на стул и начала внимательно рассматривать свое лицо.

— С чем пожаловал? Очередной серьезный разговор?

Скворцов взял стул, перевернул спинкой вперед и сел на него верхом, совсем близко к Наде.

— Мальвочка! Ты меня любишь?

— Не то слово. Только этим и занимаюсь. Подай полотенце.

— Сначала ответь. Ты меня любишь? Все-таки, я тоже приложил лапу к твоему восхождению на Олимп.

— На... куда!? В таком кабаке петать не довелось.

Надя раскрыла одну из коробок с вазелином и начала пальцами накладывать его на лоб и щеки. Одной рукой придерживала волосы, откинув их назад, другой от души мазала физиономию.

— А ты сам-то? — вдруг спросила она. — Сам себя любишь?

Скворцов коротко хохотнул и помотал головой.

— Не очень. Вернее, не слишком. Иной раз с утра посмотришь на себя в зеркало.... Так бы и дал, сам себе по роже.

— Не сдерживай порывы. Вредно для здоровья. От сдержанности бывает рак.

Николай Скворцов удовлетворенно улыбнулся, словно услышал приятный комплимент и поудобнее уселся на стуле. Смотрел при этом на отражение Нади в зеркале, хотя она сидела рядом.

— Слушай, Мальва! А ведь у нас с тобой был роман.

— Отвали!

— Точно помню, был. Еще до моей женитьбы на Наталье.

— Отвали, сказала! Мне и так несладко.

— Кому сейчас сладко.

— Таким как ты. Отвали!

— Ладно, сменим тему. Но роман у нас, все-таки, был.

— Спяну чего не померещится.

— Я тогда еще не пил! — наигранно-возмущенным тоном сказал Николай. — Только закусывал. Если начистоту, я и на Наташке женился, чтоб быть поближе к тебе. Созерцать, так сказать!

— Ты глухой, да? — начала раздражаться Надя. — Денег нет. И неизвестно. Будут только в конце недели. Отвали!

— Ты на редкость прагматическая натура. Удивляюсь, как в такой хрупкой оболочке столько всякого помещается.... Всякого и разного!

— Ты мне начинаешь надоедать! — серьезным тоном сказала Надя. И даже не секунду перестала мазаться. — Денег нет, уже сказала. Хочешь выпить, пойдешь в буфет, пусть запишут на мое имя...

— Я о серьезном... — обиженным тоном протянул Скворцов.

Он вытащил из-под себя стул, оставил его в сторону, отошел к окну и достал из кармана несколько смятых бумажек.

— Ты, я слышал, подыскиваешь новый репертуар.... Послушай, отниму всего несколько минут...

— Не надо! — заорала Надя. И даже шваркнула на столик коробку с вазелином. — Не надо-о! Отвали похорошему! О работе ни слова! Написал хорошие стихи, в чем я сильно сомневаюсь, приходи завтра. С утра и абсолютно трезвый!

— Я действительно написал неплохие стихи! — растерявшись, начал бормотать Скворцов. — Впервые за последние несколько лет. Ты послушай! Две минуты можешь мне уделить!?

— Слушай, Бальмонт! Мать твою... — угрожающим тоном прошипела Надя. — Я ничего не решаю в одиночку, только с Игорем, ясно-о!? С тех пор как ты слетел с эстрады, многое изменилось...

— Настоящая поэзия всегда в цене. Послушай только несколько строк, сама все поймешь...

— Отва-али-и!!! — чуть не плача, взмолилась Надя, — Ты мне мешаешь! У меня работа-а!!!

— Послушай! Пять строк! Всего пять строк!!!

Осторожно открылась дверь, на пороге появился Сергей, со стаканом кофе на блюдце в одной руке, с пирожными на тарелке, в другой. Он ногой прикрыл за собой дверь, поднял глаза на Надю.

— Сереженька! — радостно попросила Надя. — Огромная просьба, если не затруднит...Выброси этого...Тютчева в окошко! Пожалуйста! Он меня достал!!!

Сергей, хмуро поглядывая на поэта-песенника, подошел к гримерному столику, аккуратно поставил перед Надей тарелки. Та, тут же схватила стакан, сделала довольно большой глоток.

Поэт-песенник Николай Скворцов с мрачным видом рассовывал по карманам смятые листы бумаги. При этом он даже не смотрел на Надю, словно, ее вовсе не было в гримерной.

— Спасибо-о! — медленно протянул он.

— Пожалуйста-а! — передразнивая, протянула она.

Резкими движениями скинула с себя кофточку и, оставшись только в лифчике и юбке, напялила на голову изящную полиэтиленовую шапочку, схватила со спинки стула полотенце, направилась к незаметной двери в

углу гримерной, за которой явно находилась душевая комната. Оттуда постоянно доносился звук капающей воды. Кап-кап, кап-кап...

— Ты об этом пожалеешь! Локти кусать будешь!

— Кому?! — поинтересовалась «звезда», открыв дверь душевой.

— Сама просить будешь...

— Сережа! Кто спросит, я в душе, — сказала Надя.

При этом как-то виновато передернула плечами и бросила на него многозначительный взгляд. Было в этом взгляде что-то такое, чего Сергей понять не успел. Женщины это умеют. Быть наглой и застенчивой одновременно.

— Будешь бегать за мной... — угрожал Скворцов.

— Отва-али-и! — рявкнула Надя, и сильно хлопнув дверью, скрылась в душевой комнате. Оттуда донесся звук, включенного на всю катушку, мощного потока воды. Явно, сразу из обоих кранов.

Поэт-песенник, засунув руки в карманы джинсов, задумчиво покачался на месте с пятки на носок, и направился в коридор. На пороге остановился, бросил быстрый взгляд на Сергея.

— Слушай, Серега! Ты я вижу, парень неплохой. Могу я с тобой как мужчина с женщиной.

— Само собой.

— Одна просьба. Это очень важно. Я сейчас уйду. Совсем. Понимаешь? Если вернусь, ты меня не пускай, договорились?

— Как это? — недоуменно спросил Сергей.

— Гони в шею. Можешь коленом под зад. Только по физиономии не надо. И милицию не вызывай,

ладно? С милицией всегда так сложно.... Договорились? Главное, не слушай, что я молотить буду. Не пускай и точка. У меня фантазия богатая, черте-что могу придумать...

Сергей смотрел на красное, потное лицо уже немолодого человека, и ему вдруг стало его жалко. В прошлый раз поэт-песенник ему активно не понравился. Он терпеть не мог таких вот, молодящихся старичков. Но сейчас, почему-то резко переменял мнение.

— А ты что...

— То самое, — кивнул Николай. — Чувствую, сегодня сорвусь.

— С утра начал? — понимающе кивнул Сергей.

Сам он почти не пил, но к пьющим людям, в отличие от большинства, относился с сочувствием. Все-таки, больные люди, как ни верти.

— Я раньше, чем с утра, — горько усмехнулся Скворцов. — Намного раньше. Наташку жалко. Она заслуживает лучшего мужика, нежели такое сокровище, как я.

Некоторое время оба молчали. Из душевой доносился плеск воды и нарочито громкие, пронзительные вскрики Нади. Мужчины переглянулись и, не сговариваясь, дружно усмехнулись.

— Настоящая поэзия никому не нужна, — с горечью сказал Скворцов. — Конечно, я не гений.

Между тем, Надя в душе начала громко петь. При этом изрядно фальшивила. А может, просто дурачилась.

— Иной раз думаю, может, сигануть в открытое окошко? Хоть раз в жизни испытать ощущение полета. Как считаешь? Все лучшее, уже позади. Это факт.

— Ну, знаешь,... — покачал головой Сергей. — Там, откуда я недавно прибыл, к таким попыткам... относятся.... Осуждают, короче.

Опять голосом Норы захрипел динамик трансляции: «Пионеры, комсомольцы! Всем внимание! Через пять минут начнем прогон!».

В примерную, распахнув дверь и отодвинув в сторону мужчин, стремительно вошла Наталья. За ней — маленькая, коротконогая, очень похожая на бегемотика, полная девица в синем замызганном халате. Наталья ногой отодвинула от стены пылесос, зло кивнула на него.

— Быстро починить можешь?

— Быстро кошки мышей рожают.

— У меня от пыли аллергия. Работать не могу, все время плачу.

— Все плачут. Вся страна плачет. Я вам что, нанялась, ваши пылесосы чинить!? Во-он... — девица кивнула на душевую, — своей звезде скажи, пусть она починит!

— Сегодня починишь или нет!? Да или нет!?

— Они будут задницами вертеть, да песенки распевать! Чуть-что, Оля — туда, Оля — сюда! И все на одну зарплату!

— Вы чего рты разинули! — неожиданно накинулась Наталья на мужчин. — Катитесь отсюда! Оба, оба-а!!!

Охранник Сергей Кострюлин и поэт Николай Скворцов пожали плечами, и послушно вышли в коридор. На лестнице постояли, покурили, ни о каких «полетах» больше не заговаривали. Из гримерной доносились голоса. Девушки продолжали разговор на повышенных тонах.

Как только Нора по трансляции объявила о начале прогона, Сергей спустился по лестнице в фойе, прошел по боковому коридору и открыл дверь зрительного зала. Все кресла были укрыты чехлами. В зале было темно и прохладно, если не сказать, холодно. После отупляющей жары на улице и изнуряющей духоты во всех помещениях за кулисами, это даже радовало.

Сергей устроился в самом конце, чтоб не маячить ни у кого перед глазами и приготовился смотреть.

За столиком режиссера неподвижно сидела какая-то седая дама во всем черном, курила и остановившимся взглядом смотрела на сцену.

Самое смешное, эстраду Сергей не любил. К попсе относился вполне равнодушно. Рок вообще недолюбливал. Сукачев, БГ, Кинчев и прочие идолы его сверстников, и тех, кто постарше, вызывали у него только легкое раздражение, не больше. Впрочем, он это тщательно скрывал от друзей. Кому захочется быть белой вороной. Тоже восхищенно цокал языком и понимающе кивал, стоило кому-либо произнести вслух ту или иную фамилию.

Французский шансон еще находил в его душе какой-то неясный волнующий отзвук. Привет бабушке, Ксении Федоровне. Та без ума была от Джо Дассена, Шарля Азнавура и, разумеется, великой Эдит Пиаф. Она

бесконечно крутила их диски на стареньком проигрывателе, и каждый раз взгляд ее становился по-детски мечтательным и каким-то потусторонним. И во внука она ухитрилась втиснуть эту любовь к далекой стране. Самых галантных мужчин и самых соблазнительных женщин. Ее стараниями, Сережа в своем музыкальном развитии, (если это вообще можно назвать развитием!), основательно застрял где-то на рубеже шестидесятых, семидесятых.

Короче, Сережа был старомодным юношей.

До поры, он об этом не особенно задумывался. Жил себе и жил. Размышлять начал только в армии. Именно там он впервые услышал, (и увидел на экране маленького телевизора!), Мальвину. И что-то перевернулось в нем.

Пела она тогда откровенную чушь собачью. Бесконечно талдычила единственную фразу, «Мальчик мой! Я жду тебя! Мальчик мой! Я жду тебя!». И дергалась в тупом однообразном ритме.

— Дурочка блондинистая! — смеялся их командир, капитан Зотов. И даже не подозревал, что наотмашь бьет по самому больному и сокровенному целую дюжину стриженных мальчишек. Для большинства она была «невестой», которая любит и ждет. И непременно дождетя.

Ее голос... Ее лицо... Ее глаза...

— Карина Михайловна! Я петь не буду, пройду чисто технически!

Сергей вздрогнул. На сцене у правой боковой кулисы стояла Мальвина. В простеньких джинсах и футболке на голое тело издали она выглядела девочкой

подростком. Седая дама за столиком в центре зала шевельнулась и прошелестела в микрофон:

— Как скажешь, детка! Побереги голос до вечера!

Прогон произвел на Сергея удручающее впечатление. Гремела однообразная ритмичная музыка, дергались, как механические куклы, девицы из подтанцовки, вспыхивали и тут же гасли, направленные почему-то прямо в зрительный зал разноцветные прожектора.

Постановщик явно намеревался сходу послать зрителя в нокдаун.

Разумеется, не обошлось без дыма. На каждый выход Мальвины, справа и слева из-под сцены начинали клубиться белые кучевые облака. Она по колению в белом дыму с микрофоном в руках ходила от задника к рампе и смотрела куда-то поверх голов сидящих в зале. Очевидно, все это должно было выражать, что девушка мечтает о неземной любви.

Мальвина не пела, даже рот не открывала. Изредка слегка подтанцовывала вместе с девчонками, да в конце каждого номера выходила на авансцену и раскидывала в разные стороны руки.

Словно говорила: «Пою только для Вас!».

По идее постановщика, в этих местах должны быть аплодисменты, свист, восторженные крики и швыряние букетов на сцену к ногам «звезды». Но на прогоне в зале сидела только молчаливая седая дама. В промежутках между номерами, она жутко кашляла и, закуривая новую сигарету, кутала плечи в темную накидку.

Сергей недолго терпел это высокое искусство. Как только свет в очередной раз погас, осторожно выбрался из своего заднего ряда и, стараясь не скрипнуть дверью, незаметно вышел в фойе.

Вышел из зала и тут же услышал, на втором этаже, рядом с гримерной Мальвины, хлопнула оконная рама. На улице жара и полное безветрие, стало быть... диверсанты.

Приличной охраны в ДК им. Зуева не было. Седой бородатый пенсионер, дежурный на служебном входе «Калиныч», хоть и наряжался в угрожающую форму десантника, не мог обидеть даже таракана. Почему его звали «Калинычем», никто не знал. Так уж сложилось исторически. Что это? Фамилия, отчество, подпольная кличка? Сергей так и не разобрался. Спросить у самого «Калиныча» было неудобно.

Сергей пулей взлетел по лестнице на второй этаж и увидел вопиющую сцену. Две девицы, тинэйджерского возраста, тянули за ноги через окно в коридор третью. Та судорожно цеплялась руками за пожарную лестницу, и ни в какую не желала ее отпустить. Все-таки, второй этаж. Шею свернуть, один момент, если сверзишься.

Сергей среагировал мгновенно. Подскочил к подоконнику, ухватил тинэйджерку за пояс джинсов и одним движением втащил в коридор. Поставил на ноги и грозно спросил:

- Документы!
- Мы из фан-клуба «Мальва». У нас приглашение.
- Почему через окно?

— «Калиныч» не пускает, — возмущенно сказала самая маленькая и симпатичная из тинэйджеров. — Совсем оборзел!

— Нажрался вчера, небось! — басом сказала вторая.

— Мы в своем праве! Нас сама Мальвина приглашала!

— А этот козел не пускает!

— Бабки вымогает! Хочет, чтоб ему сунули!

— Мы принципиально не платим!

— Мы из фан-клуба!

— Разберемся! — строго сказал Сергей. — Найдем консенсус!

— Он козел! — с сомнением покачала головой та, которая только что болталась вверх ногами в окне. На ее раскрасневшемся лице не было и тени испуга.

— Вам действительно нравится Мальвина? — спросил Сергей.

Тинэйджеры затараторили, перебирая друг друга. Даже локтями пихаться начали, каждая норовила встать перед Сергеем.

— Мальвина – супер! Просто супер!!!

— Самая красивая, прикольная!!!

— Самая веселая, честная!!!

— Мальвина – наша звездочка!

— Мечта, вечный идеал!!!

— Все другие, просто отстой! Смотреть противно!

— Ты кого имеешь в виду?

— Да эту корову, которая замуж за бизнесмена выскочила!

— Мальвина на такое никогда не способна!

— Она честная! Не продается!

— Ладно, девочки! Ладно! Тихо-о!!! — повисил голос Сергей.

Консенсус нашли в неожиданном месте. В женском туалете. С самой серьезной миной на лице, Сергей предложил тинэйджеркам пересидеть до вечернего концерта в зрительском женском туалете. Заранее был уверен, те откажутся. Но три грации неожиданно с восторгом согласились. Только та, что висела в окне, недовольно проворчала:

— Вообще-то, это унинительно!

— Зато гарантия, что увидите концерт бесплатно!
— поставил точку охранник Сергей Кострюлин.

Он вспомнил, как лет шесть-семь назад сам, с двумя одноклассниками, влез через окно в мужской туалет Дома Кино на Васильевской. Был какой-то международный фестиваль, попасть в кино хотелось до жути. Денег, само собой, даже если бы скинулись, хватало в лучшем случае на четверть одного билета. Они и полезли.

Какой в тот день был фильм, чем все дело кончилось, начисто вылетело из головы Сергея. Вспоминался почему-то только запах хлорки и горький привкус во рту от сигарет «Родипи», которых они выкурили на троих целых две пачки.

После прогона, Надя выглянула из примерной и поманила Сергея пальчиком. Он стоял возле лестницы, курил.

— Сережа! Ты машину водить умеешь?

— Не только. БМП могу, легкий танк...

— БМВ? — переспросила Надя. — Значит, с «Фордом» справишься? Ты вообще, в тачках разбираешься?

— Аккумулятор от карбюратора отличить могу, — скромно, но с достоинством ответил Сергей.

Надя ничего не поняла. Сама знала только, куда бензин заливают. Она почувствовала, Сергей со всеми четырехколесными на дружеской ноге. Кинула ему ключи от машины и попросила ждать на улице.

— Надо сгонять в одно место! — пояснила она.

Сергей спустился по лестнице, вышел на улицу, с достоинством, без суеты и спешки, окинув небрежным взглядом переулок, не глядя, отключил сигнализацию и уселся в «Форд». На место водителя.

Жаль, никто из прежних приятелей не видел его в эту минуту.

«Здорово, старик! Будем дружить!» — тихо сказал он «Форду».

Женщины в большинстве своем примитивные создания. Не дано им понять, автомобили – существа одушевленные. Вот они и издеваются над мужиками, иронизируют, когда те в голос разговаривают со своими четырехколесными друзьями.

А ведь достаточно присмотреться, прислушаться, чтоб понять: у каждого автомобиля есть душа, свой характер, темперамент, вкусы, привычки. И все такое.

Сергей всегда разговаривал с автомобилями. Даже с чужими, с незнакомыми. И ничуть не стыдился этого. Кто не газует, не поймет.

Лет с двенадцати он бредил машинами. Все началось с увлечения мотоциклами. Еще когда жили в

Ховрино на самой окраине Москвы, они с ребятами, всем двором гоняли на дребезжащем «Ковровце». Такие сейчас только в музее. Когда Сергею стукнуло шестнадцать, отец влез в жуткие долги и купил ему подержанную «Яву». Через год под их окнами стояла потрепанная жигулевская «копейка».

Дни и ночи Сергей проводил в гараже за домами, рядом с окружной железной дорогой. Через два месяца мог с закрытыми глазами разобрать и собрать любой карбюратор. У него прорезался явный автомобильный талант. Его «копейка» заводилась вполоборота. Водил он так, будто всю предыдущую жизнь только этим и занимался. За советами и помощью к нему обращались даже старожилы гаражного сообщества.

Сергей сидел за рулем «Форда», мысленно прикидывал объем работ. Помыть, почистить, новый глушитель, сменить резину, колпаки.... Набежала очень приличная сумма.

Интересно, у эстрадной «звезды» много лишних денег?

— Нравится? — раздался рядом с его окном голос.

Надя обошла «Форд» спереди перед капотом, распахнула дверцу и легко опустилась рядом с Сергеем на сиденье. Улыбнулась своей коронной улыбкой, от которой у Сережи сразу почему-то защемило в груди, и начала копаться в своей сумочке.

На ней было просторное цветастое платье с большим вырезом. Пахло от нее легким морским ветром. Он хмурился, стараясь не смотреть в вырез ее платья.

Как каждый настоящий мужчина, сев за руль мощного автомобиля, Сергей тут же ощутил себя серьезным и ответственным человеком.

— Ты сколько раз на дню в душ бегаешь? — мрачно спросил он. Чтоб сразу все расставить по своим местам.

— По необходимости, — удивленно вскинулась Надя.

— Почему его не моешь? Как чушка грязный! Думаешь, ему приятно? Весь салон в пыли! На кузов смотреть больно! Так с машинами не обращаются!

— Ты меня еще отшлепай! И поставь в угол! — изумилась она.

— За машиной следить надо! Он может обидеться!

— Я его люблю, как умею, ты чего!?

— У самой времени нет, могла бы фанаток мобилизовать. Пусть потрудятся на благо российской эстрады.

— Отва-али-и! Вот ты этим и займись! — улыбнулась Надя и зашвырнула на заднее сиденье сумку. Перед этим достала из нее сигареты, зажигалку и какой-то листок бумаги.

— Куда едем?

— Дуй по Ярославскому шоссе, — сказала Надя, всматриваясь в листок. — Вроде, недалеко. Думаю, часа за два туда-сюда обернемся. Сорок седьмой километр.

Надя закрепила листок на лобовом стекле, чиркнула зажигалкой, закурила. Сергей бросил взгляд на листок и прочел.

«Деревня Лысая. Глафира Петровна Разоренова».

«Хорошо бы в салоне не курить!» — чуть не брякнул вслух Сергей, но сдержался.

Из забитого машинами центра выбрались довольно быстро. Сергей просто и уверенно вел «Форд». Зря не рисковал, никого не подрезал, но и себя оттеснять в правый ряд не давал никому.

После тоннеля на Суцевском валу всего несколько секунд постояли у светофора перед Марьинским универмагом. Через минуту взлетели на Рижскую эстакаду, свернули за ней направо и понеслись в левом ряду по проспекту Мира к Кольцевой дороге.

После прогона Наталья лежала на диване в гримерной и, положив ноги на высокую спинку, читала очередной детектив Дарьи Донцовой. Безумно любила эту писательницу, раз в месяц у метро «Водный стадион» обязательно покупала новую ее книгу. Дома, наплевав на горы немытой посуды в ручкомойнике, заваливалась на тахту, раскрывала книгу в тонком переплете и...

...в ту же секунду оказывалась в коттеджном поселке Ложкино, среди знакомых доброжелательных людей. Машуня, Зайка, Аркадий, полковник милиции Дегтярев и, разумеется, сама героиня Даша. Все они, безусловно, были шумными и подчас бестолковыми существами. Но, они довольно быстро стали Наталье очень близкими людьми. Почти родственниками. В их компании она отдыхала душой.

На сегодняшнем прогоне она вообще не работала. Мальвина отказалась надевать костюмы, менять их через каждые два номера. Оставалось изнывать от

безделья, которое, как известно, выматывает сильнее любой, самой трудоемкой работы.

Короче, до вечера еще три с половиной часа, а устала уже, как собака. Надо передохнуть, набраться сил.

— Что с Мальвиной? — раздался почти над ее ухом голос Дергуна. Читая детективы, Наталья напрочь выпадала из реальности. Не видела и не слышала.

Вот и сейчас. Не услышала и не увидела, как вошел Дергун.

— По-моему, она на пределе.

— Все на пределе. Вся страна на пределе, — поморщилась Наталья. Всегда очень злилась, когда ее отрывали от чтения.

Дергун отошел от тахты, сел на свое привычное место, за столик Мальвины, посмотрел на себя в зеркало и нахмурился.

— А ведь как хорошо мы начинали... — вздохнув, с тоской в голосе сказал Игорь. — Только заикнись, произнеси вслух имя... Мальвина-а!.. любой зал до отказа! Зрители на люстрах висели, как мартышки...

Наталья насторожилась. Давно не видела Игоря таким кислым.

— С Надькой все в норме. Что с тобой?

Игорь Дергун сидел за гримерным столиком и рассматривал свое отражение в зеркале.

— Скажи, Натали... — не глядя на нее, непривычно тихим голосом спросил он, — Если я все потеряю, абсолютно все.... Останусь, в чем мать родила. Ты меня примешь? Такого вот, голого и босого.

— Такой вариант возможен? — спросила Наталья.

Не оборачиваясь, Игорь Дергун кивнул головой.

Всю дорогу Надя курила одну за другой сигареты и выстреливала, щелчком пальцев окурками в окно.

У столба «47» километр Сергей притормозил и вопросительно взглянул на Надю. Та мрачно смотрела на листок перед собой.

— Направо! — скомандовала она.

Сергей пожал плечами и свернул на разбитую проселочную дорогу. Минут двадцать «Форд» подпрыгивал на ухабах и поднимал облака пыли, пока не уперся радиатором в длинную ржавую трубу, обозначающую шлагбаум. За ним виднелся мостик из нескольких полусгнивших бревнышек. Внизу протекала узкая и чудовищно грязная речка. Проехать по мостику, нечего было и мечтать.

Вдали, на пригорке, виднелись какие-то черные избушки. Судя по всему, это и была деревня Лысая.

— Вот что, друг Серега! — вздохнув, сказала Надя. — Сходи в деревню, узнай, в каком доме живет Глафира Петровна Разоренова. Поговори с ней. Расспроси, что и как? Потом доложишь.

— О чем расспрашивать-то? — удивился Сергей.

— Вообще! Как жизнь, настроение, трудовые успехи...

— Пошлет она меня!

— Ну, не знаю! — раздраженным тоном сказала Надя. — Скажи, из районного собеса. Мол, проверяем условия жизни многодетных матерей. На предмет улучшения.

— Сколько у нее детей? — глупо спросил Сергей.

— Понятия не имею. У таких всегда семеро по лавкам. Вот, возьми папку с бумагами. Для солидности.

Надя достала из-под сиденья папку, положила ему на колени.

— Не потеряй! Там ноты, тексты песен...

— Почему я? Может, вместе ходим.

— Отва-али-и! — отрезала Надя. И резко отвернувшись, стала смотреть в окно.

Сергей вылез из машины, не без труда перебрался по мостку на ту сторону, (гнилые бревна угрожающе поскрипывали!), и по тропинке поднялся к деревне.

4

Деревня была мертвой. Пять-шесть домов вдоль узкой улочки явно не имели хозяев. Окна с выбитыми стеклами, крест накрест забитые досками, двери распахнутые настежь. Покосившиеся заборы, заросшие бурьяном огороды. Ни криков петухов, ни мычание коров, ни лая собак. Только в самом последнем доме, стоящем почти у леса, кто-то обитал. Во дворе на веревке висело белье, над трубой вился легкий дымок.

Подходя к этому последнему дому, Сергей вздрогнул, и замедлил шаг. Он услышал тонкий детский голосок: «Мальчик мой! Я жду тебя! Мальчик мой!..». Посреди двора, на перевернутом ржавом ведре сидела крохотная девочка. Укачивала на руках рыжего котенка и тихо пела: «Мальчик мой! Я жду тебя!..»...

Сергей открыл калитку и кашлянул. Девочка подняла на него худое бледное личико. Лет семь,

восемь. Большие светлые глаза. Под глазами синие круги. Вся какая-то бестелесная, почти прозрачная.

— Дома кто есть? — спросил Сергей.

Девочка внимательно осмотрела его форму секьюрити и спросила:

— Дядя, ты мент?

— Я из собеса.

— Из Софрино?

— Ага, из Софрино. Дома взрослые есть кто-нибудь?

— Маманя. На кухне обед жарит.

— Позови ее, пожалуйста.

— Зачем?

— Какая ты любопытная. У меня к ней серьезное дело.

— Витьку в тюрьму забрать хочешь? Его нету.

— Какого Витьку?

— Братана. Он платформе у дачников кошельки тырит, — бесхитростно сообщила она.

— Тырить чужие кошельки нехорошо, — строго сказал Сергей.

— Дачники, они богатые, — вздохнула девочка. — С них не убудет. Каждый день жареную курицу жрут. И водкой запивают. Дядь! Дай пять рублей? Очень надо, — без перехода попросила девочка.

— Зачем тебе пять рублей?

— «Клинское» купить, зачем еще! — удивилась она. — «Клинское» — это круто!

— Тебя как зовут?

— Даша-а... — улыбнулось бестелесное существо.

— Ты тоже пьешь?

— Все дети «Клинское» пьют. Выпьешь, сразу так... хорошо, хорошо, будто во сне летаешь...

— Ты, в каком классе?

— В школу не хожу. Баловство это, — строго сказала бестелесное существо Даша, — И далеко очень. До Софрино шесть километров.

— Телевизор у вас есть?

— Есть, — кивнула Даша. — Только не работает. Электричества нет. Провода еще в прошлом году своровали.

— Кто своровал?

— Витька, братан, кто еще. Срезали с мужиками из Ашукино ножницами и сдали в... — девочка запнулась. — Не помню, как он называется.

— Пункт «Приема цветных металлов», — подсказал Сергей.

— Ага, — кивнула Даша. — Два дня после пили.

Сергей опустил голову и посмотрел себе под ноги. Ботинки успели запылиться, пока добирался «меж высоких хлебов» до этой деревни, под названием Лысая.

«Надо бы почистить!» — некстати подумал он.

— Дашка-а! — раздался резкий, визгливый голос. — Ты с кем там лясы точишь!? Подь сюда!

В темном дверном проеме появилась квадратная баба неопределенного возраста. Несмотря на жару, на ней была черная мятая водолазка, шерстяная юбка и оранжевый жакет, униформа путевых рабочих. Вернее, когда-то он был оранжевым. Сейчас, грязно-желто-серым.

— Чего надо? — зло спросила она, взглядываясь в лицо Сергея.

— Маманя! Он мент! Витьку в тюрьму забрать пришел! — крикнула девочка и, выпустив котенка в траву, подбежала к матери.

— Войти можно? — спросил Сергей, приоткрыв калитку.

— Кто сами будете?

— Он мент. Про Витьку спрашивает...

Баба в жилете звонко треснула ее по затылку.

— Молчи, зараза! Столько раз сказано. Молчи, когда старшие беседуют! Иди в дом!

Баба схватила девочку за локоть и затолкнула в избу.

— Кто сами будете? — повторила она, зло, сверкая маленькими глазками. И металлическими зубами во рту.

— Я из собеса. Проверяем жилищные условия. На предмет улучшения. Вы — Глафира Петровна Разоренова? — спросил Сергей.

— Петровна! — как эхо, подтвердила баба.

— У нас по спискам, вы числитесь, как многодетная мать.

Сергей для убедительности раскрыл папку и переложил справа налево два листа бумаги.

— Гуманитарная помощь, что ли? Даром не надо! Сунут гнилую гречку, да банку кильки, издевательство одно. А детей кормить чем?

— Сколько их у вас?

— Трое. Хотя, одного не считай. Петька в интернате для дебилов в Абрамцево. Так что, выходит, четверо.

Нюрка тоже, в деревне у двоюродной сестры Аньки. Лишний рот нам не к чему. Витька, тот дома вовсе не ночует. По нем нары давно плачут. Получается, пятеро.

Сергей не понял логику подсчета, но уточнять не стал.

«Макаренко и Ушинский здесь отдыхают!» — сказала бы его бабушка Ксения Федоровна, отставная учительница. «Здесь властвует доктор Спок. Российского разлива!».

— Муж у вас кем работает?

— Какой муж?! — изумилась Петровна. — Сроду в загс не ходила. Еще одного дармоеда себе на шею. Алкаши, паразиты! Делать нечего! У меня дети.

Сергей не стал уточнять, откуда в таком случае появилось столько детей. Никакой капусты в огороде не наблюдалось. Да и самого огорода не было. Посреди когда-то ухоженных грядок, маячил только одинокий подсолнух. Ни моркови, ни петрушки, ни огурцов с помидорами. Не иначе, аисты стаями гнездились где-то поблизости деревни Лысая.

— Перевелись настоящие мужики, — заявила баба. — Даже не рождаются. Всех в Афгане перебили.

— В вашей деревне еще кто-то живет? — спросил Сергей, захлопывая папку и поправляя куртку.

— Одна я, с детьми, — отозвалась Петровна. — Раньше старушка баба Паня жила в третьем доме. Дак она еще прошлым летом в лес пошла. Заблудилась, небось.

— Не нашли? — удивился Сергей.

— Кто ж искать станет? — в ответ удивилась Петровна. — Ей почти девяносто было. Кого искать-то?

В понимании Петровны, человек, доживший до девяноста, явно уже не человек. Действительно, зачем его искать.

Сергей задал еще несколько вопросов. Петровна отвечала без запинки, каждый раз, как бы, удивляясь бестолковому любопытству собесовского начальства. Где работает? На путях, где еще. Тут в округе каждый второй на путях в Софрино работает. Давно ли живет в деревне Лысая одна? Второй год. Или нет, уже третий. Старики перемерли, молодые в Москву подались. Почему не пускает дачников? Какой дурак сюда снимать приедет. Ни электричества, ни дорог. Почему девочка не учится в школе? Незачем. У нее самой было семь классов, баловство это. Да и денег на учебники всякие нету.

Сергей слушал Петровну, смотрел в злые, пустые глаза и молчал. На мгновение в голове у него шевельнулась какая-то дикая мысль. Кого-то ему напоминала эта опустившаяся баба в грязно-оранжевом жилете. Но он отогнал ее от себя, эту странную мысль, как назойливого овода и, вежливо попрощавшись, направился к речке.

Вернувшись к машине, Сергей долго и бестолково рассказывал Наде о встрече. После посещения деревни Лысая, у него возникло стойкое ощущение, будто наелся ядовитых грибов.

— Я так и думала, — сказала Надя. Было непонятно, что она имеет в виду. То ли сбивчивый рассказ Сергея, то ли судьбу и жизнь Глафиры Петровны Разореновой.

Какое отношение имеет Надя к этой женщине, Сергей уточнять не стал. Меньше знаешь, крепче спишь. Захочет, сама расскажет. И вообще. Он охранник, водила. «Твой номер восемь!».

На шоссе выбирались задним ходом, развернуться «меж высоких хлебов» было негде. «Форд» недовольно рычал, гудел и зло плевался из-под колес комьями глины, клочьями травы.

Уже на подъезде к Москве, почти у самой Кольцевой, Надя увидела открытое кафе «Попутчица» и приказала Сергею припарковаться где-нибудь рядом.

— Пойдем перекусим! — распорядилась она.

За столиком кафе несколько минут сидели и смотрели друг на друга, будто увидели только что. Долго молчали.

Давно замечено, в разной обстановке люди выглядят по-разному. Одно дело, за кулисами, среди шума, суеты и нервозности. Или в салоне машины, мчащейся по трехполосному скоростному шоссе, когда в открытых боковых окнах гудит жаркий ветер и, кажется, раскаляется еще больше от стремительного движения машины. Здесь, в кафе, на открытом воздухе, под палящим солнцем, совсем другая песнь.

В это мгновение наверху, в небесной лаборатории, кто-то явно решил «поддать жару!». Направил сюда на землю, на эту парочку, более концентрированный поток импульсов. И сделал это совершенно напрасно. Обоих, без всякого стимулирования, уже захлестывали волны эмоций, ввергающих их в состояние близкое к легкому помешательству.

Надя тяжело дышала. И вовсе не от жары или духоты. То заглядывала Сергею в глаза, чуть наклонив голову набок, будто просила, умоляла о чем-то, (о чем и сама не знала!), то, откинувшись на спинку стула, прищурившись, сверлила ему переносицу взглядом следователя по особо важным делам.

Сергей тоже был не в лучшем положении. Всеми силами пытался вообще не смотреть на Надю. Не смотреть в ее сторону. Ничего не получалось. Голова сама собой поворачивалась, взгляд, помимо воли, отрывался от столика, и он смотрел в ее глаза. И глупо улыбался. И злился на себя. За безволие и бесхребетность.

«Все-таки, очень похож на француза!» — думала Надя. «Кажется, я уже залетела!».

«Она совсем не такая, как на экране!» — думал Сергей. «И вовсе не похожа на ту, которая на афишах! Ее и не узнает никто!».

— Мамочки-и! Вы... Мальвина-а!!! — вдруг заорала в полный голос, подошедшая к их столику молоденькая официантка.

— Тихо ты!!! — цыкнул на нее Сергей.

Официантка зажала рот ладошкой и, оглянувшись по сторонам, понимающе кивнула. К счастью в этот час в кафе почти не было людей. Только в самом углу, под навесом обедали два дальнбойщика. Они с любопытством уставились на Сергея и Надю, но, не увидев нечего достойного их внимания, опять уткнулись в свои тарелки.

— Я тебя сразу узнала, Мальва! Хоть ты и без парика! — вращая глазами, зашептала официантка. —

Мальва! Ты супер! Я твои диски давно собираю! Подпиши автограф! Все девчонки умрут от зависти! Надо же.... Это, вообще! Чтоб ты, и вдруг в нашу забегаловку!? Во-от, прямо здесь подпиши!

Официантка шлепнула на столик блокнот, в который записывала заказы. Надя достала из сумочки ручку, размашисто подписалась.

— Напиши сверху, «Подруге Ларисе от Мальвины!»... — шептала официантка, не веря своему счастью.

— Принеси два бокала шампанского! И отвали! — распорядилась Надя, пряча шариковый «Паркер» в сумочку.

Официантка, с безумной улыбкой на лице, оглядываясь и спотыкаясь на ровном месте, скрылась за занавеской.

— Мне нельзя. Я за рулем, — мрачно сказал Сергей, вытирая тыльной стороной ладони со лба пот.

— Отвали! От одного глотка ничего не будет.

— И у тебя через два часа концерт!

— Ты зануда, да? Отвали-и! — спокойно сказала Надя. Она нацепила на нос темные очки. Потом, передумав, водрузила их на самую макушку. Знала, в этом варианте очки выгоднее подчеркивают ее лицо.

Они сидели на самом солнцепеке. В этот час жара в Москве достигла своего апогея. Ослепительное солнце неподвижно висело где-то там, вверху и, казалось, вообще не собиралось заходить за горизонт. Оно даже издавало звенящий угрожающий гул. Будто собиралось испепелить все живое в мегаполисе своими безжалостными лучами.

— Моя Наташка к тебе еще не приставала? — неожиданно подозрительно поинтересовалась она.

— Не-ет... еще, — удивился Сергей.

— Остерегайся ее! У нее, к таким как ты, слабость.

— Разберемся.

— Никаких разборок! — жестко сказала Надя. — Ты понял? Ни с девочками из балета, они у меня все замужние, ни тем более, с Наташкой. Понял? Хотя, какое мне дело...

— Ты чего? — еще больше удивился Сергей.

— Можешь хоть со всеми подряд романы заводить. Мне лишь бы порядок был.

— Я тоже так считаю.

— В смысле? — подозрительно спросила Надя.

— Во всем должен быть порядок. Ты не перегрелась?

— С чего ты взял?

— От тебя, как от доменной печки, жар идет.

Надя приложила к щекам ладони. Действительно, жар. Достала из сумочки зеркальце, ничего подобного. Лицо как лицо. Только глаза как-то странно лихорадочно блестят.

— Может, тебе минералки заказать? Со льдом!

— Отвали!

— Двигатель, когда перегреется, остановиться надо, лучше в тени, открыть капот...

— Отвали-и, Сереженька! Лучше... поцелуй меня! — попросила Надя. И даже не ужаснулась, что сказала это вслух.

— Прямо здесь. При всех? — нахмурился Сергей.

— А то... я пополам тресну! — пожаловалась она.

Сергей кивнул, перегнулся через стол и поцеловал ее в губы.

Некоторое время оба опять сидели молча.

— Спасибо тебе, — тихо сказала Надя.

— За что!? — опешил Сергей.

— За то, что ты появился. И вообще!

Официантка поставила на столик два бокала с сомнительным желтым напитком и тарелку с разнокалиберными шоколадками.

— Это от нашего заведения! — шепнула она. — Презент!

Официантка растворилась в зыбкой дымке чудовищно жаркого воздуха. Надя и Сергей одновременно взяли бокалы в руки.

— Давай, за мою Наталью! — сказала она.

— Как скажешь, — пожал плечами Сергей.

Они чокнулись и отпили по глотку.

— Без нее, я никто! — вздохнув, сказала Надя. Отпила из бокала еще глоток и добавила. — Никто, ничто и звать никак.

Сергей тоже отпил из своего бокала глоток. Вернее, полглотка. Он никогда не позволял себе пить за рулем. Из принципа.

В машине они сходу начали целоваться. Лохматили друг другу волосы, тяжело дыша, шарили руками по горячим телам и даже по сторонам не оглядывались, не до того было.

Любой фотокорреспондент отдал бы большие бабки, чтоб щелкнуть сквозь запыленные стекла «Форда» несколько кадров. Запечатлеть для потомков незаурядное событие вселенского масштаба.

«Звездочка» шоу бизнеса, сама Мальвина в салоне машины целуется со своим персональным охранником.

— Надо ехать! — переводя дыхание, шептала она.

— Сейчас поедem. Сейчас! — тяжело дыша, говорил он.

Под палящим солнцем на обочине Ярославского шоссе, на пяточке возле забегаловки «Попутчица», стоял раздолбанный «Форд». В его салоне самозабвенно целовалась парочка.

На них никто не обращал внимания. По такой жаре редкие прохожие вообще не смотрят по сторонам. Шаркают сандалиями и кроссовками по пыльному асфальту, мимо припаркованных около кафе машин, и смотрят исключительно себе под ноги.

Наталья уже дочитывала шестнадцатую главу «Бенефиса мартовской кошки» Дарьи Донцовой, когда дверь резко распахнулась. В гримерную вкатилась круглым колобоком, электрик Оля в традиционном синем замызганном халате с пылесосом под мышкой. Протопала на самую середину комнаты, торжественно водрузила на стул пылесос и обернулась к двери.

В дверях стоял Игорь Дергун. Из-за его спины выглядывал поэт-песенник Николай Скворцов. Если бы электрик Оля чуть внимательнее присмотрелась к мужчинам и, хотя бы слегка принюхалась, она бы поняла. Дергун и Скворцов довольно крепко пьяны. Наверняка, опрокинули в буфете по паре бокалов шампанского, вот и развезло по такой жаре. Хотя держались оба молодцами. Электрик Оля ничего не заметила. Ей не до того было. Она была во гневе.

— Заходите, заходите! — распорядился электрик Оля. — Свидетелями будете! Чтоб не говорили потом.

Наталья нехотя опустила ноги со спинки дивана на пол, закрыла книгу. Так и знала, не дадут спокойно почитать. Сейчас начнется очередной раунд сражения, «Электрики против костюмеров!».

«И вечный бой! Покой нам только снится!» — с тоской подумала Наталья, нашаривая ногой под диваном свои туфли.

Электрик Оля, уперла руки в круглые бока, чуть отошла от пылесоса в сторону. Дергун что-то шептал на ухо Скворцову. Оба улыбались, едва заметно, одними глазами.

— Николаи-ич! Николаи-ич! — решительно вещала Оля. — Я к тебе обращаюсь или что!?

Дергун вздрогнул и послушно повернулся лицом к Оле.

— Вот он я! — отрапортовал он. И добавил. — В натуре.

Сегодня он был в хорошем настроении. Когда бывал в таком настроении, его любили все. Он, хоть и был начальством, обладал редкостным обаянием. Мог расположить к себе любого.

— Ну-ка, сядьте обои на диван! — продолжала командовать электрик Оля. — Обои, обои! Подвинься, давай!

Наталья послушно сдвинулась в угол дивана, приготовилась к скандалу. Судя по всему, электрик Оля не на шутку завелась.

Дергун и Скворцов, с самыми серьезными физиономиями, проследовали к дивану, сели, как

послушные школьники, сложили руки на коленях. Электрик Оля, жестом крупного военачальника, какого-нибудь Кутузова или Суворова, указала пальцем на пылесос. Таким жестом указывают на поверженного врага, предателя или вероотступника.

— Это что? — почему-то с презрением в голосе, спросила она.

Дергун и Скворцов переглянулись, пожали плечами. Наталья сидела с нейтральным выражением лица, ждала развития событий.

— Что такое, я спрашиваю!? — повысила голос электрик Оля.

— Коля! Ты как считаешь? — спросил Дергун.

Скворцов на мгновение задумался, потом просиял.

— Это... как бы, пылесос! — объявил поэт-песенник.

— Точно! — кивнул головой Дергун. И повернулся к электрику Оле. — Мы посоветались и решили, что это... типа...

— Дураку ясно, что пылесос! — рассердилась круглая Оля. — Я спрашиваю — за-чем он? Зачем пылесос существует? Для чего?

Дергун и Скворцов на секунду опять склонили друг к другу головы, о чем-то вполголоса посоветались.

— Есть мнение... — обстоятельно начал Дергун.

— ....чтоб шуметь! — поддержал его Скворцов. — Чтоб людям, типа, на нервы действовать.

Круглая электрик Оля от возмущения топнула ногой. Два раза.

— Пылесос, чтобы пыль убирать!!!

— А-а-а... — сказал Дергун. И обернулся к Скворцову. — Чтоб пыль оказывается.... Чтоб, типа, чисто было.... Чтоб ...

— Теперь смотри сюда! — заявила электрик Оля.

Она решительно подошла к пылесосу, быстрыми профессиональными движениями вскрыла кожух и достала из накопителя... женские трусы. На вытянутых руках продемонстрировала Дергуну.

— Это что-о!? Чего уставились обои, как... как... не знаю кто!? Что это-о такое!? — гневно вопрошала она.

Надо отдать должное Дергуну, он и бровью не повел. Только слегка опять наклонил голову к поэту Скворцову.

— Коля! Ты как считаешь?

— Трусы... — убежденно ответил тот. — Женские... Красивые...

Наталья в углу дивана начала едва слышно всхлипывать. Мужчины сохраняли строгость лиц и поз. Даже слегка хмурились.

— Теперь я хочу знать! — возмутилась электрик Оля. — Как это называется? Это называется... между прочим...

— погоди! — прервал ее Дергун. — Зачем ты их туда засунула?

Круглая электрик Оля просто захлебнулась от возмущения.

— Я ни-че-го... не засо-ну-вы-вала-а! — выпалила она.

— Ой-ли? — с сомнением в голосе произнес Дергун. — Каким макарон они туда попали, в таком разе?

Электрик Оля неожиданно сбавила тон, застенчиво хихикнула.

— Ты что, Николаи-ич! Это же не мой размер!

— Не знаю, не знаю... Коля! Как считаешь? — продолжал сомневаться Дергун. — Голословное утверждение!

— Померять надо!

— Точно! Методом проб и ошибок...

— Методом тыка, в натуре!

— Будем примерять! — решительно поставил точку Дергун. — Давай снимай халат!

Мужчины переглянулись и сделали попытку встать с дивана. Стеная и охая, опираясь, друг на друга, начали медленный подъем.

Электрик Оля взвизгнула так, что эхом отозвалось по всем коридорам и этажам Дома культуры:

— Си-и-иде-еть!!! Обои-и!!! Не подходи-ить!!!

Мужчины откинулись на спинку дивана, недоуменно переглянулись. Наталья, закрыв рот ладонью, почему-то начала квакать и мелко трясти плечами. Потом вообще вскочила с дивана и убежала в душевую комнату. Оттуда послышался громкий плеск воды.

Мужчины одновременно обиженно пожали плечами.

— Не хочешь, как хочешь!

— Сама предложила, сама отказывается.

Очевидно, только сейчас электрик Оля разглядела, поняла, прозрела. «Обои» мужчины находились в явно неадекватном состоянии.

Медленно раскрылась дверь гримерной, на пороге появилась коренастая фигура дежурного «Калиныча» в форме десантника. По бокам от него маячили любопытные лица балетных девушек.

— Та-а-ак! — констатировала электрик Оля. — Вы обои пьяные!!!

— Мы-то как раз трезвые! — обиженно заявил Дергун. — А ты... в натуре, еще большой-большой вопрос!

— Требую экспертизу-у! Немедленно! Она... пьяная!!! — начал во весь голос бушевать поэт-песенник Скворцов. — Трезвый человек не станет засовывать свои трусы в пылесос!

— Это не мои трусы!!! — заорала во все горло электрик Оля.

— Почему отказываешься примерять?!

— Я вам не девочка!!! — отбивалась она.

— Срываешь следственный эксперимент?!

— Никто не говорит, что ты мальчик!

— Мы с обоими завтра поговорим! В присутствии других лиц!

— Верно! Прямо с утра и начнем!

— Завтра! В присутствии других лиц! Чтоб со свидетелями!

— И под стенографистку! Чтоб не говорили потом...

— Признайся честно, в натуре. Перепутала пылесос со стиральной машиной. Типа, обозналась.

— Молчи, пьянь зеленая! — накинулась электрик Оля на поэта Скворцова. — Ты у нас вообще не работаешь!

— Почему «зеленая»? Цвет моего лица, между прочим...

— Ходят тут всякие! Потом лампочки пропадают.

— Что, собственно, ты этим хотела выразить? Протест, какой? Против чего протестуешь? Против начальства!?

— Я... не протест! Я работаю! Очень даже работаю! С утра до вечера, только и знай, тут почини, там ввинти.... А сами лампочки воруют!

— Пора положить конец! — попытался поставить точку Дергун.

— Кто ворует лампочки? Конкретно!

— Разберемся. Враз и.... Окончательно!

— Дадим разок в глаз! И точка!

— От тебя, Николаич, я никак не ожидала! — начала выдыхаться электрик Оля. — Всегда думала, ты не такой.... А ты, еще хуже! Перед людьми должно быть стыдно!

— Кто ворует лампочки? Конкретно!

— И зачем трусы в пылесос засунула? Конкретно!

«Машина Мальвины подъехала к подъезду! Всем цехам внимание! Машина Мальвины уже у подъезда!!!», загремел на стене динамик голосом помрежа Норы. Людям старшего поколения он всегда напоминал диктора Левитана. «От советского Информбюро!!!...». Хотя, если провести сравнительный анализ, Левитану до Норы как до звезды. Но даже на малолеток ее голос действовал отрезвляюще и мобилизующе.

Балетные девочки под руки вывели круглую Олю в коридор и по лестницам проводили до самого

электроцеха. По дороге Оля продолжала возмущаться и грозила всеми карами небесными алкашам и эстрадным звездам, которые только и умеют, что задницами вертеть.

Балетные с ней согласились. Пообещали прямо с завтрашнего утра начать бескомпромиссную борьбу с алкашами и эстрадными звездами. Дескать, у них тоже терпение лопнуло.

Публика в зале подобралась самая разношерстная. Последние три ряда заполнили солдатики из доблестной Таманской дивизии. Их по традиции привезли на пяти автобусах. Шефство над вооруженными силами дело святое. Эти всегда самые восторженные поклонники.

В центре зала, тут и там, мелькали погоны разного достоинства. Командиры с женами, как правило, в обязательном порядке посещали концерты эстрадной «звездочки» Мальвины.

Основную массу составлял, так называемый, средний класс. Вернее, средняя часть этого самого класса. Жены начинающих бизнесменов, только развернувших свой бизнес. Стоматологи из частных клиник с пациентками. Пациентки массажных салонов. Владелицы этих же салонов с бой-френдами. Педагоги лицеев и клерки из мелких туристических фирм с любовницами. Любовницы владельцев цветочных ларьков с подругами, подруги секретарш депутатов Думы, прошлого созыва.

Чем ближе к сцене, тем шикарнее становились наряды, дам и господ. В первых рядах кое-где мелькали

даже браслеты и подвески, стоимостью в несколько таких ДК им. Зуева. Поголовно все, кроме солдат, в голос говорили по сотовым телефонам.

Впрочем, чтоб понять, кто сегодня в зале, вовсе не обязательно разглядывать публику из осветительной ложи. Достаточно бросить взгляд из окна на Лесную улицу и примыкающий к Дому культуры переулок. Оба были забиты подержанными иномарками. Машины стояли впритык друг к другу. Бампер к бамперу. Но особенно роскошных тачек не наблюдалось. Все-таки, Мальвина «звезда» третьей величины. Да и ДК им. Зуева не концертный зал «Россия».

Прозвенел третий звонок. Вернее, некая нейтральная мелодичная фраза. Посетители эстрадных концертов знали, пора отключать сотовые. Сейчас об этом объявит доброжелательным тоном молодой человек по радио. И еще спасибо скажет.

Сергей не стал пробиваться в зрительный зал. Осветительные ложи тоже проигнорировал. Там от мощных прожекторов такая солидная добавка к уличной жаре, любая сауна Антарктидой покажется.

Он забрался по железной лестнице наверх, под самые колосники и расположился в центре на шатком деревянном мостике. Тот тянулся по всему периметру сцены, справа, слева и сзади. С этой точки был превосходный обзор. Видна вся сцена. Правда, сверху и чуть сзади, с приличной высоты. Зато никто не мешал. Сергея просто никто не видел.

Загремела музыка, на сцену выскочили девицы из подтанцовки, разогреть и завести зал. Сергей подумал и перебрался по мосткам правее, ближе к зрительному

залу. Затаился над пультом помрежа Норы, почти над ее головой. С этой точки его тоже никто не видел. Разве разглядишь, кто там кувыркается наверху в темноте, под самыми колосниками. Зато теперь он мог видеть лицо Мальвины. И все, что происходит на сцене за ее спиной. Справа и слева от нее.

Увидеть изнанку эстрадного представления или съемочного павильона. Разве это не есть тайная мечта любого непосвященного! Давно пора продавать особые билеты за большие деньги. Можно ввести деление. «Закулисные», «Колосниковые», «Подпольные»...

Желающих будет, не отобьешься!

Балетным девочкам не удалось выбить из зала даже жидких аплодисментов. Хотя они очень старались.

Но как только за клубились дымы, и на фоне задника появилась Мальвина в развевающихся одеждах, зал разразился громом оваций. Действительно, Мальвину искренне любили многие.

В этот момент Сергей увидел... Наталью! Она, закутавшись в темный плащ, незаметно прошмыгнула из бокового прохода на сцену и спряталась за задником. Вдобавок еще и ширмой загородилась. Явно не хотела, чтоб ее хоть кто-то видел.

Музыка загремела всеми децибелами, Мальвина, раскинув руки в стороны, двинулась сквозь облака к залу и в это мгновение...

...В это мгновение Сергей случайно повернул голову и увидел Наталью, которая один в один копировала все движения Мальвины.

Мальвина на сцене запела в микрофон. Наталья... тоже! Делала вид, что держит что-то около рта. Так же

покачивалась в такт музыке, так же пританцовывала, так же махала рукой зрителям.

Более того! Наталья не только танцевала, как тень, повторяя все движения Мальвины, она точно так же артикулировала! Как будто тоже... пела!!! Беззвучно отрывала рот, и на ее лице возникали те же эмоции, что и на лице Мальвины! Или наоборот?!

Чертовщина какая-то! Бред!!! Они не могли видеть друг друга. Между ними был разрисованный задник, да еще ширма из плотной материи, которой Наталья отгородилась от любопытных. К тому же Мальвина постоянно находилась лицом к зрителям, спиной к Наталье. Ни разу не обернулась. Это Сергей видел отчетливо.

Они обе, будто связанные тысячью невидимых нитей, действовали абсолютно синхронно!

Сергей готов был поклясться! Под любой присягой! На всех Библиях и Конституциях! Они были единым целым! Единым живым организмом! Никакими репетициями невозможно добиться такой слаженности и синхронности!

Бред какой-то! Мистика!!!

Ни в какую мистику Сергей не верил. И верующим тоже не был. Всего год назад на юге, в районе водонапорной башни он попал под обстрел и бежал, втянув голову в плечи, к бетонному забору, за которым было спасение. Пули вокруг так и свистели, взрывались фонтанчиками прямо под ногами. Тогда каждая клеточка его молодого, не желающего умирать тела, вопила и бунтовала. Мысленно он орал:

«Господи-и! Папа-а!! Мама-а!!! Помогите-е!!!».

Именно в такой последовательности. Господи, папа, мама. Позднее, он это припомнил совершенно точно.

Там ему помогли друзья. Выручили, спасли жизнь. Не Господь Бог, не папа и мама. Там не было никакой мистики. Свои ребята, без всякого приказа, открыли в ответ беспорядочную пальбу. Тем, засевшим в развалинах, мало не показалось.

На гражданке, все эти гадания, предсказания, колдовские штучки, которыми забиты газеты и экраны телеканалов, вызывали у него только раздражение. Или снисходительную усмешку. Но здесь...

...На его глазах... происходило нечто... Нечто необъяснимое... непостижимое!!! Сергей несколько раз встряхивался, щипал себя за руку. Бегал взглядом по их лицам, фигурам, справа налево, пока не закружилась голова. Было в этой слаженности что-то страшноватое, фантастическое, завораживающее...

Девушки были единым организмом...

Гремел гитарами оркестр...

По всему Дому культуры разносился, усиленный динамиками, ликующий восторженный голос Мальвины...

Танцевали и пели две девушки...

Одна на сцене, в лучах прожекторов, популярная, узнаваемая, идеал фанатов, «Звездочка» шоу бизнеса — Мальвина...

Другая за ширмой, невидимая зрителям, никому неизвестная, ее подруга и костюмерша — Наталья...

Только один человек во всем Доме культуры им. Зуева видел сразу два представления. Вернее, двух исполнительниц.

Потом Сергей потерял сознание. Что-то зашипело у него в голове, ноги стали ватными. Он прислонился спиной к шершавой бетонной стене, медленно сполз по ней на доски мостика и отключился.

Хотя, чему удивляться. Теплый воздух, как известно из учеников по физике, всегда понимается вверх. Видимо, там под колосниками, скопился весь жар со сцены. И вентиляция не справилась.

По сообщениям Главного медицинского управления Москвы за прошедшие сутки бригады «Скорой помощи» четыреста восемьдесят семь раз выезжали по срочным вызовам на тепловые удары. Двенадцать человек спасти не удалось. Были госпитализированы шестьдесят восемь. Тридцать четыре вызова оказались ложными.

Особенно пострадали пожилые люди. Пенсионеры, бомжи и малоимущие. Хотя, обладатели кондиционеров тоже оказались не в лучшем положении. Многие, привыкнув к прохладе в своих квартирах, беспечно выходили под палящее солнце, пропотевали, и мгновенно простужались. Появился даже термин, «дымный грипп». Участковые врачи не успевали бегать по вызовам, выписывать бюллетени.

Только ближе к вечеру, когда солнце утонуло, где-то там, за Кольцевой дорогой, в синей дымной мгле, для столичных жителей наступило относительное облегчение.

Сергей полулежал за рулем «Форда», откинув голову на подголовник, и равнодушно наблюдал, как разъезжаются, расходятся зрители после концерта. Вялость и сонная апатия навалились на него. Он не стал дожидаться Надю на лестнице. Когда стихли аплодисменты, шуганул от дверей ее гримерной фанаток и спустился на вахту. В переулке, среди деревьев, была хотя бы иллюзия прохлады.

Когда в антракте на мостках под колосниками он пришел в себя, почему-то ничуть не удивился. Хотя ни разу в жизни не падал в обморок. Медленно спустился по лестнице и, шатаясь, добрал до душа на первом этаже. Там, вцепившись руками в умывальник, подставил голову по струю воды и долго стоял так в неподвижности. Потом еще дольше пил тепловатую воду с запахом хлорки. Потом тупо смотрел на свое отражение в мутном, треснувшем по краям зеркале.

То, что он увидел с высоты мостков на сцене во время представления, казалось дурным болезненным сном.

Надя долго не появлялась. Уже балетные девочки, парами и тройками, выпорхнули в переулок и, расцеловавшись, разбежались в разные стороны. Уже двое музыкантов запихнули свои гитары в чехлах на заднее сиденье запыленного «Москвича» и исчезли за поворотом на Лесную улицу. Уже реквизитор Соня, со своей подругой и напарницей Галей, такой же маленькой и незаметной, вышли со служебного входа и направились в сторону метро. Эстрадной «звезды» все не было.

Сергей прикрыл глаза и... сразу же побежал мимо водонапорной башни... туда... туда... к спасительному бетонному забору. Уже много дней подряд, особенно, с наступлением жары, стоило закрыть глаза, как тут же начинался этот бесконечный изматывающий бег...

Надя появилась в окружении фанаток неожиданно. Он пропустил момент непосредственно самого выхода в народ эстрадной «звездочки». Когда повернул голову к служебному входу, она уже стояла на тротуаре, и раздавала направо налево автографы.

Три знакомые тинэйджерки, бесцеремонно оттесняли остальных, чтоб не очень напирали. Они держали в руках сумки «звезды», ее пластиковые пакеты и букеты цветов. Чрезвычайно гордились оказанным доверием. Такое счастье выпадает не каждой.

Наконец Надя освободилась от назойливых поклонниц, подошла к «Форду» и, с помощью все же трех тинэйджерок, погрузила на заднее сидение пакеты и сумки. Букеты цветов, почти насильно, всунула в руки преданным тинэйджеркам. Себе оставила только один букет разноцветных роз. Объемом с клумбу средних размеров. Села на переднее сидение рядом с Сергеем и шумно выдохнула.

Лицо ее излучало счастье в чистом, незамутненном виде.

Взглянув на Сергея, тут же нахмурилась.

— Что с тобой? — тревожно спросила она. Пощупала ладонью его лоб. Ее ладонь была маленькой и очень холодной.

— Подержи так! — попросил Сергей. — Всего минуту.

Он прикрыл глаза и почувствовал, как прохлада от ее маленькой ладони живительными мурашками расползается по всему телу.

— Та-ак! Ясненько-о! — констатировала Надя. — Перегрелся!

— Чепуха. И не в таких переделках приходилось...

— Машину поведу я! — перебила Надя. — Не хватало еще, чтоб ты угробил нас обоих. Вылезай!

— «Спокойствие! Только спокойствие!» — попытался голосом Карлсона сказать Сергей, у него это плохо получилось. Карлсон из него был явно некакой. Надя поморщилась и сняла руку с его лба.

Сергей встряхнулся, включил зажигание.

С Лесной улицы переулками Сергей довольно ловко выехал к Триумфальной площади. Там, не доезжая до ресторана «София», развернулся и плавно погнал «Форд» к Самотечной эстакаде. Под ней повернул налево и по Олимпийскому проспекту уже через пару минут подъехал к шестнадцатизэтажке, стоящей за гостиницей «Ренессанс». Здесь на пятом этаже в однокомнатной квартире проживала Надя Соломатина, популярная «звезда» шоу бизнеса Мальвина.

Надя купила квартиру всего два года назад. Деньги копили вместе с Наташкой несколько лет. Экономили буквально на всем. Щеголяли в драных джинсах, прикрывающих рваные колготки. Слава Богу, в тот период этот «имидж» считался самым крутым. Питались пакетиками «Быстрого супа» и пельменями

«Богатырские», пакетики чая использовали по три-четыре раза, пока кипятик хоть чуть-чуть темнел. Не отказывались выступать в кабаках с самой уголовной репутацией. Мальвина пела даже в загородных коттеджах, на днях рождения и юбилеях. Хотя, ниже этого эстрадная певица упасть уже не может. Им было наплевать. Лишь бы платили. И они выжили, вырвались из мутного болота. Обе выехали из общежития завода имени Войкова, куда их, сначала одну, потом другую запихнули добрые тети из собеса.

Для детдомовских девчонок собственная квартира в Москве не просто роскошные квадратные метры жилой площади. Мечта, крепость, древний замок со рвом, наполненным водой, с разводными мостами и бойницами в высоких башнях.

Сначала купили квартиру Наде, здесь на Олимпийском проспекте. Потом, почти одновременно, Наташке на Кронштадтском бульваре. Такую же однокомнатную, только с окнами на Головинские пруды. На новоселья не приглашали никого, отмечали сие великое событие только вдвоем. Чтоб не сглазить.

Судьба любит настойчивых и упрямых. Упрямства обоим было не занимать. Такими их воспитала Лариса Васильевна Гонзалес.

«Но пассаран!» — грозно сверкала она красивыми глазами, заканчивая беседу по душам с каждым из воспитанников.

«Но пассаран!» — шептали две девчонки, чокаясь бокалами с дорогим шампанским, и обе заходились от счастья.

Сергей остановил машину прямо у подъезда. Видя, что Надя сидит рядом неподвижно и смотрит перед собой в одну точку, подал чуть назад, припарковался между двумя ракушками и выключил двигатель. Свет от фонаря на столбе сюда не доставал.

— Устал? — спросила Надя.

— Слишком много всего. За один день.

Надя перегнулась через сидение и начала что-то искать в пакетах.

— Наташка тебе обо мне ничего не говорила? — равнодушно спросила она. Но Сергей уловил тревогу в ее голосе.

— Про что?

— Ну, там.... Про особые наши с ней отношения. Ничего не рассказывала?

— Нет, — отрицательно мотнул головой Сергей.

— Честно? — спросила она, повернувшись к нему и испытующе заглядывая в глаза.

— Так точно!

— О чем же вы тогда разговаривали? Вчера, сегодня...

— Поставь, отнеси, принеси, открой, закрой...

— Вполне в ее духе, — вздохнула Надя. — Ей бы сержантом быть. Или на худой конец полковником. Значит, ничего такого... она не рассказывала?

— Нет, вроде. Говорила только...

— Что? — тревожно спросила Надя.

— Что с детства знакомы. В одном детдоме куковали.

— Да, да. На одном горшке сидели. Она всем так говорит.

— Вы, правда, обе из детдома?

— Ага, — кивнула Надя. — Тебя что-то не устраивает?

— Я этого не говорил.

— Ладненько-о! — протянула Надя и открыла свою дверцу. — В гости на чай-кофе не приглашаю. Устала очень.

У нее и правда как-то мгновенно на лице появилась чудовищная усталость. Круги под глазами. Очевидно, так было всегда, после каждого концерта, реакция.

— Машину загни на стоянку. Во-он там, у бассейна! — Надя мотнула головой в сторону Олимпийского комплекса. — Скажешь, моя. Они знают...

Она потянулась к Сергею и поцеловала его в щеку. Вышла из машины, захлопнула переднюю дверцу, раскрыла заднюю и начала перекладывать сумки, пакеты. Никак не могла разобраться.

Сергей открыл свою дверцу и уже выставил ногу на не успевший остыть асфальт, чтоб помочь, но Надя опередила.

— Не провожай! Терпеть не могу, когда меня провожают.

Она выбралась из машины, захлопнула коленом дверцу и, улыбнувшись Сергею, направилась к подъезду. Она шла, припадая на одну ногу, в одной руке держала сразу две сумки и пластиковый пакет, другой прижимала к груди букет разноцветных роз. Сергей видел, как она, прислонившись к стеклянной двери, на секунду замерла. Дверь открылась, Надя скрылась в подъезде.

Под козырьком на ее месте возникла полная женщина в домашнем халате, со спаниелем на поводке. Она сквозь стекло проводила Надю долгим взглядом и спустила собаку с поводка. Спаниель, с оглушительным лаем начал носиться по газону перед подъездом.

Сергей включил двигатель, объехал по маленькому тоннелю стороной гостиницу «Ренессанс» и поставил «Форд» на платную стоянку возле бассейна. Сам пошел в сторону метро «Прспект Мира». Через час он уже лежал в своей комнате на старой тахте и никак не мог уснуть.

5

Похоронили Ларису Васильевну Гонзалес на сельском кладбище возле деревни Ильинское, что в пятнадцати километрах от Волоколамска. Так она указала в завещании. Рядом с матерью, Виолеттой Антоновной Гонзалес. Когда-то они снимали в этой деревне комнату.

Виолетту Гонзалес, перед второй мировой войной, совсем еще ребенком вывезли из Испании в Россию. Тогда Советское правительство всему миру продемонстрировало свой интернационализм. Пароходами вывозило испанских детей, спасало от фашистов. В те времена на необъятных просторах страны, как грибы после дождя, росли школы-интернаты, детские дома, приюты. Черноглазые, черноволосые испанские дети составляли в них большинство.

Постепенно они ассимилировались, изучали русский язык, стихи и песни. Большинство после

интернатов и приютов, учились, осваивали профессии, создавали семьи, трудились на благо и процветание великого и могучего советского союза. Но родной испанский язык не забывал ни один из них. В восьмидесятых лишь некоторые из тех детей смогли вернуться на родину.

В середине пятидесятых Виолетта Гонзалес благополучно поступила в московский Пединститут. Вернулась через четыре года в свой родной детдом воспитательницей и преподавательницей. Из Москвы привезла не только диплом о высшем образовании, привела за руку черноволосую трехлетнюю дочь Лору. Ходили слухи, ее отец – советник по культуре при испанском посольстве.

Через пять лет Виолетта Гонзалес стала директором. Выгнала двух нечистых на руку поварих, пригласила молодых девочек из местного ПТУ. Провела ремонт, пристроила к основному зданию два крыла, добилась в министерстве, чтоб ее детскому дому присвоили персональное имя «Журавлик», что по тем временам было исключением из всяческих правил. Ввела изучение иностранных языков. Преимущественно, испанского, естественно. Уроки музыки, танца, живописи.

До обмороков муштровала Виолетта Гонзалес дочь Лору танцами фламенко и зубрешкой стихов Фредерико Гарсиа Лорки. Никто не удивился, когда со временем та пошла по стопам матери. Окончила тот же Пединститут в Москве и тоже вернулась в Волоколамск. Но особых административных талантов Лора не проявила. Доросла

только до старшей воспитательницы. Правда, дети ее любили безумно.

«Ты одна-а, нам радость и отрада-а! Ты одна-а, нам несказанный све-ет!» — старательно выводили тонкими голосами, выстроившись полукругом в день ее юбилея.

На кладбищах всегда пронзительно кричат вороны. Может быть, души тех, кто покидает нас, переселяются в пернатых. Вот они и кричат, машут крыльями, чтоб обратить на себя внимание. Хоть на секунду, на мгновение еще раз встретиться с нами взглядами.

Надя с Натальей чуть не опоздали. В само Ильинское приехали во-время, Сергей гнал «Форд» за сотню, были бы крылья, точно взлетели.

В клубах пыли остановились посреди деревни у разрушенной церкви. Наивно полагая, раз церковь, где-то рядом должно быть и кладбище. Ничего подобного. Мальчишки на велосипедах просветили глупых приезжих. Церковь всегда была разрушенной, кладбища тут сроду никакого не было. Короче, в деревне Ильинское люди вообще не умирают. Живут вечно. Кладбище им без надобности.

Смех смехом, но никто из местных не знал, где оно находится. Слава Богу, подошли трое крепко подвыпивших парня и наперебой начали указывать дорогу. Причем, все трое указывали разные направления. Театр абсурда. Наталья с Надей уже начали нервно хихикать на заднем сидении, когда Сергей взял инициативу в свои руки.

Вышел из машины и начал разнимать заспоривших парней. У тех дело уже до рук дошло.

— Не-е, но ты козе-ел!!!

— Сам ты козел!!!

Сергей вежливо растолкал парней в разные стороны. Попутно выяснил истину, которая, как известно, всегда где-то рядом. Ильинское кладбище находится во чистом поле, в пяти километрах. Подъехать к нему можно с трех сторон. Со стороны шоссе, со стороны деревни и со стороны озера. Все три дороги грунтовые. Слава Богу, дождей последнее время не было. Можно подъехать.

Кладбище, действительно, раскинулось во чистом поле. Хотя, раскинулось, громко сказано. Десятка два могил между чахлыми березками.

Вокруг выкопанной ямы застыли человек двадцать. Все в черном, несмотря на ужасающую жару. Сергей не стал подходить близко. Отошел в сторону, прислонился к березе и терпеливо ждал окончания. Потом, когда дико захотелось курить, отошел еще дальше в поле. Посчитал бестактным, дымить на кладбище. Присел на едва заметную кочку, рядом с трухлявым березовым пнем.

Солнце жарило немилосердно. Возникло устойчивое ощущение, скоро все вокруг превратится в выжженную пустыню. И на горизонте замаячат караваны верблюдов.

Стояло абсолютное безветрие. Изредка до Сергея доносились лишь обрывки речей. Громких рыданий, с заламываем рук и падениями на грудь покойницы, не было. Все достойно, тихо, интеллигентно.

Где-то высоко-высоко в бесконечно голубом небе пел жаворонок, да пронзительно кричали вороны, раскачиваясь на ветках хилых берез.

— Извини!

Сергей вздрогнул, очнулся. Сам не заметил, как перестал воспринимать окружающее. Перед ним стояла Надя. Черные джинсы, черная кофта, на голове кокетливая черная шляпка. Почему-то в машине, пока ехали, и еще до того, когда встречал ее у подъезда на Олимпийском, он не обратил внимания, как и во что она одета. Теперь разглядел. И сразу опять уже привычно заныло в груди. Надя была очень красива во всем черном, почему-то похожа на Джен Эйр.

— За что извинять? — кашлянув, спросил Сергей.

— Притащила сюда. Могла бы сообразить, сама сесть за руль.

— Ты о чем?

Надя опустила рядом с ним на корточки, раскрыла сумку, начала привычно копаться в ней. Типичное занятие всех женщин. Бесконечное и увлекательное.

— Тебе, наверное, трудно смотреть на это, — Надя кивнула в сторону неподвижной группы людей.

Она достала из сумки небольшую цветную афишу, развернула, секунду подумала, постелила ее на землю, присела рядом с Сергеем.

— Почему именно мне?

— Ты ведь служил там, на югах.... Можно догадаться...

Сергей едва заметно кивнул.

— От жизни не убежишь, — пожав плечами, сказал он. Вздохнул и добавил. — От смерти тоже.

Некоторое время оба молчали.

— Кто у тебя родители? — спросила Надя.

— Научные сотрудники. Биологи. На Кубе баксы зашибают.

— Ты на кого больше похож? На отца или на мать?

— улыбнулась Надя. — Интересно бы на них взглянуть.

— Я похож на деда.

— Можно одну вещь спрошу? — неожиданно очень строгим тоном произнесла она. — Хотя, нет... Потом как-нибудь...

Она тряхнула головой и порывисто встала. Отряхнула джинсы и быстро направилась к «своим».

Поминки устроили в небольшом кафе в самом центре Ильинского. По иронии судьбы, оно называлось «Прохлада». Все скинулись, дали владельцу, кавказскому человеку по имени Арсен, внушительную пачку денег и он мгновенно выпер на улицу местных алкашей.

Бывшие воспитанники «Журавлика» с интересом наблюдали, как маленький темпераментный Арсен за шкирки выволакивает из кафе двух опустившихся верзил. При желании те могли стереть его в порошок, но оба покорно стерпели даже пинки под зад коленом от Арсена.

— Как последнюю собаку... На мороз вы-выбрасываш... — обиженно бормотал один из них.

Это было точно сказано. Именно, «на мороз»! Особенно, если учесть, что на улице все плюс тридцать с хвостиком.

Официантки закрыли на окнах жалюзи, сдвинули столы. На столах появились незатейливые закуски, салат «Оливье», бутылки водки «Смирнофф», минералка «Боржом» и неистребимое «Пепси».

Сергей поначалу отказывался, все-таки, он не знал покойную. Проще пересидеть в машине. Наталья и Надя решительно взяли его под руки, завели в кафе и усадили между собой за стол.

Некоторое время все негромко переговаривались. На самые нейтральные темы. Потом с рюмкой в руке поднялась полноватая женщина в строгом темном костюме.

— Анечка Василевская! — прошептала Надя на ухо Сергею. — Наша староста. Совсем не изменилась. Диспетчер на железной дороге.

Женщина постучала вилкой по бокалу, все смолкли. Голос ее был знаком каждому с детства. Таким голосом объявляют о прибытии поездов и приглашают дежурного милиционера в камеру хранения. Он звучит над путями и в залах ожидания на всех вокзалах нашей необъятной железнодорожной страны.

«Есть в голосе моем звучание металла!» — мелькнуло в голове у Сергея. Он так и не смог вспомнить, кому именно из павших поэтов принадлежат эти строчки. Кульчицкий, Гудзенко, Коган, Майоров? Все жара проклятая, мозги плавятся.

— Мальчики! Девочки! — сказала Анечка Василевская. — Мы потеряли самого дорогого человека. Мы осиротели дважды. Сначала в далеком детстве, теперь вот, окончательно.... Очень тяжело, трудно...

Кто-то из женщин всхлипнул.

— Аньк! Кончай нагнетать! — поморщившись, вмешался маленький и очень худой мужчина с длинным носом.

— Вадик Кондратьев. Поваром служит в ресторане. К нему из Германии приезжали, опыт перенимать, — шептала Сергею на ухо Надя.

— Между прочим, баба Лора была светлым, жизнерадостным человеком, — продолжил повар Вадик. — Терпеть не могла все эти страдания, причитания! Она бы тебя не поняла.

Все тут же согласно закивали головами.

— Вот уж кто умел радоваться!

— Даже когда хмурилась, глаза у нее смеялись!

— Никогда не была в плохом настроении!

— Ну, как хотите! — разозлилась Анечка Василевская и, не договорив свою речь, села на место.

— Ты, почему не ешь! — спросила Наталья. — Надьк! Положи ему салат! Мужиков надо кормить.

Надя тут же набухала на тарелку Сергея гору салата «Оливье».

— Между прочим, в Африке есть народы, где покойников провожают с песнями и танцами, — развивал свою мысль повар Вадик.

— Где это такие народы? — спросил кто-то с другого конца стола.

— В Африке, в Нигерии, — невозмутимо ответил Вадик. — Я там семь месяцев опыт перенимал.

— Как там с погодой? — поинтересовались с другого конца.

— С этим у них лучше! — усмехнулся Вадик. — Во всех других отношениях, хуже. А с погодой лучше.

Стабильно замечательная погода. Круглый год плюс двадцать. И ни туда, ни сюда.

— Правда, говорят, они в Африке живых червей едят? Прямо, выкапывают из земли и в рот?

— Не замечал, — подумав, ответил повар Вадик.

— Точно, точно! — настаивала худенькая девушка в больших очках. Очки постоянно сползали по ее длинному носу на самый кончик и уже падали, но она каждый раз успевала их подхватить и водрузить на место. — Сама читала в «Московском комсомольце». Они всегда только правду пишут. Ничего, кроме правды.

— «Московский комсомолец» всегда врет! — рыкнула ее соседка.

— Света Акимова! Догадайся, кем она работает? — вполголоса спросила Надя.

Сергей мельком взглянул на внушительную девицу лет тридцати, недоуменно пожал плечами. Широкоплечая Света Акимова могла быть кем угодно. От продавщицы ювелирного магазина до крановщицы.

— Она банщица! — прошептала Надя и тихо хихикнула. — В «Сандунах» работает. Очень прилично зашибает. Содержит мать, мужа и двоих детей.

Постепенно все разбились на пары-тройки, повели разговоры, не имеющие никакого отношения к событию, собравшему их за этим столом. То в одном углу кафе, то в другом уже слышался веселый смех.

«Ща-ас спою-ю!» — невольно вспомнился Сергею волк из любимого мультфильма про несчастного, старого пса.

Тем временем, Игорь Дергун ударился в загул. Подобное с ним случалось чрезвычайно редко. Раз в полгода, не чаще. Обычно загулы длились дня два-три. Крайне редко, неделю.

Все как-то сошлось, одно к одному. Мальвина объявилась живая здоровая. Вполне пристойно отыграла, отпела программу. Не пришлось гонять по отделениям милиции, вызволять «звездочку» из очередного скандала с рукоприкладством и членовредительством.

С деньгами тоже пошло на поправку, зал был забит до отказа. На ближайšie три дня билеты расхватали, как горячие пирожки. Если так покатиться, хотя бы еще недели полторы, можно расплатиться с кредиторами и вздохнуть спокойно.

Во всем виновата, конечно, погода. Подобная жара не для белого человека. Мыслящая часть москвичей и гостей столицы очень темпераментно обсуждала проблему потепления климата. Мнения высказывались самые разные. Подчас очень оригинальные. Условно людей можно было разделить на три группы.

Первые во всем винили космонавтов. Дескать, это они понаделали дырок в озоновом слое своими ракетами. Именно потому тают арктические льды, скоро всю Европу затопит. Вон, уже в Венеции уровень воды на метр выше допустимого. Дальше будет еще хуже.

Вторые утверждали, любому дураку ясно, в Антарктиде и Гренландии айсберги уменьшаются в размерах по причине неразумной экологической деятельности человека. Дескать, слишком много

заводов понастроили. Те чадят, дымят, заволакивают небо смогом и не дают лишним градусам улетать в открытый космос.

Третьи настаивали, во всем виноваты американцы и демократы. Один Чубайс чего стоит.

Короче, грядет новый всемирный потоп! Спасайся, кто может!

Продюсер Игорь Дергун и поэт-песенник Николай Скворцов не остались в стороне от проблемы потепления климата. После инцидента с «электрической девушкой» Олей, вернулись в буфет и подключились к обсуждению. Врезали по бокалу шампанского. Потом еще по одному. Что по такой жаре было чистым безумием. Но оба уже сорвались.

В тот воскресный вечер, словно кто-то дал отмашку. И понеслось.... Не ожидая окончания концерта, они залезли в «Ауди» и двинули за город. Пьяных Господь бережет. Ничем другим не объяснить тот факт, что они вполне благополучно доехали до места. Ни кого не сбили, ни во что не врезались, ни с кем не столкнулись. Ни один из гаишников даже головы не повернул в их сторону.

Через час они уже были на даче Дергуна в Снегирях. Любопытные соседи двое суток, сквозь кусты вдоль забора, наблюдали разнообразные, не всегда понятные со стороны, действия и поступки хозяина и его гостя.

В воскресенье двое мужчин, разгуливали в одних трусах по участку и явно проводили ревизию растительности, высаженной тещей Игоря на каждом квадратном метре. Цветы выдергивали из земли и

внимательно осматривали корни. Если те оказывались приличного размера, их втыкали обратно. Если корень вызывал сомнения, в виду своей хилости, он безжалостно браковался, отбрасывался в сторону.

В понедельник ближе к вечеру несколько часов подряд валили березу, растущую в центре участка. От берез, как известно, никакой пользы, один вред. Корни у них ядовитые и тени в полдень не добьешься. Прислонили к березе длинную лестницу. Хозяин, с веревкой в руках, забрался почти на самую вершину, гость, непрерывно декламируя стихи, держал лестницу. Потом гость, который читал стихи, выйдя за ограду участка на дорогу, изо всей силы тянул веревку. Сам хозяин с молодецкими вскриками рубил березу под корень.

Развернись плечо, размахнись рука!

То ли топор был тупой, то ли навыка у хозяина не было, но дело двигалось крайне медленно.

Смеркалось. Удары топора по несчастной березе стихли. Соседи справа и слева уже вздохнули с облегчением, но тут, сквозь густые заросли всевозможной растительности, со стороны участка продюсера Игоря Дергуна начал доноситься звук двуручной пилы.

Вжи-ик, вжи-ик, вжи-ик, вжи-ик.... Усердие все преодолевает.

Уже в темноте, когда в дачном поселке на столбах зажглись фонари, соседи услышали протяжный скрип, треск ломающихся веток и гулкий удар о землю, от которого заметались от дачи к даче летучие мыши и возмущенно залаяли собаки. Но все эти звуки перекрыл

торжествующий вопль, вырвавшийся из двух мощных мужских глоток.

— Э-э-э!...Охо-хо-о!... Э-э-э!... Охо-хо-о!...

Так кричат индейцы племени команчей, наступив на грудь поверженного врага ногой в мокасинах, задрав голову к небесам. В этом крике жажда мести и уверенность в победе, в этом крике!

Вызванная бдительными соседями по сотовому телефону, к вечеру среды на дачу примчалась теща Дергуна. Увидев погром, учиненный ненавистным зятем, всегда крикливая и скандальная Валентина охнула, прижала к щекам ладони и тихо заплакала. Ее можно было понять. Поваленная береза, поголовно вырванные с корнем любимые цветы, два разбитых окна веранды, опрокинутая пожарная бочка.... Довершала картину дергунова нашествия ее любимая соломенная шляпка, продырявленная насквозь. Она оказалась надетой на шест телевизионной антенны. Вернее, на обломок, оставшийся от шеста. Сама антенна была перекручена и всунута в ручку входной двери. Не иначе, обозначала, дверь заперта и хозяев нет дома. Хотя, дверь была нараспашку.

Но все это произошло потом. А пока...

...Пока над тихим дачным поселком разносился, гулким эхом отзываясь в соседнем лесу, торжествующий и устрашающий одновременно, крик индейцев племени команчей.

— Э-э-э!... Охо-хо-о!... Э-э-э!... Охо-хо-о!...

Всю первую ночь на даче продюсера Игоря Дергуна ярко горели окна второго этажа. Первого, впрочем, тоже. Двое солидных мужчин, оба в длинных семейных

трусах, друзья до гроба, не разлей вода, с бокалами и бутылками в руках, переходили из одной комнаты в другую и вели содержательные, местами даже философские беседы.

— Нет, ты мне скажи. Почему все бабы стервы? — вопрошал Дергун, отхлебывая из бокала.

— Генетика у них такая. Вот я, был женат...

— При чем тут генетика! Генетика у всех одинаковая!

— ...женат четыре раза. Между прочим, все четыре раза очень удачно...

— Генетика, вообще лженаука.

— Игорек! Ты думай, что говоришь!? Ты как этот, как Лысенко какой-нибудь!

— Который на телевидении? Терпеть его не могу. Он сволочь.

— Да не телевидение! — поморщился поэт Скворцов. — Другой Лысенко. Который сам был генетиком, но других гнобил. Завидывал. Писал публичные доносы. Не помнишь, что ли?

— Правильно делал. Конкурентов надо давить. Закон бизнеса. Или они тебя, или ты их. Давай яичницу сварганим?

— Он еще яблони с помидорами скрещивал.

Игорь Дергун замер, ошалелым взглядом посмотрел на Скворцова.

— Яблоню с помидорами!? Зачем?

— Хотел накормить страну. Мечта у него такая была, чтоб накормить страну. Сталин его очень поддерживал в этом вопросе. Правда, не помню точно. То ли помидоры с яблонями, то ли огурцы еще с чем-то.

Это неважно. Важно, что у него была мечта. И Сталин его поддерживал.

— Бабы, все равно, стервы. Давай яичницу сварганим!

— И ночные «Вести» посмотрим. Сейчас как раз должны быть. У тебя работает телевизор?

— Обижаешь, рифмоплет!

Дергун сунул в руки Скворцову пульт. Поэт-песенник уселся в кресло, щелкнул пультом, закинул ногу на ногу. Игорь, тем временем, на кухне разбил на холодную сковородку десяток яиц, поставил на плитку и зажег газ. Отхлебнул из бокала и вернулся в гостиную.

— Что-то это... мутно показывает! — морщась, объявил он.

— погоди! — зашипел поэт Скворцов. — Сейчас про погоду на завтра объявят!

— Я тебе и так скажу! Без всякого телевизора! Теперь всегда будет тридцать. Ночью и днем, зимой и осенью.

— погоди, сейчас... Во-он! Ах ты, ласточка, какая!

На экране телевизора появилась девушка в открытом, смахивающем на купальник, цветастом сарафане. Она расхаживала перед картой европейской части и, изящно поднимаясь на цыпочки, рукой показывала, где, в каких районах, какая будет температура. Вообще-то, она могла не стараться. Температура везде была одинаковой. Плюс тридцать, тридцать два. Она и не старалась. Вернее, старалась, но озабочена была отнюдь не демонстрацией точек на карте. Другой демонстрацией.

— Слушай, Игорек! — внезапно встряхнувшись, спросил поэт-песенник Скворцов. — Почему мы девочек с собой не взяли?

— Мутно показывает, — отозвался Дергун. — Что говоришь?

— Девочек надо было взять!

— Каких? С обочины?

— Можно и тех, — согласился Скворцов. — Можно вообще одну было взять. Одну на всех, мы за ценой не постоим!!! Тра-та-та-та!!!

Игорь Дергун тяжело вздохнул, вытер полотенцем со лба пот и сказал крайне озабоченным тоном.

— Ты последи за яичницей, чтоб не сбежала. Я пойду подправлю антенну.

— Она разве может? — удивился поэт.

— Мутно показывает, не видишь?! Паразитская антенна, какая-то!

— Яичница! Почему она может убежать?

— В смысле, не убежать, а не подгореть! Проследи!

Игорь Дергун тяжело поднялся с кресла, залпом допил из бокала и направился к двери.

— Игорек! — вскинулся Скворцов. — Надень шляпу! Простудишься! Вот, очень подходящая шляпа! Тебе к лицу! Ты в ней похож... на этого. На американского актера.... Как его? Забыл!

— Эта-а шляпа-а женская! — с неожиданной злостью сказал Дергун. — И вообще! Знаешь, чья она-а!? Знаешь!?

Поэт Николай Скворцов отрицательно помотал головой.

— Ни черта ты не знаешь, рифмоплет!

Игорь Дергун нахлобучил шляпу на голову и решительно спустился по ступенькам в сад.

Утром в среду Дергун вызвал по сотовому такси из Красногорска, растолкал храпящего в кресле поэта Скворцова.

— Коля! Проснись! Коля-а-ан!!!

Тот никак не желал просыпаться, норовил закинуть ноги на стол и, не открывая глаз, бормотал какие-то рифмованные глупости.

— Речка, печка, свечка, колечка, огуречка, крылечко, сердечко...

Дергун подхватил его под мышки, выволок в сад и сунул башкой в пожарную бочку с водой. Вытащил, похлопал по щекам, опять сунул. Так проделывал несколько раз, пока взгляд поэта-песенника не стал хоть отчасти осмысленным.

— Не помнишь, зачем мы березу завалили?

Скворцов утвердительно кивнул головой, улыбнулся. И опять закрыл глаза. Так и стоял, покачиваясь, с закрытыми глазами.

— Кому пришла в голову эта идея? — настаивал Дергун. — Тебе или мне?

— Тебе, — четко ответил Скворцов. Вздохнул и пояснил. — Мы погулять захотели. Так, провериться... Я тогда еще Есенина читать начал. «Милые березовые рощи...». Ты за топор и схватился!

Игорь от злости, не иначе, взял за края бочку и опрокинул ее на землю. Вода из бочки хлынула стремительным потоком, словно Ниагарский водопад в

миниатюре. Скворцов, пошатываясь, едва успел отскочить в сторону.

— Собирайся, сейчас такси придет! У меня в городе дела. Сегодня, какой день недели?

— Понедельник!

— Ты что, совсем уже.... Сегодня среда.

— Среда-а-а... — задумчиво протянул поэт-песенник. Взгляд его на мгновение стал каким-то далеким и мечтательным. Но он тут же встряхнулся.

— А куда вторник подевался!? — хмуро спросил Скворцов.

Дергун не ответил. Он и сам этого не знал

Через час они уже подъезжали к Москве.

На город опять надвигалась дымная мгла. Дышать было совершенно нечем. Но люди, все-таки, дышали. Превозмогая и преодолевая, шли на работу и учебу, в магазины и поликлиники, втискивались в вагоны метро и вскакивали на подножки трамваев. Все куда-то спешили. Что наглядно демонстрировало необычайную живучесть и фантастическую приспособляемость москвичей и гостей столицы.

Поистине, внутренние резервы человека безграничны.

Приблизительно в то время, когда Дергун со Скворцовым на такси подъезжали к Кольцевой дороге, а в кафе «Прохлада» в селе Ильинское только рассаживались за столы, чтоб помянуть Ларису Васильевну Гонзалес, в Кремле в одном из кабинетов состоялось секретное заседание Совета безопасности. Под председательством человека, поразительно

похожего на руководителя этого самого Совета Владимира Рушайло.

Об этом радиостанции «Эхо Москвы», не за так, разумеется, поведал один журналист, входящий в высшие сферы и скрывавшийся под псевдонимом «Осведомленный источник».

Собственно, это нельзя было назвать заседанием. Скорее, небольшим совещанием. А еще точнее, встречей. Человек, похожий на Председателя Совета Рушайло, пригласил непосредственно в Кремль двоих очень странных посетителей.

Хотя, странными они были только на первый взгляд.

Первым был ученый климатолог Облаков, который начал бить во все колокола об изменении климата на планете еще задолго до наступления нынешней жары. Вторым был пресловутый колдун Кулебякин, известный в московских тусовочных кругах своей способностью вызывать дождь, бурю, ураган и вообще, бывший «на ты» со всевозможными природными явлениями.

Хозяин кабинета, похожий на Рушайло, вкратце охарактеризовал ситуацию в стране и потребовал от посетителей дать диагноз и прогноз.

Первым взял слово ученый климатолог Облаков. Он разложил на столе графики и диаграммы, щедро сдобренные цифрами, несколько пухлых папок с документами и налил себе в стакан воды из графина. Потом минут десять сыпал такими непонятными терминами, что ни хозяин кабинета, похожий на Рушайло, ни тем более второй его гость, ни черта не поняли. Оба не сговариваясь, пришли к выводу,

который можно выразить яснее ясного. «Чему быть, того не миновать!».

Тут взял слово колдун Кулебякин и, не моргнув глазом, заявил:

— Это я нагнал на Москву жару!

Хозяин кабинета, похожий на Рушайло нахмурился.

— Зачем вы это сделали!? — искренне удивился ученый Облаков.

— Земля российская — живой организм. Ей необходима баня. Русская баня выгоняет из организма любую заразу. Я и вызвал. Пропотеет, очистится, и выйдет из испытания молодой и обновленной. Слово девица на выданье. Грядет век Водолея. Все должны быть чистыми.

Хозяин кабинета, похожий на Рушайло стал мрачнее тучи.

— Кто вам позволил проводить подобные варварские эксперименты над людьми, над природой!? — возмутился ученый.

— Тебя забыл спросить! — огрызнулся колдун Кулебякин. — Сами с усами. Тоже кое-что кумекаем, кое-что соображаем и можем!

Он повернулся к хозяину кабинета и предложил:

— Могу все отменить! Вызвать дождь! За пять тысяч долларов!

Хозяин кабинета удивленно вскинул брови и открыл было рот, но его опередил ученый климатолог Облаков.

— Вы... вы — шантажист! Вымогатель!! — закричал он. — Вы используете свои неординарные способности

не во благо народа, а во вред ему! Вы мерзавец и негодяй!!!

С этими словами возмущенный ученый схватил со стола стакан с водой и знаменитым жестом Жириновского плеснул воду прямо в лицо колдуна. Кулебякин в долгу не остался. Мгновенно вскочил со стула и метнул прямо в голову ученому какой-то волосатый предмет, который на поверку оказался амулетом для заговоров, лапой алтайского медведя. Впрочем, климатолог довольно ловко успел увернуться.

— Ах ты... козел плешивый!!! — заорал колдун.

— Таким не место в цивилизованном обществе! — достойно парировал известный ученый. — Ваше место совсем в другом месте...

— Прекра-атить!!! — рывкнул хозяин кабинета, похожий на Рушайло. — Мать вашу.... Здесь вам, не там!!!

Ученый и колдун мгновенно заткнулись. И стали оба, как бы, даже меньше ростом. Оба знали. Хозяин кабинета крут характером и скор на расправу. Не то, что некоторые.

— Пошли во-он! Оба-а! Оба-а!!! — подвел черту хозяин кабинета. Он нажал на невидимую кнопку, в дверях мгновенно появились четыре рослых парня в темных костюмах.

Выводили веселую парочку из кабинета и вели по длинным коридорам, как особо опасных государственных преступников. По два охранника по бокам. Ученый климатолог Облаков удрученно молчал и смотрел себе под ноги. Колдун Кулебякин всю дорогу бормотал, что колдун в России, больше чем колдун....

Что весь народ за него.... Что он, если захочет, может понять бунт, бессмысленный и беспощадный, против нынешних демократов, но пока воздержится....

Впрочем, охранники его не слушали.

Очень возможно, никакой такой встречи в Кремле и не было. Все это досужие выдумки нечистого на руку и на язык журналюги. Захотел сшибить бабок, вот и воспользовался моментом. А наивные и падкие на сенсации редактора «Эхо Москвы» и уши развесили.

Несколько дней по коридорам Дома журналистов и закуткам иных редакции гулял слух, будто, сам Ясен Засурский, декан факультета журналистики МГУ, непререкаемый авторитет в этой области, категорически осудил и даже заклеил подобные методы добывания информации. Об этом говорили дня два или даже три. Потом благополучно забыли.

Жара в столице, между тем, продолжала нарастать.

Поминки в кафе «Прохлада» в центре деревни Ильинское подходили к концу. Женщины доставали косметички и, не таясь, прямо за столом, подкрашивались, поправляли волосы. Мужчины не без грусти бросали взгляды на пустые бутылки и курили.

— Говорят, Пугачева замуж за Галкина выходит! Слышали?

— Естественно! Он же голубой!

— Кто, Галкин!?

— Да нет, Киркоров. Об этом все знают. Спроси, кого хочешь!

— У него две виллы в Израиле. И одна в Альпах.

— А что толку, все равно голубой. С ним ни одна женщина счастлива, не будет.

— У Галкина дача в Серебряном бору.

— Бедная Алла Борисовна! Мне ее почему-то жалко.

— Надьк! Ты с Киркоровым знакома?

— Отвали!

— Он из наших или голубой?

— Отвали-и, сказала!

— Фу-ты, ну-ты! Спросить ничего нельзя!

— Мальчики! Девочки! Давайте споем! — вполне нормальным, человеческим, не диспетчерским голосом, предложила Анечка Василевская. — Нашу... любимую!

И Анечка неожиданно запела.

«Слышу голос из прекрасного... далека-а... Голос в утренней серебряной росе...», пела она высоким, почти детским голосом.

«Пора, мой друг, пора!» — подумал Сергей и осторожно поднялся из-за стола. Жестами объяснил Наде, что, якобы, до смерти захотелось покурить, направился к выходу.

На самом деле он не мог спокойно слушать эту песню. Почему-то именно она, вызывала в его душе странное волнение. Особенно, если ее пели дети. Тонкими, беззащитными голосами. Начинало ломить в груди, и на глаза наворачивались слезы. Сергей вовсе не был сентиментальным человеком, но эта песня могла вышибить из него слезу на-раз. Этого на людях Сергей позволить себе не мог.

Вслед ему из-за стола неслось:

«Прекрасное далеко-о... Не будь ко мне жестоко-о...» — пели взрослые, уже вполне сложившиеся люди. Их голоса бередили душу Сергея теми самыми беззащитными интонациями, которые мгновенно выбивали его из колеи.

«Не будь ко мне жестоко-о... Жестоко не бу-удь.... От чистого истока... прекрасное далеко-о... Прекрасное далеко-о... я начинаю путь».

Выйдя из кафе все, долго прощались, обнимались, по очереди целовались. «Но пассаран!!!», твердил каждый из бывших воспитанников «Журавлика» и вскидывал к плечу руку со сжатым кулаком.

Потом долго рассаживались в микроавтобус, в «Жигули» десятой модели Вадика Кондратьева и в «Форд» Нади Соломатиной. Обменивались телефонами, адресами, если кто переехал, опять целовались и вскидывали руки к плечам со сжатыми кулаками.

Но пассаран! Но пассаран!

6

Каждое утро Наталья выгуливала своего Дыма на Головинских прудах. У них был давно устоявшийся маршрут. От подъезда до ступенек, ведущих к воде на поводке, дальше, уже у самого пруда, Наталья всегда спускала Дыма. Тот взлаивал и уносился вдоль берега искать в камышах уток. Дым не был охотничьей собакой, самый обычный «дворянин», но уме-ен. Давно замечено, беспородные псы гораздо сообразительнее,

даже интеллектуальнее тех, кто с безупречной родословной.

Дым был не просто умным. Он был псом с большим чувством юмора. Любимая забава, незаметно подкрасться к стае уток, дремавших у самого берега, неожиданно высунуть морду из камышей и грозно сказать: «Га-ав!!!». Утки обычно заполошно, крякая и махая крыльями, отплывали от берега. Некоторые из стаи даже взлетали. Дым подбегал к хозяйке и смеялся во всю пасть. На его морде явственно было написано: «Ну-у... дуры-ы! Я же пошутил!».

Утром на прудах всегда малоллюдно. Собачники, молодые матери с колясками, да рыбаки, застывшие вдоль берега через равные промежутки с длинными удилищами. Изредка пробежит какой-нибудь пенсионер в спортивном костюме, убегающий от старости.

Тишина, покой. Вода всегда действует на нервы успокаивающе.

«Наташ! Ты вообще-то... здесь кем?» — который день звучал в ее ушах голос молодого охранника. Действительно, кем она? Тридцать два, критический возраст. Ни мужа, ни ребенка, ни семьи. Скоропалительный брак с поэтом-песенником Наталья вообще считала своей трагической ошибкой. Единственная польза, он пристроил ее на эстраду. А уж она за собой потянула Надьку. Пора бы, еще не поздно. Многие и в сорок рожают. Все как-то не складывается. Подходящей кандидатуры нет.

Последние дни Наталья с тихой завистью наблюдала за Надей и молодым охранником Сергеем.

И не только одна она. Многие из группы наблюдали. Эти двое, шаг за шагом, как саперы на минном поле, боясь ошибиться и сделать неверный роковой шаг, медленно, но неотвратно приближаются друг к другу.

Надя и Сергей на окружающих попросту не обращали внимания. Улыбки, вскользь брошенные Надей по пути на сцену, ее легкие, будто случайные прикосновения, мрачный, из-под бровей взгляд Сергея, буравящий затылок каждого, кто остановился и заговорил со «звездой», все свидетельствовало, парочка уже основательно увязла в сетях Гименя.

«Надо взять себя в руки! Быть спокойной и мудрой! Порадоваться за подругу!» — мысленно уговаривала себя Наталья.

Мимо нее в сторону больницы прошла пожилая женщина с девочкой. Сонная девочка жевала «Сникерс» и держала в руке на веревочке два воздушных шарика. Они сталкивались, увивались вокруг друг друга и норовили вырваться из рук девочки, улететь в небо.

«Как Надька со своим охранником!» — опять раздраженно, глядя на воздушные шарик, подумала Наталья. «Может, старею? Потому и завидую? Завидую.... Нет, нет!.. Еще не вечер! Мы еще потанцуем!».

— Соседка! Привет!

Со стороны плотины приближался Юрка, шофер «Скорой помощи» с шестнадцатого этажа со своей трусливой овчаркой Найдой. Всегда сексуально озабоченный Дым тут же сделал стойку и ринулся в

атаку. Найда испуганно взвизгнула, прижалась к ногам Юрки.

— Чего испугалась, дурочка! Не съест он тебя!

Наталье пришлось взять Дыма на поводок и пару раз стегануть. На хвостатого Дон Жуана это не произвело ни малейшего впечатления. Он продолжал рваться к Найде и, выпятив грудь, шумно вдыхал воздух. Иногда бросал взгляды на хозяйку, и в его глазах было столько страсти, мольбы и заверений в честности своих намерений, что Юрка и Наталья не выдержали и громко захохотали.

— Слушай, соседка! — отсмеявшись, сказал Юра. — Ты не могла бы организовать пару билетов на Мальвину?

— Без проблем, — улыбнулась Наталья.

Настроение опять мгновенно испортилось. «На Мальвину!». Больше всего ее задело именно это. Она и вида не подала, но сама внутри даже испугалась. Что со мной!? Раньше ничего подобного не было и в помине. Чтоб она хоть когда-то завидовала Надьке!? Не иначе, жарница поганая так действует на психику. Еще и девяти нет, а солнце уже жарит, как в Экваториальной Африке.

— Ко мне брат приехал погостить. Нашел тоже время. Так его жена без ума от Мальвы. Тебе не трудно? — продолжал Юрка.

— Хоть сто порций. Сколько, два, четыре?

— Два, два! — успокоил сосед. — Лично мне вся эта эстрада по барабану.... Жена брата с ума сходит.

— Застолбили. Загляни вечером, — улыбнулась Наталья. И резко дернула за поводок. — Совсем сбрендил, половой террорист! Маньяк!

Юра захохотал, тоже взял свою Найду на поводок.

— Не будем дразнить гусей! — усмехнувшись, кивнул он на скулящего Дыма. Попрощался с Натальей и пошел вдоль берега в сторону интерната, вслед за женщиной и девочкой с шариками.

Настроение у Натальи испортилось безнадежно. Если учесть, что еще только начало дня, совсем плохо дело. Раздражение уже волнами накатывало на нее, на глазах даже слезы выступили.

Вернувшись в свою однокомнатную крепость, Наталья набухала в миску Дыма овсянки с кусками курицы, поставила на плиту чайник и пошла в ванную. Ждала, пока сверху из душа польется холодная вода, чуть не полчаса.

«Погоди, Сереженька!» — шептала она, подставив лицо под прохладные живительные струи воды. «Тебя ожидает сюрприз! И Сю-юр... и Приз.... В одном флаконе!».

Почти весь день Сергей и Надя провели вместе. Встретились рано утром около платной стоянки возле Олимпийского бассейна. Надя, еще издали, увидев знакомую долговязую фигуру в джинсах и черной футболке, невольно улыбнулась. Сергей стоял на самом солнцепеке, рядом с будкой охранника, чуть расставив ноги, руки за спиной, смотрел поверх припаркованных машин куда-то в сторону проспекта. Надя проследила за его взглядом. Внимание Сергея привлекла, разумеется, машина. Что еще могло привлечь его внимание!

Метрах в двадцати от него прямо на тротуаре красовался ярко-желтый «Лэнд Ровер». С надписями на капоте и на дверях «Кэмел Профи». Знаменитый во всем мире внедорожник, тайная мечта любого нормального мужчины. Кто-то из богатых иностранцев, любителей экстремального спорта, поселился в гостинице «Ренессанс», машину даже не потрудился поставить на стоянку, в полной уверенности, ее никто не посмеет тронуть.

Надя почувствовала легкой укол ревности. Она так долго и тщательно собиралась, до мелочей продумывала костюм, прическу и... на тебе! Он даже не смотрит в ее сторону! Замедлила шаг, не спеша, подошла к узкому проезду перед бассейном и, не дойдя нескольких метров, остановилась напротив Сергея на противоположной стороне.

На ней была легкая пестрая юбка, белая обтягивающая футболка, волосы зачесаны назад, на макушке темные очки, на ногах белые лодочки, через плечо плетеная сумка.

Все продумано, просто, в меру эффектно.

Сергей почувствовал на себе взгляд, повернул голову, увидел на противоположной стороне Надю и заулыбался. Как-то неуклюже достал из-за спины букет из трех гвоздик, встряхнул его и, держа перед собой гвоздики в вытянутой руке, двинулся к ней.

— Сто-о-ой!!! — вдруг пронзительно закричала Надя. Поднесла стиснутые кулачки ко рту и чуть не прокусила себе пальцы.

Сергей замер посреди проезда и... в ту же секунду мимо него на бешеной скорости промчался,

просвистел, какой-то идиот на иномарке темного цвета. Секундой раньше Надя успела увидеть машину, мчащуюся прямо на Сергея, и, естественно, закричала.

Если бы она не увидела машину... Если бы не крикнула... Если бы он не услышал и не остановился...

Иномарка, не снижая скорости, долетела до перекрестка и скрылась за поворотом на Олимпийском проспекте.

Сергей и Надя медленно пошли навстречу друг к другу, встретились на самой середине проезжей части. Сергей притянул ее за плечи к себе, осторожно обнял. Надя прижалась к нему всем телом. Ее трясло, как в лихорадке.

— Господи-и! Как я испугалась! — шептала она.

— Подумаешь! И не в таких переделках приходилось... — начал успокаивать ее Сергей.

Надя чуть отстранилась, закрыла ему ладонью рот.

— Молчи! Стой и молчи! Этот идиот чуть не убил тебя! Ты понимаешь!? Прямо на моих глазах!

— Ведь не убил же...

— Надо было запомнить номер! Найти и оторвать ему голову!

— Так и сделаем! Найдем и оторвем голову.

— Я очень испугалась!

— Я еще больше испугался. Не волнуйся, найдем. Ухо за ухо, нос за нос и все такое!

— Молчи! Стой и молчи! Ты всегда шутишь совсем не в те моменты, в которые надо!

Они опять обнялись. Сергей осторожно, стараясь не сбить с макушки очки, погладил ее по волосам.

— Эй! Совсем озверели, да?! Прямо на проезжей части!

Из бесшумно остановившегося рядом с ними «Мерседеса» высунулся молодой парень со скучающей физиономией. Сергей и Надя оглянулись и только тут сообразили, они стоят посреди дороги, явно мешают отъезжающим от гостиницы машинам.

— Отвали-и! — усталым голосом ответила Надя. Она отстранилась от Сергея, поправила волосы, одернула футболку.

Сергей обнял ее за плечи и осторожно увел на тротуар. «Мерседес», зло, взвизгнув шинами по сухому асфальту, уехал. Около будки охранника Сергей расправил помятый букет гвоздик, протянул Наде.

— Это тебе! — кашлянув, пробормотал он.

Ранним утром, видя, как внук чистит щеткой джинсы, чего за ним ранее не наблюдалось, и бесконечно приглаживает перед зеркалом волосы, Ксения Федоровна нейтральным тоном объявила:

— Некоторые, хорошо воспитанные молодые люди, встречаясь с симпатичными девушками, преподносят им цветы. Это хороший тон.

Надя понюхала букет и улыбнулась. Когда улыбалась, она всегда слегка морщила нос, и вокруг глаз у нее появлялись мелкие морщинки. В эти мгновения Сергей был абсолютно убежден, они знакомы уже лет двести. Будут вместе еще столько.

Надя приподнялась на цыпочки, постучала в окно будки.

— Поставь в банку с водой! Вечером заберу! — приказала она апатичному парню, высунувшемуся на

улицу. Повернувшись к Сергею, пояснила. — По такой жаре они через час завянут.

По пути к центру дважды застревали в пробках. Первый раз около «Известий» на Пушкинской стояли, чуть ли не полчаса. Второй, перед Охотным рядом, дверь в дверь ползли в сплошном потоке, как стадо гигантских металлических черепах из фильма ужасов. То справа, то слева у кого-нибудь перегревался и глох двигатель, это еще больше усугубляло затор и, казалось, подобному издевательству не будет конца.

Старина «Форд» в очередной раз показал себя молодцом. Ни разу не чихнул, не закашлялся. Когда после Политехнического у светофора наметился едва заметный просвет между рядами, он, без всякого понукания со стороны Сергея, взревел и так рванул с места, вниз к площади Ногина, что мгновенно оставил далеко позади остальных. Молодых и многолошадных. Через полминуты выскочили на набережную. Сергей с Надей почувствовали на лицах слабое дуновение речного ветерка.

«Форд» оставили прямо на тротуаре у билетной кассы. Они едва успели проскочить по трапу на раскаленную металлическую палубу и перевести дыхание. Речной трамвай будто дожидался их, тут же отвалил от узкого причала Котельнической набережной и заскользил курсом к Крымскому мосту.

Будний день, раннее утро, а трамвай под завязку набит пассажирами. И отнюдь не только любознательными гостями столицы. Коренные жители мегаполиса обоего пола, в основном пенсионного возраста, с детьми и внуками чинно сидели на лавочках

или стояли вдоль низких бортов и, почему-то все как один нахмурившись, осматривали проплывающие мимо достопримечательности. Словно проводили ревизию. Дети соревновались с чайками в пронзительных визгах. Бросали символам МХАТа, преследующим трамвай, куски булок и пустые стаканчики из-под мороженого.

Сергей и Надя расположились на корме. Прямо под ногами бурлила и кипела, вырываясь из-под винтов, коричневая речная вода. Громко стучал движок, разговаривать было невозможно. Они только смотрели по сторонам и обменивались выразительными взглядами.

Утро красило стены древнего Кремля, проплывающего мимо них справа, зыбкой торфяной дымкой. Купола едва угадывались. Когда слева по курсу возникло творение вездесущего Церетели, пассажиров и вовсе охватило легкое разочарование. Фигура царя Петра была напрочь скрыта дымной мглой. До пояса еще можно было что-то рассмотреть, но лица самодержца уже не было видно вовсе. Что он там держал в руке, вытянутой над головой, оставалось только гадать.

Когда проплывали под Крымским мостом, на секунду вокруг потемнело, все пассажиры задрали головы вверх и дружно уставились на давящую громаду металлических конструкций. В это мгновение Сергей схватил Надю за плечи, быстро поцеловал в губы и тут же чуть отодвинулся. С озабоченным выражением лица начал вглядываться в силуэт Колеса обозрения посреди парка Горького.

Надя тихо засмеялась, покачала головой.

На Колесо обозрения они не попали, в виду закрытия последнего на профилактический ремонт. Скучающий охранник пояснил. Две недели назад какой-то лихой ковбой, под парами дюжины «Клинского», на самой верхотуре решил перелезть из одной кабины в другую, познакомиться с симпатичными девицами. Естественно, сверзился, переломал руки-ноги. «Скорая помощь», милиция, журналисты.... Нагрянули комиссии. Колесо закрыли до особого распоряжения. Работы нет, заработка тоже. Сплошная тоска и безысходность. Закурить не найдется?

Сергей угостил охранника сигаретой, и они с Надей двинулись вглубь Парка им. Культуры и отдыха. Имя буревестника революции, как пояснил охранник, было отнято у Парка еще в начале перестройки, в виду несоответствия идеологических позиций пролетарского писателя с демократическими веяниями сегодняшнего дня.

На аллеях и тропинках бурлил отдыхающий народ. Старики и дети, дамы без собачек и продавщицы из ближнего зарубежья, получившие единственный выходной среди недели, студентки, срезавшиеся на вступительных экзаменах и искатели случайных знакомств.... Все ели, пили, швыряли стаканчики и пластмассовые бутылки мимо урн и искали жадными глазами новых объектов для развлечения.

Наталья уже два часа не могла дозвониться до Дергуна. Холодный душ ничуть не расслабил, не успокоил. Ее всю трясло. Она сидела перед зеркалом на

стуле, куталась во влажное махровое полотенце и неподвижным взглядом смотрела на свое отражение.

«Рассудок с чувством не в ладах!» — горько усмехнулась она и покачала головой. Жадно закурила уже, Бог знает, какую по счету сигарету. Есть не хотелось, только пить и курить.

Где-то в глубинах разума, на самом доньшке, мелькала мысль, что она просто по-бабьи люто завидует. Мелко, недостойно. Следовало бы стиснуть зубы, сжать кулаки, собраться и выбросить из головы эту блажь. Ей уже не раз и не два в жизни приходилось предельно мобилизовываться, и идти наперекор своим желаниям. Но теперь, уже несколько дней подряд, как только она пыталась собраться с духом и наступить на горло этой собственной песни, тут же наваливалась лавина раздражения. Черная, беспощадная.

«Предают только близкие подруги!» — мелькала в голове где-то слышанная фраза. Наталья поморщилась. «Надька здесь совершенно ни при чем! Она никого не предавала! И охранник Сережа тоже ни при чем! Просто они молодые! А я старая завистливая дура!».

Но от этих мыслей не становилось легче.

Дым, спящий на диване, неожиданно вздрогнул, открыл глаза, поднял голову и вопросительно взглянул на Наталью. Явно почувствовал, какая буря бушует в душе у хозяйки. Лохматые братья наши меньшие, как известно, обладают фантастической способностью угадывать состояние хозяина. Дым зевнул во всю пасть, сполз с дивана, подошел к Наталье и положил ей голову на колени.

«Дай, Дым, на счастье лапу мне!».

Наконец Наталья дозвонилась.

— Дергун слушает!

— Игорь! Надо встретиться! Есть разговор! — жестко выдала Наталья заранее заготовленный текст.

— В чем проблема? — удивился Дергун. — Перед началом загляну к тебе. Не забыла, сегодня концерт?

— Никогда ничего не забываю!

— По такой жаре, все возможно.... Кстати, где Мальва?

— Спроси у своего охранника. Нужно поговорить!

— жестко повторила Наталья. И добавила. — На нейтральной территории.

Дергун молчал. Видимо листал еженедельник. Как каждый деловой человек Игорь имел объемистую книгу, записывал в нее предстоящие встречи, дела, адреса. Хотя на выпадения памяти не жаловался.

— Могу подъехать к тебе через полтора часа, — наконец пробормотал он в трубку.

— Сказала же, на нейтральной территории!

— Если так стоит вопрос.... Может, скажешь, что случилось?

— Говори, где и когда! — потребовала Наталья.

Дергун несколько секунд молчал.

— В четыре. Там, где обычно. Помнишь?

— Никогда ничего не забываю! — отрезала Наталья и бросила трубку на рычаг.

В период их бурного романа обычно они встречались на Цветном бульваре возле цирка. Наталья выходила из метро и прогуливалась взад-вперед, помахивая сумочкой. Игорь подкатывал на «Ауди» и, распахнув дверцу, кричал:

— Натали-и! Натали-и!

Прохожие на тротуаре оглядывались. Наталья, глядя поверх голов, независимой походкой подходила к машине и элегантно, на французский манер, легко усаживалась на переднее сидение. Это были самые счастливые мгновения в ее жизни. Они дорогого стоили.

Сергей и Надя слегка устали. Сидели на скамейке в самом дальнем углу парка перед маленьким прудом, и, положив ноги на ограждение, крошили сдобную булку, кормили единственного белого лебедя. Тот, с грациозным достоинством вытягивал длинную шею, вылавливал из воды крошки и, не глядя на них, проглатывал. Лебеди почему-то никогда не смотрят на людей, не заглядывают в глаза, как собаки, не выпрашивают. Считают ниже своего достоинства. Не снисходят, короче.

Уже позади были качели и карусели, комната смеха и катание по кругу на двугорбом верблюде. Фотографирование на память в обнимку с маленькой обезьянкой и стрельба в тире из духового ружья по движущимся мишеням.

Этим жарким летом в парке им. Культуры и отдыха преобладал стиль ретро. Расчетливые бизнесмены восстановили аттракционы шестидесятых годов. И, разумеется, не прогадали. Кто откажется на несколько часов вернуться в детство.

Сергей и Надя, не сговариваясь, с головой окунулись в развлечения. Бок о бок с ними, дедушки и бабушки, отцы и мамы, оттесняя в сторону детей и

внуков, с веселым гиканьем и смехом, бросались кататься, кружиться, стрелять и корчить рожи в кривых зеркалах.

— Бабушка! Сначала я, ты обещала!

— У тебя закружится голова! Тебе это вредно!

— Мне вредно, тебе полезно, да!?

— Я должна проверить! Если со мной ничего не случится, в следующий раз...

— Всегда так! Все лучшее себе забираешь!

За несколько часов Сергей и Надя выпили и перепробовали столько всяческой еды, закусок и напитков, что у стороннего наблюдателя, если бы таковой объявился, могло возникнуть подозрение, эту парочку морили голодом несколько недель.

Разумеется, никаких сторонних наблюдателей не было. Все посетители парка были заняты исключительно собой. Ели, пили и развлекались, кто во что горазд. Каждый стремился урвать свой кусок отдыха.

Сергей и Надя от других не отставали. Пили пиво «Балтика» из металлических банок и ели мороженое в стаканчиках под названием «Мечта». Потом пили газированную воду «Архыз» из пластиковых бутылок и соки «Наш сад» из квадратных бумажных пакетов. Соки отпивали друг у друга, пробовали, дегустировали, какой лучше. Ели чебуреки и запивали их томатным соком, без всякого названия. Потом ели шашлыки и пили красное вино «Саперави».

Потом долго искали какое-нибудь уединенное место. И никак не могли найти. На каждом квадратном метре парка располагалось, как минимум, один и

четыре десятых человека. В смысле, какой-нибудь взрослый с каким-нибудь ребенком.

Наконец набрали на этот тихий маленький пруд с единственным лебедем и единственной маленькой скамейкой на берегу. Она будто дожидалась именно их. Наверняка, если б их опередила какая-нибудь расторопная бабуса с хнычущим внуком, скамейка просто растворилась бы в жарком зыбком воздухе. Впрочем, маленький пруд и скамейку на берегу со стороны аллеи и тропинок разглядеть было невозможно. Со всех четырех сторон стояла сплошная зеленая стена кустов и деревьев.

Сергей плюхнулся на скамейку, откинул голову назад. Надя подошла совсем близко, положила сумку на скамейку, секунду помедлила и уселась к нему на колени.

Поцелуй был долгим, медленным, томительным, жарким, жадным, ласковым, нежным, бесконечным....

Опять-таки, если бы в кустах объявился какой-нибудь сторонний наблюдатель и засек время по секундомеру, у него бы сложилось устойчивое мнение, даже убеждение. Парочка идет на побитие мирового рекорда. Хорошо бы позвонить в московское отделение регистрации «Книги рекордов Гиннеса». Или как оно там называется? Наверняка, победа была бы за нами! Вперед, Россия!

Разумеется, никакого стороннего наблюдателя не было. Увы!

Мы ленивы и нелюбопытны. Даже обидно!

Между тем там, наверху, в небесной лаборатории, наверняка, возникла легкая паника. Древняя машина

причинно-следственных связей «Витта» уже многократно по заданной программе посылала направленные импульсы на эту парочку. Если перевести эти импульсы на человеческий язык, получилось бы: «Стоп! Стоп! Перерыв!».

Никакого эффекта! Парочка на скамейке у пруда, никак не реагировала ни на какие импульсы.

Они ничего не видели, не слышали, не ощущали.... Ощущали и осязали только друг друга...

Ситуация явно выходила из-под контроля.

Наверняка, в этот момент тревожно мигали лампочки, выходили из строя предохранители, угрожающе гудели реле, искрились и вспыхивали ярким светом всевозможные контакты.... Скорее всего, именно так складывалась ситуация там, наверху....

Можно предположить, была объявлена мобилизация и подключен какой-нибудь дополнительный генератор. Или направленный активизатор. Или еще какая-нибудь мощная штукавина. Во всяком случае, сложа руки, они там явно не сидели.

И не без трудностей, но овладели ситуацией.

Наконец Сергей и Надя оторвались друг от друга.

Надя положила ему руки на плечи и долго-долго смотрела в глаза.

Оба не испытывали ничего, кроме бесконечного желания касаться друг друга, осязать, дышать одним воздухом. Потом она осторожно пересела с колен Сергея на скамейку и, выпучив глаза, помотала головой.

— Со мной такого никогда не было! — шепотом сказала она.

— Я старался! — гордо заявил Сергей.

— Ах, ты.... — возмутилась Надя.

Она схватила плетеную сумку и стукнула его по голове. Собралась крепко настучать ему по черепушке, но он успел схватить ее за руки. Осторожно отобрал сумку, положил рядом с собой.

— Я этого не люблю! — суровым, даже грозным голосом сказал Сергей. — С первого класса все девичьи норовят стукнуть по голове.

— Бедненький мой! — жалостливым голосом сказала Надя. — За что они тебя?

— По всей вероятности, я им очень нравился, — категорично заявил Сергей. — По всей вероятности, очень-очень! В каждом классе кого-нибудь провожал после школы. Естественно, пытался поцеловать. Вот они и били, неблагодарные.... Ранцами, портфелями, мешочками со сменной обувью.... Что под руку подворачивалось!

— Давай я тебя пожалею!

— Давай! — согласился Сергей.

Надя начала гладить его по волосам.

— Мерзавки.... Негодяйки.... Садистки.... Больше никому не дам тебя в обиду! Теперь я буду твоим охранником!

— Согласен! — великодушно кивнул Сергей.

— С этой минуты ты под моей защитой!

Потом они долго сидели рядом, касаясь плечами и положив ноги на низкое ограждение перед прудом, кормили одинокого лебедя. По очереди отщипывали от булки, кидали кусочки в воду.

Справа от лебедя, слева.... Справа... слева...

Молчали. Только поглядывали друг на друга.

— А я просто мозги вывихнул, куда тебя приглашать? — неожиданно усмехнулся Сергей. — В дискоклуб, в какой-нибудь ночной бар...

Надя вздохнула, слегка поморщилась.

— Сереженька! Во-первых, сам знаешь, вечерами я напрополую занята. Во-вторых, нахлебалась я этих дискоклубов, во!.. — она провела ладонью по горлу, — На всю оставшуюся жизнь. Выше крыши. Вспоминать, и то тошно. Эти ковбойские утехи для лимиты. Из которой, кстати, я сама только-только выкарабкалась. Если тебе хочется...

— Я этого не говорил! — ответил Сергей. — Думал, это тебя тянет в какое-нибудь ночное казино «Лунный берег». Сыгрануть в рулетку. По мне, так лучше на тахте с книгой. Или в гараже под машиной.

— Извини, Сереженька! Пока еще ты... не наш! — с ударением сказала Надя и недовольно мотнула головой.

— Не ваш, — согласился Сергей. — Не ихний и ничейный! Я вообще сам по себе!

— Ты только не злись!

— И не думал!

— Я же вижу! По глазам вижу!

— Что ты видишь?

— Пойми, ты просто зритель. Тебе все в новинку, в диковинку. А для нас это работа. Ничего больше. Зарабатываем на жизнь.

— Когда поешь на сцене, ты о деньгах думаешь?

Надя нахмурилась, раздраженно передернула плечами.

— Когда пою, я ни о чем не думаю! Давай сменим тему. Кажется, мы уже начинаем ссориться.

Некоторое время они молчали. Лебеда больше не кормили. Нечем было. Булка кончилась. Тот далеко не отплывал, держался поблизости.

— Слушай! Твоя костюмерша Наталья. Она сумасшедшая?

— С чего ты взял? — изумилась Надя. — Нормальнее нас с тобой.

— Видел, как она на концерте за тобой все повторяет. Стоит за задником и один в один повторяет.

Надя напряглась, медленно повернулась к Сергею и долго сверлила его испытующим взглядом.

В ее взгляде было удивление, и страх, и еще что-то, чего Сергей понять не мог. Но сразу почувствовал, он ступил на опасную территорию, в запретную зону.

Тогда он равнодушно пожал плечами. Мол, вообще-то, мне все равно, пока я не ваш, рядовой зритель, и все такое.

— Ты не понял, — медленно произнесла Надя, изменившимся голосом. — Она не повторяет. Все гораздо сложнее.

— Не такой уж я тупой.

— Сереженька! — поспешно добавила Надя каким-то просительным тоном. — Лучше будет, если ты просто забудешь то, что видел! Было, — не было! Придет время, все расскажу сама. Пока, забудь! Хорошо? Это совсем не то, о чем ты подумал.

— Откуда ты знаешь, о чем я подумал?

— Не надо об этом. Я тебя очень прошу.

— Как скажешь.

Надя достала из сумочки зеркало, расческу. Несколько раз быстро провела по волосам.

— Это не повлияет на наши отношения? — спросила она.

— Так точно! То есть, никак нет.

— Я не поняла.

— Ну, если поцелуешь...

— Скажи лебедю, чтоб отвернулся.

— Здравствуйте, я ваша тетя! Спихватилась! Он и не смотрит вовсе.

— Смотрит, смотрит.

— Наплевать ему на нас. Он только о жратве думает. Абсолютно бездуховное создание.

«Бездуховное создание», медленно выпрямил свою длинную шею и горделиво, и даже, как бы, торжественно отплыл на середину пруда. Только звуков из балета Чайковского не хватало.

— Видишь! — торжествующе сказала Надя. — Он все слышал, все понял и оскорбился!

— Скажите, какие мы обидчивые! Мог бы и спасибо сказать. Целую булку слопал. А она денег стоит. Халявщик!

— Юмор у тебя... — поморщилась Надя.

— Та-ак! — оживился Сергей. — Что тебя еще во мне не устраивает? Хочешь об этом поговорить?

Надя мгновенно обвила его шею руками и начала целовать. Единственный сторонний наблюдатель, «бездуховное создание», белый лебедь с середины пруда косил глазом на парочку, сидящую на скамейке и.... Впрочем, о чем он думал, никому знать не дано. До межвидовых контактов нам еще плыть и плыть...

Наталья прогуливалась возле памятника Юрию Никулину. Она очень любила этот памятник. Какой-то свой, домашний, понятный любому и каждому. Без помпезности и вычурности. Великий Клоун выходит из открытой машины и идет на службу. Вся его жизнь только там, на арене цирка.

Дети влезали в машину, садились за руль. Взрослые без устали щелкали фотоаппаратами. Потом взрослые по очереди вставали рядом с Никулиным, пытались положить руку на плечо, войти в историю хотя бы таким способом. Не очень получалось.

Фигура Юрия Никулина была выполнена в движении, в динамике. И ростом скульптура значительно выше среднего. Такому руку на плечо не очень-то положишь.

— Натали-и!

Наталья обернулась к проезжей части. Игорь остановил «Ауди» точно на том же месте, где и всегда. Он нетерпеливо махнул ей рукой и посмотрел на часы. Лицо у него было озабоченным и хмурым.

Наталья шла к машине, но не чувствовала, чтобы хоть кто-то смотрел ей вслед. Что неудивительно. Она была совсем не в том настроении. Так и не смогла избавиться от дикого раздражения, навалившегося на нее с самого утра. Даже раньше, чем с утра.

Проехали чуть вперед по Цветному бульвару. Как только въехали на Неглинную, Игорь справа припарковал машину у ресторана «Белое солнце». К машине тут же подскочил молодой парнишка, наряженный в форму красноармейца Сухова.

— Восточную кухню желаете? Восток — дело тонкое...

«Бедняжка-а!» — подумала Наталья. «В такое пекло!?».

Место выбрали в саду. В тени у небольшого фонтанчика. Посетителей не было вовсе. Только уселись на низкие табуреты, подплыла какая-то девица, закутанная в самую натуральную чадру.

— Меня зовут, Гюльчатай! Что будете? Плов, блинчики, шашлык.

— Покажи личико! — мрачно сказал Дергун.

— Нам не положено. Я на службе! — пропищала Гюльчатай.

Гюльчатай поставила на низкий стол целое блюдо салата и большой кувшин холодного напитка, сильно отдающего компотом из сухофруктов. Дергун приказал принести себе еще холодную телятину. И побольше хлеба. Аппетит он не терял ни в каких ситуациях.

— Будет исполнено, господин! — пропищала Гюльчатай. И исчезла за занавеской, ведущей на кухню.

Через секунду вернулась с двумя блюдами в руках. На одной лежали куски телятины с зеленью, на другой ломти темного хлеба.

Наталья глотала сладкий холодный напиток и курила, курила, курила.... Игорь с аппетитом поедал салат.

— Чего ты хочешь? — спросил он, не поднимая головы от блюда.

— Тишины! — резко ответила Наталья. — Понимаешь, тишины! Хочется заложить под зрительный зал бомбу и нажать на кнопку! Чтоб все эти тупые сытые

рожи разом улетели на небеса! И все вы вместе с ними!
А здесь бы наступила тишина-а.

Игорь на секунду поднял голову, быстро взглянул на нее. Не переставая жевать, отломил руками большой кусок хлеба, сунул в рот.

— А ты тоже... сумасшедшая.

— Да, я тоже. А кто еще?

— Все вы, — равнодушно сказал Игорь. — Жена. Мальвина. И ты туда же. Абсолютно не умеете радоваться жизни.

— Один ты нормальный! — скривилась Наталья. — Бедненький. Как же тебе тяжело среди нас.... Но ты не отчаивайся, скоро твои страдания кончатся.

— В смысле? — насторожился Игорь. Даже жевать перестал.

Наталья затушила сигарету в пепельнице, просто смяла ее до основания, до фильтра. Щелкнула зажигалкой, закурила еще одну.

— Предупреждаю заранее, — спокойно сказала она, глотая сигаретный дым. — Нам осталось сыграть всего три концерта. Дальше... все! Дальше, тишина. Финита ля комедия. Больше у тебя не работаю!

— Ты очевидно не в курсе, — отозвался Дергун. — Через две недели у нас гастроли. Пермь, Екатеринбург. Потом Омск, Томск...

— Без меня!

Дергун долго молчал. Жевал, смотрел по сторонам. Изредка бросал на Наталью настороженные взгляды. Потом тяжело вздохнул.

— Как хорошо мы начинали.... Помнишь, как вы явились ко мне на просмотр?

Наталья помнила. Игорь тогда искал новую «звездочку». На окраине Москвы в Ховрино снял клуб «Строитель» и целые сутки до одури отсматривал девчонок из самодеятельности. Косяком шли подражательницы Пугачевой. Изредка на сцену поднималась какая-нибудь дылда, возомнившая себя второй Анной Герман. А так, сплошное «Арле-еки-ино-о!». Дергун был уже готов плюнуть на все. Да и вообще бросить шоу бизнес. Податься куда-нибудь в автосервис.

И тут из-за кулис Наталья вывела за руку Надю. Оставила ее посреди сцены, что-то шепнула на ухо и скрылась.

Наде тогда было семнадцать. Рыжая девчонка, с прекрасной фигурой. И внешностью ангела. Очень воинственная, колючая.

Игорь сразу сделал стойку. Его ассистент тоже встрепенулся.

«Прямо-таки, какое-то... солнышно!» — подумал Дергун. И еще вспомнил, Колян Скворцов ему что-то говорил о какой-то рыжей девчонке, подруге его бывшей жены Натальи. Дескать, явление и все такое.

Сначала Надя спела романс «Я тебе ничего не скажу. Я тебя не встревожу ничуть...», Афанасия Фета. Потом «Эй, друг, гитара! Что звенишь несмело? Еще не время плакать надо мной...». Без всякого сопровождения. Голос у девчонки был фантастической красоты. Но абсолютно не сочетался с ее обликом. Какая-то мистика.

Дергун очень развеселился.

— Сказку «Золотой ключик» читала? — спросил он, когда она закончила петь.

— В переводе с испанского, — ответила Надя.

Дергун засмеялся. Он не знал, что Надя познакомилась со сказкой «Пиноккио», действительно, сначала на испанском. Только потом узнала, эту итальянскую сказку перевел на русский и явил миру под названием «Золотой ключик» Толстой.

— У тебя несоответствие, девочка. Ангельская внешность, просто Мальвина из «Золотого ключика», а поешь кабацким голосом. Хотя... может быть, в этом и будет... фишка! Эдакая, сексапильная школьница-ведьмочка! Ну-ка, подойди ближе!

Надя вышла на самую авансцену. Игорь еще раз внимательно осмотрел ее с ног до головы. Рыжая девчонка ничуть не смутилась. Смотрела в глаза вызывающе, но не нагло, а как-то торжественно, что ли.

— Ночью, небось, на метле летаешь?

— Мое личное дело. Отвали!

— Нет, нет, я не вмешиваюсь. Частная жизнь, это святое. Не простудись только! — продолжал веселиться Дергун.

— Почему? — не поняла Надя.

— Ну, как же.... В голом виде, ночью... не метле... над городом...

— Отва-али-и! — пропела Надя. Но не удержалась, тоже улыбнулась. Она почувствовала, что нравится. Есть шанс стать певицей. Крохотный шанс, но все-таки есть.

— Может, тебя так и закрепим? — продолжал вслух размышлять Дергун. При этом поглядывал на своего ассистента. — Мальвина! Мальва-а.... В этом что-

то есть... Горький, опять же, Алексей Максимыч. Буревестник, пролетарий и все такое. Ассоциативно, тоже может быть плюсом.

— Такой оторвы на эстраде еще не было! — покачивал головой ассистент. — Парик надо подобрать, блондинистый такой...

— Отвали-и! Я не лысая! — опять вскипела Надя. — Мне мои волосы очень даже нравятся.

— Это наплевать сто раз, чего тебе там нравится, — улыбаясь, сказал Дергун. — Главное, чтоб нравилось публике. Запомни, девочка, здесь все решаю я!

В продолжение всей беседы Наталья тоже стояла на сцене, чуть в стороне, у правой кулисы и нервно кусала губы. Игорь несколько раз недовольно поглядывал на нее, хмурился.

Надя перехватила его взгляд.

— Мы всегда вместе! — поставила она условие.

— Лесбиянки, что ли? — спросил Дергун.

— Сам ты пидор! Отвали-и! — рявкнула Надя.

Дергун весело засмеялся. Рыжая девчонка нравилась ему все больше и больше. Кажется, ему в очередной раз повезло.

Игорь слопал всю телятину, залпом выпил из стакана холодный компот, или как его там, достал носовой платок, тщательно вытер лицо, шею, руки. Платок скомкал и сунул в карман брюк.

— Значит-ца, так! — задумчиво произнес он. — Ты уходишь. Эстрадная «звездочка» Мальва лопается, как мыльный пузырь. Все с веселым хохотом разбегаются по домам. С чем остаюсь я? Вопрос.

— Твои проблемы!

Игорь оперся руками о низкий стол, придвинул лицо совсем близко к Наталье. Она даже ощутила запах его традиционных духов.

— Если кота загоняют в угол, он превращается в тигра!

— Ты меня не запугивай! — раздраженно ответила Наталья. Но внутри вся как-то невольно съежилась. Знала, когда Дергун теряет деньги, он способен кому угодно голову отвинтить. Ни перед чем не остановиться. Если он уже запланировал большие гастроли, речь идет об очень больших деньгах. О гастролях Наталья ничего не знала.

— Неужели все из-за этого смазливового мальчика!? Я могу тебе десяток таких представить! На выбор. Хочешь, куплю красноармейца Сухова, который нас встречал? Ведь он тебе понравился, я сразу засек.

— Заткнись! — поморщилась Наталья. — У тебя одно на уме.

— Хочешь мне отомстить? Шикарно уйти и хлопнуть дверь. Хочешь разрушить мой бизнес. Рискуешь, любовь моя!

— Плевать мне на твой бизнес. Мне просто все осточертело! Хочу отдохнуть. И все. Оставьте меня все в покое!

— Ты ведь сама прекрасно знаешь, без тебя Надька может, как угодно рот разевать, оттуда ни звука не вылетит!

Наталья резко вскинулась, испуганно посмотрела на Игоря.

— Давно догадался? — помолчав, спросила она.

— Сейчас прозрел! — криво усмехнулся Дергун. —
Никогда не считай окружающих глупей себя. Всегда
просчитаешься.

Игорь отодвинулся от стола, повертелся на низком
табурете, недовольно поморщился. Ему явно хотелось
откинуться на спинку стула, расслабиться, но спинки не
было.

— Хочешь, отправлю тебя на недельку в Турцию?
Или в Египет. Отдохнешь, позагораеть, нервы
приведешь в порядок....

— Это ничего не изменит. Я уйду! — отрезала
Наталья.

— Ты берешь меня за горло...

— Это ты держишь меня за горло! Уже пять лет!
Схватил, как удав и стискивает все сильнее, сильнее! Я
задыхаюсь!

Неожиданно для себя самой Наталья начала
рыдать. Слезы просто потоком хлынули из глаз. Она
сдерживалась изо всех сил, но ее трясло, как в
лихорадке. Все раздражение последних дней в самый
неподходящий момент вырвалось наружу.

Наталья закрыла лицо ладонями и тихо шептала:

— Отпусти меня, Игорек! Я тебя прошу, умоляю... У
меня нет сил! Отпустите меня оба-а! И ты! И она-а!! Я не
могу больше-е!!!

Продюсер Игорь Дергун сидел напротив нее и
мрачно молчал.

«Начало конца!» — думал он.

Предпоследний концерт в ДК им. Зуева надвигался на группу в атмосфере общего предчувствия беды. Естественно, никто не знал, что именно произойдет и когда, но все явственно ощущали, что-то надвигается, что-то такое непременно должно случиться. Весь день до отказа был набит страстями, конфликтами и мелкими стычками. Всех со всеми.

С самого утра ввалилась съемочная группа с телевидения, на четыре часа раньше договоренного времени. Подъехали на двух машинах, затопали по коридорам, лестницам, и сразу в просторном и уютном Доме культуры стало шумно, тесно.

Слава Богу, Дергун еще вчера поставил всех на уши. Ему позарез нужен был рекламный ролик для гастролей. Балетные девочки уже успели размяться, одеться и загримироваться. Монтировщики поставить декорации, оркестранты настроить свои гитары.

Даже Мальвина была уже в полной боевой готовности. Чего за ней ранее не наблюдалось. Обычно она опаздывала на свои законные сорок минут. Об остальных членах группы и говорить нечего.

Телевизионщики, надо отдать им должное, умеют все поставить с ног на голову. И самое удивительное, окружающие принимают это как подарок судьбы. С восторгом и энтузиазмом бросаются выполнять любое самое бредовое указание.

Длинный, как жердь, лохматый режиссер, едва вошел в зал, тут же заявил. Нужно успеть снять целых три плана, а у него всего два часа жизни. И он намерен прожить их так, чтоб не было потом мучительно больно.... И так далее.

— Жизнь уходит! Бегом! Бегом! — покрикивал он тонким голосом на двух своих осветителей, оператора и девицу со статусом ассистентки. Киношникам всегда не хватает солнца. «Солнце уходит!» — трагически кричат они, хватаясь за голову. Телевизионщикам не хватает времени. В этом их принципиальное различие. В остальном, та же неразбериха, суета и бестолковщина.

Телевизионному режиссеру вторила по трансляции помреж Нора. По всем этажам, коридорам и примерным, отдаваясь эхом даже в подвалах, разносился ее мощный мобилизующий глас:

«Всем внимание! Внимание, я сказала-а!!! Все на сцену!!! Балетные!!! Сколько можно прохладиться!!!»

«Мальвина, девочка! Поторопись, пожалуйста!..»

«Осветители! Весь свет на сцену!! И тишина за кулисами!!! Чтоб муха не пролетела!!! Не выводите меня из себя!!!».

После таких угроз, самая отчаянная муха не рискнула бы залететь на сцену. Жизнь дороже. Электрики и монтажники, реквизиторши и уборщицы, забежали, засуетились, как на вокзале, когда вдруг объявят, что отправление поезда будет с другого пути, совсем с другой платформы. Медленно, но неотвратимо надвигалась всеобщая паника.

Более других суетился сам телевизионный режиссер. С длинными развевающимися волосами, в длинной развевающейся рубахе, метался по проходу зрительного зала, от сцены к столику с микрофоном, заламывал руки и восклицал тонким голосом:

— Быстре-ей! Умоляю, быстрее! Жизнь уходит! На что мы тратим свои жизни-и!? Вы об этом задумывались!?

На вид ему было года двадцать два. От силы двадцать три. Естественно, после подобных заявлений, все с почтением, плавно переходящим в оторопь, принимали все его указания, замечания и приказы.

— Осветители! Весь свет в центр!

— Свет в центр!!! — дублировала режиссера Нора.

— Этот пошлый задник убрать! С глаз моих!

— Монтировщики! Задник убрать! Куда его... убрать?

— В музей! В утиль!! На свалку!!!

— Поднимите задник наверх! — переводила Нора с телевизионно-режиссерского на общечеловеческий. Так продолжалось до тех пор, пока на сцену не вышла....

— Мальвина-а! Любовь моя! — взвизгнул телевизионщик. — Чудо, как выглядишь! Похудела! Похорошела! Влюбилась? В кого?

— Отвали! — традиционно ответила Мальва.

— Потом поболтаем!

Она появилась в самом эффектном своем костюме «от Зайцева». В нем Надя четыре года назад впервые вышла на сцену. Он был ее визитной карточкой, имиджем, талисманом. Берегла его как святыню.

Когда делали первую программу, никак не могли подобрать ей подходящий костюм. Дергуну хотелось заявить Надю нетрадиционно. Дебютировать так, чтоб все со стульев попадали. Чтоб и красиво, и эффектно, и сексуально, и слегка пуритански, и сногшибательно.

Кто-то из знакомых подсказал. В Доме моделей у Зайцева можно одеть «звезду» любого калибра. И цены у него смешные.

Всей группой рванули в Дом моделей на проспект Мира. Интеллигентный Зайцев, вежливо улыбаясь, понимающе кивал головой.

— Извините, у меня не пожарная команда. Выбирайте из готовых. За такой срок, извините...

Готовые модели поражали вкусом, яркостью и безудержной фантазией, вложенной автором в каждую из них. Но цены...

Узнав, сколько стоит каждая, Надя озверела и зашипела, что за такие смешные цены, Зайцеву надо «глаз на жопу натянуть!».

— Искусство требует жертв! — кисло сказал Дергун. Но заплатил. Тогда он еще был способен на безрассудные поступки.

— Жизнь уходит!!! Чего мы ждем!? — вдруг заорал пронзительным голосом режиссер на свою ассистентку. — Где тот мальчик? Хочу мальчика!!!

Ассистентка вихрем пронеслась по зрительному залу, взлетела на сцену и скрылась где-то там, в самой ее глубине, в темноте.

— Хочу мальчика! — тупо твердил режиссер.

Балетные девочки на втором плане переглянулись.

— Которого? — вежливо поинтересовалась помреж Нора, появившись на сцене у правой кулисы.

— Нужен герой! Где этот ваш мальчик? Я видел собственными глазами героя! Он стоял на проходной.

— На проходной у нас «Калиныч»... — уточнила Нора.

— Наплевать, как его зовут! Калиныч, Малиныч....
Нужен тот мальчик, герой! Почему его до сих пор нет
на сцене!?

Вокруг сцены и в дверях, в проходах зрительного
зала уже кучковались любопытные. Шептались,
переспрашивали друг у друга.

— Какой мальчик? — не унималась Нора.

— Господи-и! Бестолковщина-а! — взвыл
режиссер. — Красивый такой! Герой!

— У нас все красивые, — обиделась Нора. —
Уродов не держим.

Тут на сцену телевизионная ассистентка за руки
выволокла слегка растерянного Сергея. В форме
охранника.

— Поставь его рядом с Мальвиной! —
распорядился режиссер так, будто речь шла о стуле или
табурете.

Ассистентка поставила Сергея рядом с Мальвиной.
Поправила на его голове беретку, отошла в сторону.
Режиссер задумчиво пожевал губами, одобрительно
покивал головой.

— Они хорошая пара! Будем снимать! Переоденьте
его в форму десантника! Быстрее! Жизнь уходит!!!

— Наташа-а!!! — поддержала режиссера помреж
Нора.

Из-за кулис на сцену нехотя вышла мрачная
Наталья. Она демонстративно не смотрела в сторону
Сергея и Мальвины.

— Переодень его в форму десантника! —
распорядилась Нора.

— Где я ее возьму, рожу? Заранее предупреждать надо!

— Нужен мальчик в форме десантника! Жизнь уходит!!! — опять принялся бесноваться телевизионный режиссер.

— Может, Калиныча раздеть? — предложила одна из балетных.

— У него настоящая десантни-чевс... десантовская! — с трудом выговорила вторая.

Помреж Нора мгновенно бросилась к своему пульту.

«Калиныч! Дежурный Калиныч! Немедленно поднимитесь на сцену! Калиныч! На сцену!!!» — загремел по всем этажам и коридорам ее голос, усиленный динамиками.

Быстрее, чем ожидали, на сцене объявился Калиныч. Встал рядом с Сергеем. Плотный, коренастый вахтер был только по плечо охраннику. Его форма вряд ли могла оказаться в пору длинному и худому Сергею.

Однако лохматого режиссера это ничуть не смутило.

— Раздевайтесь! Быстрее! Жизнь уходит!!!

— Зачем? — любопытствовал Калиныч.

— Зачем, зачем.... — передразнил режиссер. — Мальчика одеть. В форму десантника! Для съемок! Трудно догадаться!?

Калиныч понимающе кивнул и прямо тут на сцене начал раздеваться. Скинул куртку, снял кроссовки на липучках. Окружающие с неподдельным интересом наблюдали за разоблачением. Будто ничего подобного никогда не видели.

Хотя, посмотреть было на что!

Несмотря на внушительный возраст, (седая борода, лысина и все такое!), тело у Калиныча состояло из сплошных мускулов. Ни жиринки. Когда он снял тельняшку, все женщины тихо охнули. Кстати, мужчины тоже. Но по другой причине. Вся грудь, спина и плечи Калиныча были в наколках. Сплошь морского содержания. Кое-кто подошел ближе, чтоб рассмотреть ту или иную деталь.

— Штаны тоже снимать? — уточнил Калиныч.

— Тоже, тоже! Снимать!! И ему отдавать!!

Калиныч скинул десантников... десантовск... десантные брюки, остался в черных обтягивающих все и вся плавках. И черных носках. Аккуратно, как положено, сложил форму, протянул Сергею.

— Теперь ты! — распорядился режиссер. — Быстрей! Жизнь уходит! Ее уже можно пересчитать в минутах!

Балетные девицы на втором плане и уборщицы с реквизиторшами в кулисах возбужденно перешептывались, обменивались мнениями.

Второе действие захватывающего мужского стриптиза на корню прекратила Наталья. Она выступила вперед, выхватила из рук Сергея форму, пошла за кулисы.

— Иди за мной! — на ходу, коротко бросила она.

Ее тут же поддержала Мальвина.

— Чего вылупились!? Голых мужиков не видели? — рявкнула она.

Сергей направился вслед за Натальей. Остальные столпились вокруг Калиныча, рассматривали вахтера со

всех сторон, будто статую Аполлона Бельведерского. Грудь, спину, руки и даже ноги старого морского волка украшали сплошь эпизоды морских сражений, достойных кисти Айвазовского. Прямо картинная ходячая галерея.

Тут тебе и трагическая гибель «Варяга», и атомная подлодка на Северном полюсе, и даже легендарный папирусный плот «Кон Тики». Все изображения были обильно сдобрены морскими якорями, рифами и гигантскими волнами.

На ногах, чуть выше колен, у Калиныча были изображены две русалки, тянувшие руки вверх... ясное дело, куда. Русалки вызвали неподдельный интерес у женской половины.

— Бесстыжие какие! Жуть! — прошептала пожилая уборщица.

— Кто?

— Русалки эти... Прямо так руки и тянут! Бесстыжие!

Мужчин интересовало другое.

— Калиныч! Ты где служил-то?

— На Дальнем Востоке, где еще! — слегка удивленно, ответил вахтер. — Бороздил Тихий океан. Вдоль и поперек.

Докладывал он таким тоном, будто все окружающие были просто обязаны с колыбели знать: где, когда, на каких кораблях нес боевую вахту доблестный вахтер.

— Что с Курилами?

— Нет вопроса. Исконные наши острова.

— Японцам будем отдавать?

— Ни пяди русской земли! — жестко сказал Калиныч. — Не дождутся! Не для того наши отцы и деды кровь проливали...

— Чего мы ждем!? — завопил режиссер. — Чего-о... ждем!?

— Когда они первыми на нас кинутся, — пожал плечами вахтер Калиныч. — Тогда мы их по мордам, по сусалам, по ушам.

— Наплевать мне на ваших самураев! — не на шутку разгневался режиссер. — Снимать надо-о! Жизнь уходит!!!

— Жизнь прожить, не речку переплыть! — согласился Калиныч.

Игорь Дергун сидел в середине зала и равнодушно наблюдал за творческими страданиями телевизионщика. Конечно, этот длинный визгливый юноша абсолютный придурок. Но он профессионал. Снимает качественные рекламные клипы. Это знали все. Он уже не раз выручал Игоря Дергуна. И не только его. Потому на эстраде покорно терпели все его выкрутасы, скандалы и истерики.

Со сцены фигура неподвижно сидящего продюсера была отлично видна любому и каждому. Хозяин на месте, ситуация под контролем. Со стороны его мужественное лицо выражало глубокую озабоченность и крайнюю степень творческой сосредоточенности. Он думал...

«Пива надо выпить!» — думал Игорь Дергун. «Теперь уже можно расслабиться».

На сцену костюмерша Наталья вытолкнула переодетого в костюм десантника Сергея. Дергун

осторожно поднялся с кресла, незаметно выбрался из зрительного зала и направился в буфет.

Появление Сергея в десантном костюме Калиныча было сродни «Явлению Христа народу» по одноименной картине Иванова. Во всяком случае, реакции у многих были схожими. От восторженной радости, до сосредоточенного тихого изумления. Куртка Калиныча, еще туда-сюда, терпимо. Хотя и слегка широковата в плечах. Брюки подкачали. Были явно Сергею коротки. Они оканчивались чуть пониже колен.

Телевизионного гения это ничуть не смутило.

— Хорошо! Превосходно!! Отлично!!! — заорал он.
— Будем его снимать только до пояса! Приготовились!!!

Он собственноручно, как манекенов, начал расставлять героев на фоне кирпичной сцены. Мальвину в центре, Сергея чуть сбоку и сзади. Ассистентка, судя по всему, была мастерицей на все руки. Пока гений телевизионной режиссуры расставлял и переставлял актеров, она успела обоих слегка мазануть гримом и чуть припудрить.

— Первый план, крупешником Мальвину-у! Наш герой, на втором плане! Как бы, тенью.... Как бы ее мечта! О доблестном рыцаре!

— Гениально-о! — шептала ассистентка.

— Дым есть!? Дайте побольше дыма-а! Это мечта, нереальность!

Из всех щелей из-под сцены, из-под станков тут же клубами повалил густой белый дым. Кое-кто из наблюдавших закашлялся.

Оператор нацелился на Мальвину, осветители справа и слева от него замерли с фонарями и отражающими досками в руках.

— Воды-ы! — внезапно завизжал режиссер.

Ассистентка мгновенно протянула ему пластмассовую бутылку «Аква Минерале». Без газа.

— Дура-а!! Ведро воды-ы!!! — затопал ногами он.

Забегали, засуетились за кулисами в поисках ведра. Как всегда самого простого и необходимого предмета под рукой не оказалось.

Выручил Калиныч. Он вышел в черных плавках на середину сцены с красным ведром в руке, на котором черным по белому было написано, «Зуев». Вернее, черным по красному.

— Вылей ему на голову! — обрадовано распорядился режиссер.

— Кому!?

— Десантнику! Герою!!!

— Прямо так.... Вылить и...

— Прямо так и вылить!

Исполнительный Калиныч ахнул ведро воды прямо на голову Сергея. Кто-то из женщин тихо охнул. Сергей даже не поморщился. Стоял как скала. Телевизионщик, радостно потирая руки, забегал по залу.

— Внимание! Тишина!!! — взвизгнул он.

— Тихо-о.... Всем! Не дыша-ать!!! — уточнила басом Нора.

— Первый план... Мальвина! Потом переходи на героя... — впервые свистящим шепотом обратился к оператору телевизионный гений.

Съемка началась. В ДК им. Зуева воцарилась оглушительная тишина. Если б какая-нибудь наглая муха рискнула пролететь по залу или, не дай Бог, по сцене, случилось бы непредвиденное, ужасающее, непоправимое. Такое у всех было ощущение.

В буфете Дергун застал одного поэта-песенника Скворцова. Тот сидел за столом с бутылкой пива, поправлял здоровье. Судя по всему, еще со времени поездки на дачу в Снегири, он так и не вышел из состояния «болезни души». Выглядел не лучшим образом. Худой, потный, с трясущимися руками.

Игорь взял у буфетчицы полдюжины, (шесть штук!), пива, сгреб их в охапку, подошел к Скворцову, начал методично выставлять бутылки на середину стола.

Судьба любит парадоксы, контрасты. Окружающие, глядя на этих двоих со стороны, не раз задавались риторическим вопросом. Что между ними общего? Ответ всегда был однозначным. Ни-че-го!

Тихо спивающийся поэт-песенник Скворцов, Колян, у которого все в прошлом. И средней руки процветающий бизнесмен-продюсер, Дергун. Игорь Николаевич. Они и чисто внешне разительно контрастировали. Колян всегда невымытый и нечесанный, того гляди, бомжевать начнет. Игорь Николаевич из дома носа не высунет, пока не побреется и не выльет на себя полфлакона духов «Арбат». У Коляна в одном кармане «вошь на аркане, в другом блоха на цепи». У Игоря в бумажнике кредитка «Виза» и ежедневно не менее штуки баксов.

Тем не менее, они уже много лет дружили. Странная это была дружба. Порой не виделись месяцами, по полгода и более, но, встретившись, начинали общаться так, будто расстались только вчера. Понимали друг друга с полуслова, со взгляда.

Практичный, прижимистый и жлобоватый Дергун в присутствии Коли Скворцова превращался в полнейшую свою противоположность. Становился щедрым, доброжелательным и спокойным. Начинал на окружающее смотреть с ироническим прищуром и философской снисходительностью. Спокойно отходил в тень, на второй план, уступал бремя лидерства Скворцову.

Скворцов расцветал пышным цветом. Точнее сказать, распускался. До крайности. Чаще всего самые дикие выходки, скандалы и жестокие розыгрыши были плодами его необузданной творческой фантазии.

— Когда завяжешь? — спросил Дергун, присаживаясь напротив.

— Тебя это волнует?

Игорь почему-то вспомнил любопытный эпизод из их отношений. Три года назад, в период бурного романа с Натальей, (она тогда уже была в разводе с Николаем!), Дергун как-то заночевал у нее на Кронштадтском бульваре. Рано утром Наталья попросила Игоря выгулять Дыма. На улице было скользко, ветрено, морозно. Где-то в районе второго пруда Игорь поскользнулся и неудачно упал. Встать самостоятельно уже не смог. Был тогда в полной уверенности, что сломал ногу. Вокруг, как на зло, ни одного прохожего. Раннее утро, все еще спят. Дым

воспринял падение Игоря как очередную игру. Наскакивал на него и веселым лаем отбегал в сторону. Игорь лежал на мокрой грязной от снега тропинке и чувствовал себя беспомощным и никому не нужным неудачником.

Кому первому позвонил по мобильнику тогда Игорь Дергун? Не Наталье, не жене и даже не в «Скорую помощь». Игорь автоматически набрал номер Коляна Скворцова. И тот примчался на своем задрипанном «Москвиче» прямо к берегу пруда. Погрузил Игоря на заднее сиденье, отвез в травмпункт, три часа сидел в коридоре, ожидая, пока Дергуну наложат гипс. Отвез домой. Наврал с три короба его жене Вере, о каком-то, якобы, драматическом происшествии далеко за городом. Якобы, на его садовом участке. С мордобоем и травмами. Словом, принял первый артиллерийский залп на себя.

Что касается отношений Игоря с бывшей женой Скворцова Натальей, тут Колян проявил прямо-таки фантастическую прозорливость. Года два назад, опять в нижнем буфете Дома литераторов он так прямо в лоб и брякнул Игорю Дергуну:

— Дурак ты, Игорек! Я имею в виду мою Наталью. Тебе такой случай выпал. Один из тысячи. На твоём месте, я бы давно послал, куда подальше твою сумасшедшую Верку и женился на моей Наталье.

— Вот ты и женись! По второму кругу! — сходу разозлился тогда Дергун.

— Увы! Я не создан для семейной жизни. Много раз пробовал.... Но как бывший муж, могу рекомендовать ее только с положительной стороны.

Наталья, она... удивительная женщина. Никогда не знаешь, что выкинет в следующую секунду. Но женой она будет тебе отличной. Поверь мне. Вы созданы друг для друга.

— Знаешь, какая самая легкая профессия на свете? Давать советы! У нас вся страна такая, страна Советов! Все ходят и непрерывно дают друг другу Советы! — продолжал злиться Дергун.

— Я не советую. Я предрекаю! Рано или поздно вы будете вместе. Помяни мое слово. Только ты этого пока не понимаешь. В силу своей ограниченности. И природной тупости.

— Заткнись, Колян!

Самое интересное, Коля Скворцов, тогда как в воду глядел. Но сейчас, сидя в буфете ДК им. Зуева Игорь этого еще не знал. Он убедится в пророческих способностях друга только через год. А пока...

Дергун отпил пива прямо из бутылки, достал чистый носовой платок, аккуратно вытер пот со лба. Скворцов то же самое проделал рукавом рубашки. Оба взглянули друг другу прямо в глаза и одновременно усмехнулись. Они, действительно, понимали друг друга со взгляда.

Странную закономерность могли бы уловить окружающие, присмотришься они чуть внимательней, к этим двоим.

Чем лучше шли дела у одного, тем хуже у другого. И наоборот. В тот период, когда Дергун был под следствием, у Скворцова с помпой вышел сборник стихов. Его просто на руках внесли в Союз писателей.

Дергун заходился от кашля в сыром бараке где-то под Тулой, Скворцов грел косточки и гипнотизировал стихами девиц на пляже в Коктебеле. По путевке все от того же Союза писателей.

Потом они встретились. Совершенно случайно. В нижнем буфете Дома литераторов. И потянулись друг к другу. Оба разом почувствовали какую-то странную взаимную симпатию. В тот период Дергун еще не раскрутился, был на нуле, Скворцов уже проматывал остатки гонорара от второго тиража сборника стихов.

Дергун сходу предложил Скворцову писать тексты для эстрадных певиц. Пообещал неплохие деньги. И не обманул.

С того вечера в Доме литераторов и началась эта странная мужская дружба. Они словно сидели на доске детских качелей. Если один поднимался вверх, другой непременно оказывался внизу. За несколько лет они не раз менялись местами. Но все равно сидели на тех же качелях. Никакого злого умысла ни с чьей стороны не было. Но факт оставался фактом. Взаимосвязь самая определенная, хотя и не каждый ее способен увидеть. Еще древние говорили: «Если в одном месте убудет, в другом непременно прибудет!».

— Игорек! Скажи откровенно. Как ты относишься к самоубийцам?

— Придурки! — жестко ответил Дергун, жадно отпивая пиво из бутылки. — Со всех точек зрения. Жизнь всего одна. Не тобой дана, не тебе ее прерывать.

— Чего стоит моя жизнь, если я сам, лично я, не могу ей распорядиться!? — раздраженно спросил Скворцов. — Мелко мыслишь.

— Во всех религиях самоубийство — смертный грех! — пожал плечами Дергун. — Откуда такие веселенькие мысли?

— Давно об этом размышляю. Во-время поставить точку, тоже требуется сила воли и мужество.

Дергун допил первую бутылку, отставил в сторону. Взял в руки вторую, зачем-то посмотрел на свет.

— Не нравится мне твое настроение, — констатировал он. Глотнул из бутылки, шумно выдохнул. Потом достал из бокового кармана связку ключей, бросил на стол.

— От кабинета директора. Поднимись на третий этаж, запишись и никому не открывай. Понял? Только мне. Я постучу четыре раза. Вот так... Та-та, та... та! Два коротких, два длинных. Понял?

Во время аренды Дома культуры Дергун всегда занимал роскошный кабинет местного директора, приплачивал ему немалую сумму за эту услугу. Мало кто вообще знал о существовании того роскошного кабинета. Разве одна-две из балетных девочек.

— Это плохая идея! — продолжал напирать Дергун. — Пора вправить тебе мозги. Никому не открывай, только мне. Та-та, та... та! Два коротких, два длинных. Понял?

— Повтори еще раз, — ухмыльнулся поэт-песенник.

— Очень серьезный будет разговор! — грозно повторил Игорь Дергун. Поднялся со стула, одернул пиджак своего легкого светлого костюма, поправил галстук. И не глядя на друга, вышел из буфета.

В зрительном зале телевизионный гений продолжал бесноваться. У него даже голос сел от предельного напряжения. А может, просто холодного «Пепси» хлебнул. По такой жаре, это мигом.

— Жизнь уходит!!! — сипел он, подкрепляя свой тезис жестами и угрожающей мимикой. — Теперь снимаем наоборот! Героя первым планом, Мальвина на втором!!! В тумане, в дымке...

— Как бы, она его мечта, да? — прошептала ассистентка. — Гениально-о! Конкуренты сдохнут от зависти!

— Возьми его крупешником! — сипел оператору режиссер.

Окружающие опять изготовились наблюдать исторический момент рождения высокохудожественного клипа. Застыли в кулисах и в проходах, как восковые фигуры из музея мадам Тюссо. Вроде, все живые, но никто даже не шевельнется. Ни моргнет, ни почешется.

Разрушил всеобщую сосредоточенность и собранность, естественно, сам телевизионный режиссер. Кто б еще отважился на кощунство? Он почему-то начал морщиться, недовольно вглядываясь в Сергея.

— Лицо у него какое-то...

— В чем дело? — спросила Мальвина.

— Лицо, говорю... неживое, зажат очень, — неохотно отозвался режиссер.

— На себя в зеркало посмотри! Ты еще больше... зажат! — начала заводиться она.

— Мне можно. Я не актер.

— Он тоже не актер. Отвали!

— Кому это интересно!? — вдруг сиплым голосом выкрикнул длинноволосый режиссер. — Народу требуется качественный продукт! Где и как, из каких ингредиентов он изготовлен, всем наплевать с колокольни Ивана Великого! Народ всегда прав!!!

После такого масштабного заявления даже Мальвина не решилась более вести полемику с телевизионным профессионалом. Окружающие, тем более. Всех окончательно добило слово «ингредиенты». Все-таки, все побаиваются незнакомых, иностранных слов. Шут их знает, что они там на самом деле означают.

Телевизионный гений, понизив голос, обратился к Сергею:

— Стихи какие-нибудь наизусть знаешь?

— Много знаю. Какие надо?

— А какие ты знаешь?

— Какие надо-то? — начал раздражаться Сергей.

Ему уже откровенно надоело торчать посреди сцены, в лучах прожекторов, в чужой тесной одежде. Да еще глазают все как на верблюда.

Лохматый режиссер несколько секунд задумчиво пожевал губами. Наконец, выдал из себя:

— Что-нибудь.... В тему! Понимаешь? Чтоб, в тему!! В тему!!!

За кулисами и в проходах дверей началось едва заметное шевеление и перешептывание. Сергей всего секунду подумал и начал читать:

— «В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;

Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь сочилась моя...»

Он читал спокойным, чуть глуховатым голосом. Словно и не стихи читал вовсе, рассказывал от себя обычную рядовую историю.

Тут же наступила оглушительная тишина. Но уже какая-то другая... Окружающие напряженно вслушивались и хмурились.

Надо отдать должное телевизионному режиссеру. Он среагировал мгновенно. Дал отмашку оператору и отступил чуть назад.

Сергей, задумчиво глядя куда-то в темноту зала, продолжал:

— «И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.
Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;»

Телевизионный режиссер на цыпочках приблизился к оператору, и что-то прошептал ему на ухо. Тот, не отрывая глаза от камеры, едва заметно кивнул. Сергей продолжал читать:

— «И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей».

Закончив читать, Сергей вопросительно посмотрел на режиссера. Чуть заметно склонил голову набок,

ожидая дальнейших указаний. Но тот молчал. Сосредоточенно смотрел в пол, куда-то себе под ноги.

Потом сняли еще два прохода Мальвины на фоне кирпичной стены. И еще один крупный ее план. Но все присутствующие, в том числе и сам телевизионный режиссер, все время поглядывали на Сергея. Причем смотрели на него какими-то новыми глазами. Наконец лохматый режиссер поднял длинные руки вверх и трижды хлопнул в ладоши. Очевидно, это был условный знак.

Оператор выключил камеру и, шумно выдохнув, начал платком вытирать лицо, шею. Все за кулисами и в проходах зрительного зала стояли неподвижно. Длинноволосый режиссер, ни на кого не глядя, медленно побрел вглубь зала к столику с лампой и микрофоном. На ходу сделал едва заметный жест ассистентке и, когда та подскочила к нему, что-то негромко сказал ей.

— Перерыв! Тридцать минут!!! — почти таким же голосом, как и у него самого, прокричала ассистентка. Во всяком случае, интонации у них были очень схожими. Она очень старалась.

В перерыве Дергун пригласил в примерную к Мальвине Сергея и Наталью. Собственно, Наталья уже находилась в примерной. Полулежала с отстраненным видом на диване, читала свою любимую Дарью Донцову. Скорее делала вид, что читает. Надя сидела за примерным столиком, сосредоточенно поправляла грим. Или делала вид, что поправляет. Отношения подруг явно переживали не лучшие времена. Но ни

одна и пальчиком не шевелила, чтоб вернуть их отношения в прежнее русло. Внешне все было как прежде. Те же переодевания, те же необязательные разговоры, те улыбки и преувеличенная заботливость друг о друге. Но окружающие чувствовали, их отношения хуже, чем во времена Карибского кризиса между СССР и США. Чиркни спичкой и громыхнет взрыв такой силы, что сметет все вокруг. В том числе и их самих.

Дергун появился в проеме двери, цепким взглядом окинул подруг и, высунувшись в коридор, крикнул:

— Серега! Подь сюды!

Вошел в гримерную, заложил руки за спину и начал ходить взад-вперед, поглядывая на подруг. В дверях появился Сергей.

— Сгоняй на третий этаж, к кабинету директора. Постучи в дверь. Вот так.... Та-та, та... та! Понял? Два коротких, два длинных. Понял?

— Что я тупой? — удивился Сергей.

— Скажи Николаю, пусть срочно пилит сюда. Или нет. Просто волоки его без разговоров. Одна нога здесь, другая там. Давай! Давай!! Ты запомнил? Два коротких, два длинных.

Отдавая распоряжения, Дергун внимательно вглядывался в лица Нади и Натальи. На челах их высоких не отражалось ничего.

— Обижаешь, Игорь Николаевич!

Сергей кивнул, скрылся в коридоре. Дергун плотно закрыл дверь.

— Натали! Отложи книгу, потом насладишься.

Наталья удивленно вскинула брови, прижала раскрытую книгу к груди. Смотрела она на Дергуна с таким выражением лица, будто вообще видела его впервые в жизни.

— Значит-ца так! — улыбаясь, сказал Дергун. — Раз вы обе здесь, поставим все точки над «и». Как дальше работать станем?

Наталья и Надя, не сговариваясь, удивленно подняли брови, недоуменно переглянулись. Потом вопросительно посмотрели на Игоря. Выражение лиц у них было абсолютно одинаковым, как у близняшек.

— Ты о чем, Игорек? — спросила Наталья.

— У нас все в порядке, — подтвердила Надя.

— Лучше, не бывает.

— Сами себе завидуем.

— Живем, душа в душу...

— И песенки поем...

— Хочешь послушать?

Наталья с Надей переглянулись и, кивнув, друг другу, запели:

— «Мой миленький дружо-ок...

Любезный пастушо-ок...

О ком я возмечта-а-аю!..»

«Бунт на корабле!» — думал Дергун. «Ясненько-о! Сейчас я вам, девочки, буду ломать хребты!».

Он некоторое время внимательно слушал, понимающе кивал. Потом хлопнул в ладоши. Довольно резко и громко.

— Да, да... — кивая головой, сдерживаясь, сказал Игорь. — Художественная самодеятельность — есть вещь. Никто не спорит. Я о деле.... Как дальше жить

будем? У меня большие планы. Гастроли, Урал, Сибирь.... Потом работа над следующей программой.... Между прочим, Скворцов прекрасные стихи написал.... Надо обсудить...

— Сказано же, у нас все в порядке! — не выдержав, резко заявила Надя. — Если лично у тебя какие проблемы, мы здесь ни при чем.

Игорь Дергун несколько секунд молчал. Потом обаятельно улыбнулся. Почти весело. Только глаза оставались злыми и жесткими.

— Кстати, по поводу нового мальчика, охранника! Как он вам? Оставляем или гнать в шею?

— Мы-то здесь при чем, — пожав плечами, сказала Надя. — Твои кадры, твои проблемы.

— Нам, в общем-то, все равно... — поддержала ее Наталья. — Что он, что другой...

Игорь явственно почувствовал, что теряет влияние. Теряет контроль над ситуацией. Вообще в группе, и здесь в частности. Над этими двумя свистушками. Они откровенно изгалялись, демонстрировали свою независимость. Такое случалось со всеми. Периодически.

— Значит, оставляем парня?

— Пусть останется, — кивнула Надя. — Верно, Наташ? Привыкнет, пообтешется...

— Может, даже полезным станет.

— Я ему так сейчас и сообщу.... — согласился Дергун.

Он распахнул дверь, выглянул в коридор. Но Сергея нигде видно не было. Только вниз по лестнице пропорхали две балетные девицы.

— Хорошо бы только... — в спину Игорю сказала Надя.

— Что?

Дергун еще раз выглянул в коридор и, закрыв дверь, повернулся. Надя и Наталья сидели в прежних позах с прежними выражениями на лицах. Очень скромные и очень независимые.

— Хорошо бы его пополам распилить... — ангельским голосом сказала Надя. И добавила. — Одну половину Наташе...

— Другую тебе, так!? — не выдержав, рявкнул Дергун.

— Почему обязательно мне!? — искренне удивилась Надя. — Лично я на отсутствие внимания со стороны мужского пола не жалуясь... Игорек! — понизив голос, продолжила она. — Скажи честно! Как на духу! А тебя мальчики совсем-совсем не интересуют? Ни капельки? Я, собственно, почему спрашиваю...

Дергун неожиданно схватил стоящий рядом стул и хватил им об пол. Тот разлетелся на мелкие составляющие части. Явно после такого разрушительного удара, стул уже не подлежал восстановлению.

— Мочалки-и... вы обе!!! Мочалки-и!!! — зарычал он.

В этот момент распахнулась дверь, заглянул Сергей.

— Ну! — повернувшись, спросил Дергун.

— Стучал.

— Как следует?

— Что я, тупой! Два коротких, два длинных.

— И что?
— Ни ответа, ни привета. Тишина.
— Может, он уснул?
— Я сильно стучал... Кулак отбил.
— Иди, еще раз постучи... Спит он! — зло сказал Дергун. — Он мне нужен здесь! Немедленно!

— Уби-ился-а-а!!! — вдруг начал разноситься по коридорам и этажам Дома культуры перепуганный визгливый женский голос. — Уби-ился-а-а... до смерти-и!!!

Дергун и Сергей быстро вышли в коридор. Надя и Наталья вслед за ними. По лестнице снизу поднималась электрик Оля. Лицо бледное, глаза вытаращены, губы трясутся. До второго этажа она так и не поднялась, опустилась прямо на ступеньки. Вернее, сползла, опираясь о стену.

— Та-ам... во дворе-е!!! — шептала электрик Оля. — Сама видела-а... Прямо из окна сиганул!!!

Дергун, Наталья, Надя и Сергей подбежали к лестнице, спустились на пару ступенек, окружили электрика Олю. Проворнее других оказался Сергей. Он успел подхватить ее под мышки, пытался поставить на ноги. Откуда-то появились еще люди.

— Я коробки из-под ламп несла.... Во двор.... Куда их еще...

Вокруг уже образовалась большая группа людей.

— Сама-а... видела! Из окна сиганул!!! Прямо та-ак летел...

— Говори толком, кто сиганул? — нахмурился Дергун. — Кто!?

— Воды ей надо!

— Дайте воды!
— Кто-нибудь! Принесите воды-ы!
— Приятель ваш этот... Пьянь зеленая! —
прошептала электрик Оля, испуганно глядя на Дергуна
снизу вверх. — Во дворе... валяется...

Дергун мгновенно рванул на третий этаж, Сергей за ним. Уже на третьем этаже Игорь сообразил, что дверь кабинета заперта изнутри. Машинально подергал ручку, на секунду прислушался. За дверью стояла тишина. Так же стремительно они с Сергеем помчались во двор. Вслед за ними топая по лестницам, бежали люди.

8

ДК им. Зуева, построенный еще Бог знает когда, расположен, как и большинство подобных строений, буквой «П». Чтоб оказаться во дворе под окнами кабинета директора, нужно выйти через служебный вход в переулок, свернуть направо, потом еще раз направо.

Три мусорных контейнера возле бетонного забора, остов старого ржавеющего ушастого «Запорожца» и гигантская гора картонных коробок у стены здания, почти до окон второго этажа. Такая картина предстала перед глазами Дергуна и Сергея.

Поэта-песенника Скворцова нигде видно не было.

Только две грязно-серые кошки спрыгнули с контейнера и спрятались под «Запорожцем». Да большая черная ворона, коротко взмахнув крыльями, уселась на бетонный забор. Приготовилась наблюдать.

Дергун и Сергей нервно переглянулись. Оба тяжело дышали. По такому пеклу даже короткая пробежка от служебного входа, по переулку до контейнеров с мусором, далась с немалым трудом. Пробежались еще взад-вперед по двору, осмотрелись, безрезультатно.

Вскинули головы вверх, начали шарить глазами, пытаюсь сообразить, где находится окно кабинета директора. Все окна в Доме культуры нараспашку. Не сразу и не поймешь, где оно, окно директорского кабинета. Во дворе ни шороха, ни звука.

Со стороны переулка во двор вбежали запыхавшиеся Надя, Наталья и Калиныч в черных плавках, с красным ведром в руке. Тоже осмотрелись и застыли посреди двора в растерянности.

И тут все услышали тихий стон, доносившийся откуда-то из-под горы картонных коробок.

— Полундра-а! — заорал Калиныч. — Человек за борто-ом!!!

Знакомый каждому с детства клич, мгновенно мобилизовал и сплотил всех во дворе в единый организм.

— Человек за борто-ом!!! — орал Калиныч, указывая на гору из картонных коробок. По многочисленным свидетельствам компетентных историков, именно таким жестом указывал Колумб своим матросам на острова, неожиданно возникшие из тумана посреди океана.

Дергун с Сергеем тут же, как и подобает настоящим мужчинам, плечом к плечу ринулись на приступ картонной горы. С бешеной энергией начали отшвыривать вправо-влево отдельные большие и

малые коробки. Как заправские горноспасатели, они пробивались вглубь, внутрь, к центру горы, туда, откуда доносился тихий стон.

Профессиональные каскадеры широко используют в своей практике именно картонные коробки. Прыгают на них с любой высоты, чуть ли не с крыш небоскребов. И ничего, остаются вполне живыми и здоровыми. Кажется, намечается даже чемпионат мира провести по этому «виду спорта». Где-то в Южной Америке. Правда, о включении его в программу Олимпийских игр речь пока не идет.

Любознательная ворона со своего излюбленного места на бетонном заборе с интересом наблюдала за спасательными работами, развернувшимися посреди двора. Руководил операцией коренастый человек с седой бородой в черных плавках. Он размахивал красным ведром и громовым голосом отдавал команды:

- Маленькие, налево!
- Не толпись!
- Большие волокна направо!
- Майнай ее! Майнай!

Из переулка во двор набежали еще. В основном, свои. Музыканты, осветители, монтировщики. Не мешкая, включились в работы.

- Конвейером давай! Конвейером!
- Бабы! Не мешай, отойди в сторону!

Наконец Дергуну и Сергею удалось пробиться к середине горы. Справедливости ради стоит заметить, потрудиться им пришлось изрядно. За какие-то две-три минуты они перекидали и расшвыряли несколько

десятков картонных коробок. Причем, большинство из них оказались довольно тяжелыми, поскольку были набиты различным тряпьем, бутылками и прочими бытовыми отходами. Гору уже несколько дней собирались вывезти. Все никак насчет машины не могли договориться.

Продюсер и охранник с превеликой осторожностью, за руки за ноги, вытащили из-под горы бедного поэта-песенника и уложили на асфальт прямо в центре двора. Толпа окружила их плотным кольцом. Дергун и Сергей одновременно опустились рядом на корточки и судорожно пытались поймать дыхание, как боксеры после десяти раундов тяжелейшего боя за звание абсолютного чемпиона мира. По их лицам струился пот, сравнимый с небольшими горными водопадами. Что неудивительно. Жарища стояла невероятная.

Скворцов лежал без движения, не подавая никаких признаков жизни. Кто-то из женщин тихо всхлипывал. Надя как заведенная обмахивала его лицо откуда-то появившейся газетой. Наталья стояла чуть в стороне, нервно кусала губы и ногти.

— Коля-а! Коля-ан! Что ты наделал!? — шептал Дергун.

Поэт-песенник неожиданно открыл один глаз, зыркнул на своего друга и сказал довольно четко:

— Уми-ира-аю!

— Нет, Колян! Этого я тебе не позволю!

— Мне незачем жить! Меня никто не любит.

— Где болит? — спросил Дергун, ощупывая его руки и ноги.

— Душа-а...

— Потерпи! Приедет «Скорая», все будет хорошо....

Потерпи...

— Дайте ему глотнуть чего-нибудь!

— Пивка-а... — прошептал поэт-песенник.

— Потерпи, Колян! Будет тебе и пиво. И какао с молоком!

Откуда-то возник молодой розовощекий явно участковый милиционер. Почему-то участковые всегда появляются некстати. Когда нужно, их днем с огнем не найдешь, не дозвонишься, не докричишься. Тут как из-под асфальта вырос. Участковый аккуратно раздвинул руками толпу любопытных, строго спросил:

— Где труп?

Кто-то указал на лежащего, на асфальте Скворцова. Участковый приблизился, склонился над поэтом-песенником.

— Вы труп? — удивленно спросил он Николая.

— Почти...

— Почему лежите в неподобающем месте?

— Загораю... — ответил поэт-песенник.

— Загорать надо на пляже. В специально отведенных для этого местах. Здесь не положено. Вставайте давайте! На моем участке...

— Дорогой! — возмущенно начал Дергун, поднимаясь и отряхивая брюки. — Сначала нужно дождаться «Скорую»...

— У него, может, позвоночник сломан!? — взвизгнула электрик Оля. — Совсем бесчувственные!!!

— Это установит врачебно-медицинская экспертиза! — ответил участковый. И строго спросил, обращаясь к электрику Оле. — Вы кто? Жена трупа?

— Еще чего! Он пьянь зеленая!

— Видели, как он прыгал?

— Своими глазами... Ка-ак сиганет... Во-он из того окна...

— С третьего этажа, значит? — уточнил участковый.

— Сама видела...

— У вас что, лифты не работают?

— Почему! — обиделась электрик Оля. — Лифты у нас очень даже работают.

— Зачем тогда в окно прыгать? — удивленно спросил участковый.

В этот момент во двор въехал Рафик «Скорой помощи». Из него вылезли два типа, сильно смахивающие на штангистов тяжеловесов в мятых белых халатах. Они бесцеремонно раздвинули толпу, подошли к лежащему Скворцову. Один, присев на корточки, спросил:

— Где болит?

— Душа... — ответил Колян.

— В окно сам прыгнул? — поинтересовался второй. Николай Скворцов с вздохом кивнул.

— Зачем? — уточнил первый.

— Ощущение полета...

— Парашютист, — коротко сказал стоящий сидящему.

— Четвертый за смену, — кивнул сидящий на корточках.

— Все жара проклятая. Мозги у людей плавятся.

— Осмотри его.

Второй тоже присел рядом с лежащим Скворцовым на корточки, точными, профессиональными движениями ощупал руки, ноги, живот. Пальцами, как пианист по клавишам, прошелся по ребрам.

— Здесь болит? А тут? Тоже нет. А здесь?

Потом второй тяжеловес чуть приподнял голову Скворцова, помял шею, поводил пальцем перед глазами. Судя по всему, реакции организма поэта-песенника вполне устроили парочку тяжеловесов в белых мятых халатах. Они оба выпрямились.

— Берем?

— Насчет оплаты выяснить надо.

— Куда его, в Склиф? — озабоченно спросил Дергун.

— Еще чего! — протянул первый. — В вырезатель его надо.

— За отдельную плату.

— Ты соображаешь, что говоришь!? — начал злиться Дергун. — Человек упал с третьего этажа.... В реанимацию надо везти!

— Целый ваш приятель, — устало сказал первый. — Целый и невредимый. Живой и здоровый.

— Только пьяный, — добавил второй.

— Пьяным всегда везет. Они как кошки. С пятого этажа упасть могут и ничего. А тут всего третий. Везет.

— Если желаете в вырезатель доставить, вызывайте другую службу. Это не по нашей части.

Некоторое время продюсер и тяжеловесы вяло пререкались. Потом под руки подняли Скворцова,

увели в Рафик и померяли ему давление. Дергун с Надей тоже втиснулись в салон и сами убедились, что давление у поэта-песенника олимпийское. Сто двадцать на семьдесят. Можно только порадоваться и позавидовать. Трамв нет, ушибов нет. Стало быть, никакого чрезвычайного происшествия тоже нет.

«Скорая помощь» с тяжеловесами уехала. Дергун с Надей под руки повели Коляна Скворцова обратно в Дом культуры. Толпа во дворе постепенно начала таять. Любознательная ворона последний раз окинула цепким взглядом маленьких глаз пустеющий двор, взмахнула крыльями и полетела на площадку троллейбусного парка. Там, возле будки диспетчера всегда можно было чем-нибудь поживиться.

Перед служебным входом троица, Дергун, Надя и поэт Скворцов на секунду остановились. Дергун и Надя о чем-то вполголоса переговаривались за спиной поэта-песенника, по-прежнему цепко держа его под руки. Тот, с абсолютно безучастным выражением лица, стоял и ждал, когда решиться его участь. Потом все трое направились к раздолбанному «Форду» Нади, запихнули Коляна Скворцова на заднее сиденье. Надя сама села за руль, Дергун рядом.

«Форд» грозно взревел и, обдав столпившихся у служебного входа клубами синего дыма, рванул с места. Через секунду он растворился в плотном потоке машин едущих по Лесной улице.

Несколько дней по Москве на всех тусовках из уст в уста передавались подробности этого драматического события. Постоянные посетители клубов и ночных баров ужасались и категорически утверждали, в группе

«Мальвина» кто-то выбросился из окна. То ли сама Мальвина, то ли ее костюмерша, то ли их обеих вышвырнул с пятого этажа допившийся до чертиков продюсер. Они, как известно, все зверюги.

Телефоны Дергуна и Мальвины звонили каждый десять секунд. Остальные члены группы озверели от одних и тех же вопросов.

На следующий день самая популярная газета «Комсомольский московец» вышла со статьей под гневным заголовком на первой полосе. «Пробросаешься!». В ней яркими красками, в стиле фэнтези, описывался какой-то совсем другой эпизод, годичной давности, из мира шоу бизнеса, не имеющий ни малейшего отношения к прыжку поэта-песенника из окна третьего этажа. Заканчивалась статья грозным предупреждением: «Всех не перекидаете, господа продюсеры!».

Не остался в стороне и Союз писателей. Точнее, одна из поэтических секций. В листке «Рифмоплет», распространяемом за символическую плату в Доме литераторов, напечатали туманную заметку о гибели одного, всем хорошо известного талантливому коллеги. Никаких имен не указывалось. А разобрать, кто изображен на старой потемневшей фотографии, было практически невозможно. Но сам пафос заметки был направлен явно против сторонников нынешних демократических преобразований. Один заголовок чего стоил, «Кто следующий?».

Словом, шума было предостаточно.

Фанатки эстрадной «звездочки» Мальвины совсем обезумели. Уже вечером того же дня устроили перед

Домом культуры демонстрацию с плакатами, «Руки прочь от Мальвы!». И речевками, типа: «Мальва – это круто! Дергун – козел!!!». Дальше, больше! Отдельные, наиболее преданные и отчаянные фанатки предлагали Мальвине себя в бесплатные охранницы. Машину Дергуна расписали губной помадой и несколько раз забрасывали помидорами. По счастью, все обошлось без рукоприкладства и членовредительства.

Дергун только усмехался, глядя на все эти художества. Как профессионал, понимал. Больше шума, больше выручка. И верно. Билетов на последние два концерта Мальвины в кассе Дома культуры уже не было. Исчезли они и из киосков по всему городу. Как корова языком слизала. Лучшей рекламы трудно было придумать.

После съемок Сергей с Калинычем переодевались в каморке вахтера. Оба хотели принять душ на втором этаже, но перед его дверью толпилась внушительная очередь полуголых монтировщиков и осветителей. О прохладном водопаде с искрящимися струями нечего было и мечтать. Оба ополоснулись до пояса из умывальника в туалете, и пошли переодеваться в каморку вахтера.

— Сегодня обедаем у меня! — категорически приказал Калиныч. Безапелляционным, командирским тоном. Приказы, как известно, не обсуждают, их выполняют.

Проживал вахтер Калиныч в коммуналке на той же Лесной улице, что и сам Дом культуры. Только чуть

ближе к Белорусскому вокзалу, рядом с трамвайным кругом. Пешком две-три минуты.

Первым желанием Сергея, когда он только вошел в комнату, было зажмуриться и потрясти головой. Зеркала, зеркала, зеркала... Их по всей комнате было расположено несколько десятков. На всех стенах и даже на потолке, под разными углами, разных размеров и конфигураций. Все вместе они превращали, очевидно, небольшую, в общем-то, комнату, в какое-то фантазмагорическое многомерное пространство. Солнечные лучи из окна, дробясь и переплетаясь, буравили тонкими спицами стол, стулья, внушительный книжный шкаф, доверху набитый книгами, несколько аквариумов с плавающими в них рыбками, аккуратно, по-матросски, заправленную кровать.

Небольшой сервант с посудой, древний холодильник «Север» и новенький телевизор «Филипс» как-то естественно уживались в этой комнате с барометрами, компасами, развешанными по стенам сетями и даже небольшим, (относительно!), якорем, лежащим на письменном столе. Над столом, в обрамлении бесчисленного множества групповых фотографий, нашел себе место и Андреевский флаг.

Сергей сделал шаг вперед, и в то же мгновение в комнате возникли, по крайней мере, семь его двойников. Семь охранников. Самое удивительное, все разные, не очень похожие на оригинал. Или так только показалось Сергею. Мы ведь себя, за исключением профессиональных актеров, со стороны не видим. Можно любого из нас сфотографировать или снять на

видео пленку с такого ракурса, в таком виде, что даже под угрозой смертной казни, не признаем самих себя.

Раскрылась дверь, в комнате появились семь Калинычей с семью кастрюлями в руках. В кастрюлях дымилось несметное количество пельменей. Калинычи поставили кастрюли на столы, кивнули Сергеям.

— Доставай тарелки! Угощу настоящими, флотскими...

Семеро охранников подошли к сервантам, достали четырнадцать тарелок, расставили их на столах.

— Нас не многовато? — спросил Сергей, выразительно кивнув по сторонам.

— Люблю коллектив! — ответил Калиныч.

Пока семь Калинычей раскладывали пельмени в четырнадцать тарелок, Сергей сидел на стуле, и внимательно рассматривал парня в форме охранника, сидящего чуть в стороне на стуле за столом.

Вообще-то он сам себе никогда не нравился. Считал себя слишком длинным и нескладным. Одно время даже начал сутулиться. Армия исправила этот недостаток.

— Одинокие мужчины должны держаться вместе! — строго сказал Калиныч. — Хотя, по моим наблюдениям, тебе недолго осталось...

— Что? — спросил Сергей.

— То самое. Холостяцкая жизнь на излете.

— Ладно тебе, Калиныч! — нахмурился Сергей.

— Глазом не успеешь моргнуть! — безапелляционно заявил вахтер. Выставил на стол графин с красноватой жидкостью и две рюмки. То же самое проделали еще семь Калинычей. Сергей только

усмехнулся. Создавалось устойчивое впечатление, что он сидит в каком-то приморском ресторане с большим количеством посетителей. Только оркестра с аккордеоном и скрипкой не хватало.

— За море! За жизнь! За женщин! — темпераментно провозглашал Калиныч один за другим тосты. И заедал пельменями.

После первой рюмки вишневой настойки количество двойников заметно уменьшилось. Сократилось до трех. Сергей вздохнул свободнее. Почувствовал себя раскованнее, комфортнее. Снял куртку, повесил ее на спинку стула. Краем глаза успел заметить. То же самое сделали еще трое охранников. После третьей рюмки из двойников остался только один. Тот, который сидел за спиной Калиныча.

— Тебе повезло, салага! — строго сказал Калиныч, глотая очередной пельмень. — Ты уксусу не жалея, не жалея! Кислая среда внутри организма создает невыносимые условия для всяких ненужных мельчайших микробов. Тебя полюбила хорошая девушка!

Сергей захотел что-то возразить, Калиныч жестко продолжил:

— Не перебивай! Сиди и слушай! Ты не смотри, что она «звезда». Вся такая, растакая, разэдакая. По телевизору выступает, интервью в газеты дает.... Я этих «звезд» повидал, будь спокоен! Двадцать лет на вахте, не кот начихал. Кого только мимо меня не бегало....

— Пугачеву видел? — зачем-то спросил Сергей. Хотя его вовсе не интересовала первая из звезд на эстраде.

— Алла Борисовна – человек! Кого хочешь, спроси. О ней все только в положительном ракурсе отзываются. А Надежда, она... настоящая. Такая, если полюбит...

Калиныч налил себе в рюмку еще настойки, уже пятую по счету, но пить почему-то передумал. Отставил рюмку в сторону.

— Мне б твои года.... Взял бы ее на руки и унес... на необитаемый остров. Построил бы там хижину из тростника.... Хотя, тебе этого не понять...

— Не такой уж я тупой.

— Береги ее, салага! — слегка заплетающимся языком, продолжал бывший матрос. — Сам не обижай. И другим не позволяй. Она как птичка. Ее с руки кормить надо...

— У тебя черный кофе есть? — поинтересовался Сергей.

— На камбузе! — кивнул головой Калиныч. Наверняка, старый матрос и свою комнату именовал «кубриком».

Сергей стоял на кухне, ждал, когда закипит чайник, вертел в руках банку «Нескафе» и смотрел на улицу. Из окна кухни было видно, как трамваи с визгом разворачиваются на круге и один за другим уходят в сторону Новослободской улицы.

Все сказанное с матросской непосредственностью Калинычем озадачило Сергея своей определенностью. Слово «женитьба» не было произнесено вслух, но оно, разумеется, висело в воздухе. Сергей, не то чтобы вовсе не задумывался об этом, просто отгонял эту мысль, когда она залетала в голову. Дальнейшие отношения с Надей он представлял себе как угодно, только не так,

что они станут женихом и невестой, пойдут в загс, подадут заявления и все такое. Как-то это не вязалось в его сознании со «звездочкой» шоу бизнеса, не сочеталось с Надей.

Надя, Мальва, Мальвина, популярная, недостижимая, мечта почти всех его бывших сослуживцев... И вдруг, она – его жена? Нет, нет. Это какой-то бред, сумасшествие. Все жара проклятая. Они и знакомы-то всего несколько дней. Если б ему кто-то еще неделю назад сказал, что он запросто будет общаться с самой Мальвиной, целоваться с ней в парке, привозить и отвозить ее на «Форде», он бы только посмеялся в ответ. Вообще, войдя в закулисье шоу бизнеса, Сергей моментами ощущал себя на какой-то узкой ровной строительной площадке. Без перил. Чуть оступился, и полетишь вниз, костей не соберешь. А ветер вокруг так и завывает, гудит, свистит...

На плите засвистел чайник. Сергей снял его с конфорки, переставил на подставку, выключил газ. Достал из шкафчика две кружки, щедро сыпанул в них растворимый кофе и опять задумался.

Безусловно, как-то их отношения должны развиваться. Они еще не дошли до главного. Не стали абсолютно близки. Но это может случиться в любой день, в любом месте, в любую минуту. Конечно, хотелось бы, чтоб все и дальше было так же красиво...

«Ты пока еще не наш! Ты зритель!» — неожиданно вспомнились слова Нади, сказанные в парке на скамейке. «Тебе все в новинку. Все диковинку». Сергей, действительно, еще многого не понял. Они люди другой породы. Одни странные отношения Нади с Натальей

чего стоят. Связывает их какая-то тайна, загадка из их прошлого.

«Она не за мной повторяет. Все гораздо сложнее!».

И вдруг на него навалилось странное предчувствие. Даже не предчувствие, какое-то, еще нечетко сформулированное в словах ощущение, дальше ничего хорошего не будет. В отношениях с Надей все лучшее уже произошло, случилось. Они уже дошли до пика, оба пережили потрясение при виде друг друга, почувствовали взаимную тягу и потянулись навстречу неизбежному, но что дальше? Унылый убогий быт в комнатухе на Соколе? Служба охранником и шофером у «звездочки»? Нет, что-то тут не то. Что-то не так!

Чем дольше Сергей стоял у окна на кухне, тем мрачнее мысли приходили ему в голову. Они путались, налезали одна на другую. Все какие-то злые, неожиданные.

«Куда тебе, дембель, с кухонным рылом, в калашный ряд! Не для тебя она, не для тебя! Ей, наверняка, нового русского подавай. Бизнесмена, банкира...» — с неожиданной злостью думал Сергей.

Он сунул голову под кран раковины и на всю катушку включил воду. Из крана полилась довольно холодная вода, что по такой жаре было неожиданностью. Долго держал голову под струей воды. Все-таки, в вишневой настойке было очень прилично градусов. В полной мере Сергей ощутил это только сейчас, держа голову под краном. Потом, когда уже начал неметь затылок, выпрямился, взял кухонное полотенце и слегка промакнул волосы.

«Раскинулось море-е... широко-о.... И волны бушуют вда-али-и...» — донесся из комнаты хриплый голос Калиныча.

Сергей взял в руки кружки с кофе и пошел на голос. В дверях оглянулся и почему-то посмотрел в окно. Словно, там, за ним, где-то далеко-далеко могла стоять Надя....

В это мгновение Надя, действительно, стояла на балконе своей квартиры и смотрела на улицу. Если бы возможно было провести пунктирную линию от окна кухни на Лесной улице, где находился Сергей, до балкона однокомнатной квартиры на Олимпийском проспекте, на котором стояла Надя, получилась бы абсолютно прямая линия. Вполне возможно, они смотрели друг на друга. Но видеть друг друга не могли.

Их отгораживало друг от друга, по крайней мере, пять многоэтажных зданий, разделяющих Олимпийский проспект и Лесную улицу. Да еще густая дымная треклятая мгла. В зыбком мареве, уже через пару кварталов все видимое расплывалось, становилось мутным, неясным. Нет, они никак не могли видеть друг друга.

Идея отвезти поэта-песенника в свою однокомнатную квартиру на Олимпийский проспект пришла в голову Наде внезапно. Последние месяцы Колян то снимал угол у своей первой жены, то квартировал у третьей. Три дня назад жены как с цепи сорвались. Не сговариваясь, обе выперли Коляна из своих квартир. Куда податься бедному поэту?

Пару дней Скворцов набивался переночевать к приятелям. Но и у тех терпение оказалось не безразмерным. Над головой бедного поэта-песенника нависла вполне реальная угроза пополнить собой многочисленный отряд столичных «бомжей».

Женское сердце, как известно, не камень. Даже если оно принадлежит популярной «звездочке» шоу бизнеса, мечте дембелей и секс-символу тинейджерок. И Надя забрала Коляна к себе. На время.

Когда они с Дергуном вводили в подъезд под руки Скворцова, естественно, по закону бутерброда столкнулись нос к носу с самой склочной соседкой. Она запахла цветастый халат, брезгливо поджала губы и, резко дернув за поводок спаниеля, прошипела:

— Совсем обнаглела! Уже середь бела дня пьяных мужиков водит!

— Мадам! — обаятельно улыбнулся Дергун. — Если хотите составить нам компанию...

— Пошел ты на х... — спокойно ответила «мадам». И ногой сильно распахнула дверь на улицу. Даже пружина взвизгнула.

Надя стояла на балконе, курила и думала о Сергее. Вернее, не думала. Мечтала. В ушах звучала «Счастье мое» в исполнении «Вивальди оркестра» под управлением Светланы Безродной. Надя очень любила этот оркестр. Именно скрипки вызывали в ее душе особое странное волнение и какую-то неповторимую радость. Перед ее глазами вспыхивали и тут же гасли прекрасные яркие картинки.

Вот Сергей несет ее на руках по широкой лестнице к длинной белой машине. На капоте машины кукла с

бантом. Надя в роскошном белом платье, со шлейфом и вуалью. Вокруг толпа знакомых и вовсе незнакомых людей. Все смеются, радуются, аплодируют. Кидают им под ноги цветы и горстями зерна пшеницы. На счастье.

Потом застолье. Она стоит рядом с Сергеем во главе стола и принимает поздравления. Бесконечно длинный стол накрыт в саду какого-то загородного особняка. Свадебный стол начинается прямо у ступеней парадного входа в дом, тянется, извиваясь длинной лентой, между кустами, огибает небольшой пруд посреди сада, и дальше теряется где-то там, под кронами раскидистых деревьев. Гостей полным-полно. Мелькают лица «своих», выпускников «Журавлика». Издали возникает лицо Бабы Лоры, она приподнимает свой бокал, улыбается и одобрительно кивает головой. Скрипки звучат все громче.

«Счастье мое!» — едва слышно напевает Надя в такт словам и скрипкам «Вивальди оркестра» и улыбается.

— Счастье мое! — донесся с кухни хриплый голос. — У тебя кофе есть? Будь добра...

Надя вздрогнула. Кинула сигарету в банку из-под зеленого горошка, вошла в комнату и прошла на кухню.

Колян лежал на узкой кушетке, между столом и холодильником. Из-под красного клетчатого пледа только один нос торчал.

— Прими лучше снотворное.

— Еще лучше пиво, — возразил поэт-песенник. Похоже, он еще не окончательно смирился с судьбой-индейкой. Решил не плыть по течению, куда вынесет. Чувствовал себя Колян мерзопакостно. Другого слова не

придумаешь. О своей дикой выходке, прыжке в раскрытое окно, вспоминать не хотелось. Хотя... действительно, он пережил поразительное ощущение из детства. Правда, никаких особых прозрений, откровений ему в те доли секунды не явилось. Ерунду говорят, будто самоубийцам в последние мгновения жизни являются самые яркие эпизоды жизни. Как лента в кино прокручивается, только в обратном порядке. Ничего подобного. В детстве с крыш в снежный сугроб прыгали. Представляли себя летчиками с подбитого самолета. Ощущения те же самые. Свист в ушах и более-менее мягкое приземление.

Как и большинство поэтов Колян Скворцов в душе остался абсолютным ребенком. Очевидно, судьба, награждая человека поэтическим даром, взамен отнимает практицизм, расчетливость и все такое. Достаточно пристально взглянуть в глаза любому поэту, вне зависимости от его популярности, известности или безызвестности, чтоб убедиться в справедливости этого утверждения.

— Колян! У тебя было трудное детство?

Надя вошла на кухню, включила чайник и присела на табурет у стола. С любопытством, словно только что увидела, начала разглядывать небритую физиономию Скворцова.

— Детства не было. Сразу стал взрослым. Дай пивка!

— Отвали! Когда ты стал взрослым?

— Когда начал писать стихи.

— В каком возрасте ты начал их писать?

— Как только начал говорить.

— Тогда иди к чертовой матери! — беззлобно сказала Надя. — Пива все равно не получишь. Ни пива, ни вина, ничего. У меня в доме сухой закон, — соврала она, не моргнув глазом.

— Твой закон противозаконен! Садизм какой-то!

— Отвали! Пока не придешь в норму, будешь жить здесь.

Колян обиженно засопел и вообще накрылся одеялом с головой. Чайник на плите почему-то долго не закипал. Тогда Надя решила.

— Колян! — невинным голосом попросила она. — Почитай мне, пожалуйста, свои любимые стихи.

Колян, естественно, не уловил ее иронии. Воспринял всерьез. Откинул с лица одеяло, сел на кушетке по-турецки, выпрямил спину и изготавился читать. Правда, перед этим несколько секунд недоверчивым взглядом сверлил Надю. Надя достойно выдержала это испытание. Вообще, поэты в подавляющем большинстве, когда речь заходит об их стихотворчестве, теряют чувство юмора. Напрочь.

И Колян начал читать. Прикрыв глаза и слегка покачиваясь из стороны в сторону. Что-то такое, с восточными мотивами. С оазисами и верблюдами. Как только он прикрыл глаза, и из его рта поползли караваны верблюдов, Надя перестала слушать. В ее ушах опять зазвучали скрипки «Вивальди оркестра». А сама она плавно переместилась на поляну загородного особняка, где за праздничным столом продолжалось свадебное пиршество.

«Спонсор» Эльхан Хамбудагов назначил встречу Дергуну на улице. У подземного перехода, рядом с выходом из метро «Сухаревская». Это было плохим признаком. Обычно встречи проходили в одном из ресторанов, принадлежащих родственникам Хамбудагова или, на худой конец, в кафе «Исюминка», в одном из переулков на Сретенке, владельцем которого был сам Эльхан.

Сбагрив на Надю своего друга, Игорь тут же на Олимпийском проспекте поймал «левака» и уже через десять минут изнывал на солнцепеке возле перехода через Садовое кольцо. Свою «Ауди» последние дни не эксплуатировал, отдал в автосервис на профилактику.

Машины в пять-шесть рядов сплошным потоком катили в обе стороны по Садовому кольцу. Говорят, ежедневно парк легковых машин в Москве увеличивается на несколько тысяч. Да еще иногородние. Если так дальше пойдет, москвичам придется запастись противогазами.

Эльхан подъехал на скромной серебристой «девятке». Его шофер припарковал машину прямо на пешеходном переходе. Гаишник, постоянно дежуривший на этом перекрестке и бровью не повел.

Игорь сел на заднее сиденье рядом с Эльханом. В салоне сразу ударил в нос дикий коктейль из запахов пота, чеснока, каких-то специй и явно дорогого французского одеколona.

— Как здоровье, дарагой? Жена, дети, живы-здоровы?

Эльхан всегда соблюдал необходимые ритуалы. И всегда, пока задавал дежурные вопросы и выслушивал

такие же дежурные ответы, внимательно изучал лицо партнера. Он был неплохим физиономистом. Обмануть Эльхана, пустые хлопоты. Дергун это прекрасно знал и не считал нужным при встречах напяливать на физиономию американскую улыбку. У меня все отлично, все о, кей, лучше не бывает и все такое. Вкладывая в какое-либо дело деньги, Эльхан контролировал все. Укрыться от его всевидящего ока было невозможно.

— Слышал, у тебя неприятности, дарагой! — озабоченно спросил Эльхан. — Кто-то в окно выбросился?

«Уже в курсе!» — про себя усмехнулся Дергун. «Его осведомители даром хлеб не едят. Интересно, кто из группы ему стучит? Хотя, какая мне разница...».

— Сплетни. Не бери в голову, — вслух сказал Игорь.

— Врачи, больница, только скажи, дарагой! Ты меня знаешь. Ты мне как брат. В лепешку для тебя расшибусь.

«Скорей из меня лепешку сделаешь!» — подумал Дергун.

— Значит, глупости болтают люди? — вздохнул Эльхан.

— Все нормально, все под контролем.

— Когда вернешь долг, дарагой?

— Сам знаешь. После гастролей по Уралу и Сибири.

— Мы так не договаривались, — покачал головой Эльхан. — Время, дарагой, брать деньги. Время их отдавать. Так, дарагой, мужчины не поступают. Ты меня огорчаешь, дарагой.

Эльхан презрительно скривил губы и отвернулся к окну.

— Я не отказываюсь. Войди в мое положение, — начал нудить Игорь Дергун. В такие моменты он сам себя ненавидел. Но другого выхода не было. Ну, не мог он сию секунду вернуть долг. Сумма огромная. А деньги, как известно, сами с неба, как снег не падают. Иной раз ему представлялась фантастическая картина. У него откуда-то появились деньги. Много денег. Какое-нибудь наследство или еще что-то в этом духе. Он заходит в кафе «Изюминка», присаживается за стол и небрежно достает из внутреннего кармана большую пачку зеленых. Аккуратно кладет их на стол, пододвигает по белой скатерти к Эльхану.

— Возьми, дарагой! — скажет он, скучающим взглядом оглядывая посетителей кафе. — Ты меня очень выручил. Вовек не забуду...

Поток машин по Садовому кольцу все нарастал.

— Я тебя выручил, дарагой, — не глядя на Дергуна, сказал Эльхан. Он пожирал глазами, проходящую мимо машины пышнотелую блондинку в белых брюках. Та, почувствовав на себя взгляд из машины, обернулась и начала улыбаться Эльхану как старому знакомому. Эльхан разочарованно поморщился и отвернулся.

— Не подводи меня, дарагой! — усмехнувшись, сказал Эльхан.

— Всего два месяца! — решительно ответил Дергун. — Через два месяца верну с процентами!

— Две недели! Ни днем позже. Извини, дарагой, у меня дела. Не огорчай меня без нужды, — усталым

тоном сказал Эльхан. И опять отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

Выйдя из машины, Игорь ощутил дикое желание ударить ногой по серебристому боку машины. С какой бы радостью, страстью и упоением он взял бы в руки огромный дрын и раскурочил эту ненавистную «девятку». Бил бы и бил, по стеклам, по дверям, капоту и багажнику! Превратил бы ее груды металлолома! А потом с такой же яростью бил бы по головам, рукам и ногам Эльхана с его шофером-охранником. Вспышка злости прошла так же внезапно, как и накатила.

Серебристая «девятка» медленно, солидно отъехала от тротуара и влилась в поток машин на Садовом кольце. Глядя ей вслед, Игорь тяжело дышал, будто и впрямь только что орудовал дрыном.

Тропическая жара в центре Москвы толкала изнывающих людей на абсолютно неадекватные поступки. На глазах у Игоря какой-то сухощавый пожилой мужичок, явно из заезжих челноков, долго мучался, пытаясь открыть бутылку пива о железный выступ фонарного столба. Так ничего, не добившись, мужичок несколько секунд с яростью смотрел на бутылку, потом трахнул ее изо всей силы об асфальт. Стеклянная бутылка разлетелась вдребезги. Мужичок подхватил свою клетчатую «челночную» сумку и подбрел вдоль Садового кольца. Игорь готов был поклясться, что заметил на глазах мужичка слезы.

Наталья, не отрываясь, смотрела на Сергея. Глаза ее блестели, с губ не сходила загадочная, призывная улыбка. Женщины так смотрят, когда на что-то

решились. Час назад она без всякого приглашения вломилась в «кубрик» Калиныча. Многие из группы Мальвины частенько заглядывали в гостеприимную коммуналку Калиныча. Здесь отмечали дни рождения, скромные юбилеи, пели под гитару любимые песни хозяина, перед Новым годом забегали проводить старый уходящий год, хлопнуть рюмку водки и дальше бежать за праздничными покупками.

Сам Калиныч виртуозно играл на гитаре, (Крамской и Сеговия отдыхали!), и пел старинные романсы. Любимыми его произведениями были всего два. Романс Дон Кихота и выходная ария Донжуана. Их он исполнял с особым чувством и глубоким проникновением в содержание. Послушать пение Калиныча было своеобразным ритуалом «кубрика». Соседи Калиныча, работали дворниками в местном ЖЭКе, приезжие по лимиту из Мордовии муж и жена никогда не возражали. Им было очень интересно послушать людей «из мира искусства». Поговорить с теми, кто своими собственными глазами видел живого Иосифа Кобзона и Аллу Пугачеву. Наталья появилась здесь впервые.

— Водка без пива, деньги на ветер! — объявила она на пороге. Выставила на стол бутылку «Пшеничной», две бутылки пива «Балтика» и какие-то свертки с закуской. Разумеется, сразу в «кубрике» старого матроса-вахтера появились еще, как минимум, три Натальи. Все три радостные, взволнованные... Женщины это умеют, принести с собой атмосферу праздничности.

— В честь чего банкет? — нахмурился Калиныч.

— Как же! — удивилась Наталья. — У меня сегодня именины. Даже по радио объявляли, не слышали? — хихикала она. — Куда-то податься одинокой свободной девушке. К Калинычу-у!

Наталья обняла за плечи сидящего за столом матроса, просто повисла на нем. Но смотрела при этом на Сергея.

— Поухаживайте за девушкой, господа! Сегодня мой день!

Наталья придвинула к столу еще один стул, села рядом с Сергеем. То же самое проделали еще три Натальи. Калинычи с вздохом выставили на столы еще несколько тарелок, вилок, ножей.

После полуторачасового празднования «именин» Наталья с Сергеем медленно шли по Лесной улице, старались держаться в тени деревьев или под навесными козырьками магазинов и офисов. Обоим было пора на службу. Вечером предпоследний концерт, надо подготовиться. Наталья не переставая, весело смеялась. Держала Сергея под руку и все время прижималась к нему.

Не доходя несколько десятков метров до служебного входа в Дом культуры, Наталья резко остановилась, схватила Сергея за руки и потянула к себе. В данную секунду ей было абсолютно все равно, видит ли их кто-нибудь или нет. Сергею, судя по всему, тоже. По его лицу блуждала какая-то рассеянная глуповатая улыбка всем довольного человека. Он и в самом деле чувствовал себя, впервые после демобилизации, наконец-то, расслабленным и спокойным. Впрочем, коктейль из «Пшеничной», пива

«Балтика» и вишневой настойки любого сделает расслабленным и спокойным.

— Ну? — улыбаясь, спросила Наталья. — Что будем делать?

— Делать? — тоже улыбаясь, переспросил Сергей.

— Что дальше? Может, после концерта продолжим... — многозначительно добавила она, — празднование именин?

— Я не против, — согласился Сергей. — Только мне Мальвину надо отвезти.

— Сиди... — засмеялась Наталья. — Тебе только через сутки за руль можно будет. Сама доберется, не маленькая.

Наталья быстро оглянулась по сторонам и, придвинув к нему лицо совсем близко, прошептала:

— Приходи ко мне в гримерную. После концерта.

Сильно стиснула его руки и добавила:

— Никому не болтай! И не пей больше ни грамма!

Резко повернулась и, не оборачиваясь, направилась к служебному входу. Сергей прислонился спиной к стене, стараясь хотя бы голову спрятать от палящего немилосердного солнца. Достал сигареты, закурил. Стоял и ждал, когда с Лесной улицы в переулке появится Калиныч. Они, вроде, договорились идти все вместе. Но как-то так получилось, что Наталья увлекла за руку его одного. Старик задерживался. Скорее всего, мыл посуду после гостей.

До начала концерта оставалось каких-то полтора часа. К служебному входу один за другим уже подтягивались осветители, монтажники,

реквизиторши, балетные девочки. Все просто изнывали от жары.

9

Предпоследний концерт прошел с феерическим успехом. Публика неистово аплодировала после каждого номера. Свое дело сделали неуправляемые слухи то ли о преждевременной гибели Мальвины, то ли о попытке коварного покушения на нее. Словом, зрители были уверены, что-то там такое было. Дыма без огня не бывает.

Утром следующего дня Сергей сидел на ступеньках лестницы, ведущей со второго этажа на третий, и с содроганием, стыдом и ужасом вспоминал прошедшую ночь.

Вчера поначалу все шло как обычно. Перед началом он стоял на своем привычном месте, подпирая спиной стену. Мальвина порхала со сцены в гримерную и обратно, весело улыбалась, пробегая мимо. Только один раз подошла совсем близко, унюхала запах коктейля из вишневой настойки, «Пшеничной» и пива, сразу озабоченно нахмурилась.

— Поезжай домой, — строго сказала она. — Доберись сама.

Сергей отрицательно помотал головой.

— У меня после концерта еще запись интервью на радио. Поезжай. Ты очень плохо выглядишь. У Калиныча в «кубрике» был?

Сергей утвердительно кивнул.

— Я так и думала. Старый... кашалот! — раздраженно сказала Надя. — Поезжай домой. Сегодня ты мне больше не нужен.

Надя чмокнула его в щеку и побежала на сцену. Перед тем как спуститься по лестнице, обернулась, помахала Сергеем ручкой.

— Завтра увидимся!

Домой Сергей не поехал. Поднялся на третий этаж и до конца концерта проторчал у окна, выходящего в переулок.

«Никому не болтай! И не пей больше ни грамма!» — постоянно на все лады звучал в его ушах жаркий шепот Натальи. Он волновал, тревожил, поселял в душе какие-то новые незнакомые ощущения. Надя почему-то постепенно отходила на периферию сознания.

Из окна с третьего этажа он видел, как она после концерта в окружении фанаток вышла из подъезда, как долго укладывала пакеты и сумки на заднее сидение машины, как раздавала автографы, и как, наконец, отъехала от служебного подъезда по переулку в сторону Лесной. Странно. Сергей почему-то не ощутил никакого желания в данную минуту оказаться рядом с ней, за рулем «Форда». Все его внимание сконцентрировалось на двери гримерной. Наталья оттуда не выходила.

Уже давно разошлись и разъехались зрители. Уже перестала громко хлопать дверь служебного входа, монтировщики и гримерши, реквизиторши и осветители, попрощавшись с вахтером, вышли из здания. Уже сам Калиныч протопал по вестибюлю первого этажа и вырубил все лишние светильники,

оставив только дежурный свет. Сергей все стоял на лестнице между вторым и третьим этажом и ждал, когда здание Дома культуры окончательно опустеет, когда стихнут все звуки.

Время шло. Ему уже надоело ждать, болел желудок, и как-то непривычно кружилась голова. Он уже пожалел, что с головой кинулся в это подзаборно-романтическое приключение. Хотел, было уже плюнуть, спуститься на первый этаж, распахнуть дверь и оказаться на улице. Но тут услышал, тихо скрипнула дверь гримерной. В коридор высунулась Наталья в запахнутом коротком халате. Увидела на лестнице Сергея и поманила его рукой. Он спустился по лестнице, подошел к двери и вошел внутрь. И в ту же секунду его обвила руками, прижалась к нему всем телом и начала жадно целовать полуголая Наталья.

Можно с большой долей уверенности утверждать, в эту ночь, там, в небесной лаборатории древняя машина причинно-следственных связей «Витта» была остановлена на профилактический ремонт. Ничем другим невозможно объяснить происшедшее этой ночью в гримерной комнате на втором этаже опустевшего Дома культуры.

Было непривычно темно. Только из распахнутого окна на пол лился тусклый свет с улицы от дальнего фонаря. Наталья, тяжело дыша, обнимала Сергея и непрерывно целовала влажными губами. От нее пахло знакомым дезодорантом Мальвины и еще чем-то спиртным. Ему показалось, что у нее множество рук, как у Будды.

— Все хорошо.... Все хорошо.... Вот так.... Вот так....

Он и сообразить не успел, как она скинула с него куртку, швырнула ее на пол. Потом одним движением сняла с него футболку и начала жадно целовать плечи, грудь.... Потом все ниже и ниже....

Дальнейшее происходило как в неясном туманном сне. Сквозь пелену головной боли Сергей ощутил себя лежащим на спине, на полу.... Ощутил ползающую по его телу Наталью. Не хватало воздуха.... Было чудовищно, нестерпимо жарко.... Он широко раскрывал рот, как рыба, выброшенная из воды на песок, но вдохнуть полной грудью не мог. Потом неясно виделась, сидящая на нем верхом Наталья.... Она раскачивалась из стороны в сторону, как курильщик опиума и тихо взвизгивала....

Потом они долго стояли в темной душевой комнате. Все переплелось и перепуталось.... Руки, струи теплой воды, ноги, волосы.... Потом он лежал на диване и опять никак не мог поймать дыхание. А голова просто раскалывалась. Гудела, как колокол и в ушах непрерывно звучал шум морского прибоя. А Наталья осторожно вытирала его спину влажным полотенцем.... Потом они опять оказались на полу. И все повторилось сначала.... И Сергею опять не хватало воздуха и, казалось, конца этой ночи не будет никогда.

Нет ничего тайного, чтоб не стало явным. Солнце еще только поднималось над горизонтом, еще не до конца выкарабкалось из синеватой дымки, повисшей над городом, когда пронзительно зазвонил телефон в квартире Нади на Олимпийском проспекте. Было очень рано и Надя по привычке хотела громко рывкнуть в

трубку, но во-время спохватилась. Вспомнила, на кухне спит тревожным сном поэт-песенник.

— Я слушаю... — откашлявшись, негромко сказала она.

То, что услышала, повергло ее в шок. Ей и раньше приходилось выслушивать по телефону немало пакостей и гадостей в свой адрес. Первое время, едва став популярной, она очень переживала. Чаше других звонил один и тот же голос. Предельно противный. Аноним. Надя так и не поняла, кому он принадлежит, мужчине или женщине. Отвечала на хамство хамством, на угрозу кучей угроз. Грозилась сообщить в милицию и даже натравить на анонима, якобы, знакомых братков. Одно время даже решила сменить номер телефона. Но постепенно как-то привыкла. Отвечала спокойно и абсолютно равнодушно. Будто речь шла вовсе не о ней, а о каком-то третьем лице. И постоянный аноним перестал звонить. В самом деле, какой прок доставать человека, если он почти не реагирует. Сегодня аноним был в ударе. Надя сразу почувствовала, что он, (или она!?), не врет. Слишком уж радостным, даже торжествующим был голос. И он выдавал такие подробности...

«Мне надо увидеть его глаза!» — мысленно твердила Надя, неподвижно стоя под теплыми струями воды в душе.

«Только раз взглянуть ему в глаза!» — шептала она, направляясь к платной стоянке возле Олимпийского бассейна.

«Посмотреть в глаза!» — как заклинание твердила она, пересекая все сплошные линии, перестраиваясь из

ряда в ряд, нарушая все мыслимые и немыслимые Правила дорожного движения.

Самое поразительное, она добралась до Дома культуры благополучно. Не попала в аварию, никого не сбила, по ее вине не случилось никаких даже мелких дорожно-транспортных происшествий.

Сергей на своем привычном месте подпирал спиной стену около гримерной, когда Надя поднялась по лестнице с первого этажа. Сначала она прошла мимо, демонстративно не глядя на него, но потом неожиданно вернулась, остановилась напротив и несколько секунд смотрела ему прямо в глаза. Станным, веселым взглядом. Сергей не выдержал этого взгляда, отвел глаза в сторону.

«Она все знает!» — молнией пронеслось в голове у него. Почему-то противно заныло в желудке и опять начала кружиться голова.

«Значит, это правда!?» — с тоской подумала Надя.

— Что скажешь, Сереженька? — звонко спросила она.

— Мне вообще-то нельзя пить. А я выпил, — пробормотал он. И устало помотал головой.

— Да, да. Понимаю. Просто выпил. Шел, споткнулся, упал.... Тут как раз Наташка пьяная валялась. Дальше, как у всех.

Некоторое время оба молчали.

— С тобой такого не случалось? — вдруг резко спросил Сергей.

Надя вздрогнула, побледнела, но тут же взяла себя в руки.

— Случалось. Только я думала...

— Что?

— У нас с тобой, будет не как у всех. По другому...

И Надя изо всей силы вlepила ему пощечину. Потом еще одну.

Это видели две балетные девочки, спускавшиеся по лестнице с третьего этажа. И электрик Оля, поднимающаяся по лестнице на второй этаж с первого. Голова Сергея дергалась, он даже слегка ударился затылком о стену. А потом Надя резко повернулась и, не оборачиваясь, начала подниматься по лестнице на третий этаж.

Сергей еще долго стоял у стены истуканом. Из носа его потекла кровь. Он пару раз вытер ее ладонью, но кровь не останавливалась. Балетные девочки и электрик Оля несколько секунд стояли, ожидая дальнейшего развития событий. Но никакого развития не последовало. Они повернулись и разошлись по лестницам в разные стороны. В смысле, вверх и вниз. Каждая всем своим видом выражала абсолютную поддержку и женскую солидарность с Мальвиной. Как известно, все мужики – сволочи. Сей факт даже в научных кругах не обсуждается.

Сергей стоял у стены и вытирал ладонями кровь из носа.

Просторный кабинет директора ДК им. Зуева был обставлен под девизом «Время, назад!». Бросалось в глаза огромное красное знамя на стене. «За победу в социалистическом соревновании!». Массивная мебель, стол зеленого сукна, кресла с высокими спинками. По

стенам на стеллажах кубки, вымпелы, чьи-то медали. В основном, спортивного достоинства. Когда-то при Доме культуры существовало несколько спортивных секций. Вольной борьбы, волейбола, настольного тенниса, тяжелой атлетики. И сегодня вошедшего встречали грозными взглядами с портретов на стенах основоположники марксизма-ленинизма.

Надя решительно распахнула дверь, не менее решительно вошла в кабинет. За столом в массивном кресле восседал Дергун. У него на коленях восседала одна из балетных девиц. Грозные осуждающие взгляды основоположников марксизма-ленинизма их ничуть не смущали.

— Питаешься плохо. Худая стала... — застала Надя конец стандартной фразы Дергуна.

Ни Игорь, ни девица никак не среагировали на ее появление. Впрочем, ничем противозаконным они не занимались.

— Надо поговорить! — резко сказала Надя. — С глазу на глаз.

Балетная девица, (Надя все никак не могла запомнить ее имени. Явно какая-то из новеньких!), преувеличенно вздохнула, соскочила с колен Дергуна и, не глядя на Надю, направилась к двери.

— Чем порадуешь? — уныло спросил Дергун, отворачиваясь к окну. По опыту знал, если Надя пришла говорить «с глазу на глаз», жди извержения Везувия. С падением камней на голову и потоками раскаленной лавы. Больше всего в жизни Игорь Дергун ненавидел выяснять отношения. Любимой его поговоркой была: «Слоны долго живут, потому что не выясняют

отношения!». Но именно бесконечные выяснения отношений наваливались на него ежедневно, едва появлялся на работе. Впрочем, дома было не лучше. Все потому, что кругом одни бабы.

Надя сидела на стуле чуть в стороне от стола и молчала.

— Кого на этот раз уволить?

— Чтоб ни одна живая душа не знала, что ветер дует с моей стороны, понял? — разразилась она, наконец, длинной, заранее заготовленной тирадой. — Чтоб ни одна живая душа!

Игорь Дергун хлопнул себя ладонью по груди.

— Могила. И очень глубокая. Дна не видеть.

Он и, правда, умел держать слово. Если обещал молчать, посторонние не могли и клещами из него вытянуть даже крупинку информации. Все в группе доверяли ему свои секреты и сложности.

— Кого надо уволить? — повторил Дергун.

Еще в период создания их группы Надя заловила на мелком воровстве одну из гримерш. Тут же поставила Дергуна перед выбором. Я или она. Дергун девицу выпер, но с тех пор не упускал случая поинтересоваться, кто следующий?

— Надо уволить... Наташку! — зло сказала Надя.

— Ты спятила? — спокойно поинтересовался Дергун.

— Мое терпение лопнуло.

Дергун медленно поднялся с кресла, прошелся по кабинету, выглянул из окна на улицу. Гору картонных коробок под окном так и не вывезли. Идеальный запасной выход. На случай какой-нибудь эстримальной

ситуации. Наезд бандитов или визит налоговиков. Что, по сути, было одним и тем же.

Игорь подошел к Наде, присел рядом на стул, взял ее за руку.

— Ладно! Давай как на духу, — терпеливо начал он. — Чем тебя не устраивает Наталья?

— Много себе позволяет, — отстранено заявила Надя.

— Что именно?

— Много о себе понимает. Возомнила, Бог знает что!

— Позволяет, возомнила.... Что еще?

— Она мне надоела! Чисто по-человечески, надоела-а! Отвали-и!

Надя вырвала свою руку у Дергуна, вскочила со стула, отошла в противоположный угол кабинета, присела на другой стул.

— Меня от одного ее вида воротит!

— Если начистоту, меня от твоего вида давно воротит, — пожал плечами Игорь. — При чем здесь работа?

— Она мне давит на психику!

Игорь резко поднялся со стула, подошел к двери, запер ее на ключ. Вернулся к столу, уселся в кресло. Сильно провел ладонями по лицу.

— Вот что, девочка... — глядя перед собой, медленно проговорил Игорь. — Мне абсолютно наплевать какие у вас там с ней особые отношения. Можете обе хоть в лесбиянки записаться. Дело есть дело. И пока мы в одной упряжке, пока в одной команде... очень тебя прошу...

— Не хочу больше быть в одной упряжке. Или она, или я!

— Девочка! — медленно, все еще сдерживаясь, произнес Игорь Дергун. — Ты всерьез держишь всех окружающих за идиотов. И меня в том числе. Ведь ни для кого не секрет, ты без нее — никто, ноль без палочки. Ты без нее рот раскрыть не сумеешь. А если и раскроешь, из него ни одной ноты не вылетит. Ведь это не ты на сцене поешь! — повышая голос, говорил Дергун. — Это она поет! Твоим ротом!!! Все это знают, все это видят. Просто боятся произнести это вслух! Кому ты голову морочишь, девочка! Вы как сиамские близнецы. Одна без другой ничего не стоит. Не знаю, как это у вас получается, ваши психологические заморочки мне по барабану, но разрушать команду я вам не дам.

Надя некоторое время молчала, нервно кусала губы.

— Отвали-и! Я могу петь под фанеру. Чем я хуже других? Уж как-нибудь сама в свой собственный голос попаду.

— Хочешь сказать, в ЕЕ голос! — с ударением сказал Дергун.

— Без разницы. Публика знает и любит меня. Я — звезда.

— Нет, девочка, нет! — покачивая головой, сказал Игорь — Ты не звезда. Ты и понятия не имеешь, кто такая настоящая звезда. Ты мистификаторша, оболочка, не более того. Я затратил гору бабок, чтоб раскрутить такую пустышку, как ты.

Надя вспыхнула, резко поднялась со стула. Дергун изо всей силы трахнул кулаком по столу. Надя испуганно вздрогнула.

— Запомни, мартышка! — в ярости прохрипел Дергун, приподнявшись и опираясь руками о стол, — Пока я не оправдаю всех денег, которые вложил в твою раскрутку, а пока я не оправдал и половины, до тех пор ты будешь вкалывать, вкалывать и вкалывать! И держать рот на замке!!! Еще одна истерика перед концертом, и я поставлю тебя перед проходной в угол! Кверху задницей!!!

— Ха-ам! Скотина-а! — выкрикнула Надя. — Меня не запугаешь!

— Запомни, девочка... — вдруг почти миролюбивым тоном продолжил Дергун. — Я очень терпеливый человек. Но всякому терпению приходит конец. Если ты позволишь себе переступить черту...

Надя резко опустилась на стул, закинула ногу на ногу, демонстративно достала из сумочки сигареты, закурила.

— Я выхожу из игры, — жадно затягиваясь, сказала она. — Больше не меня не рассчитывай. Сегодня последний концерт! Отвали-и!

Игорь медленно поднялся с кресла, медленно подошел к окну. Долго смотрел на окутанный дымной мглой город. Потом начал говорить, ровным спокойным тоном, будто прикидывал, размышлял вслух:

— Мы тебе устроим пышные похороны, девочка. На всю страну. Твои фанатки будут рвать на себе волосы. Парочка-троечка даже покончат жизнь самоубийством. В знак солидарности. Не волнуйся,

девочка, ты будешь лежать в гробу очень хорошенькая.... Молоденькая, просветленная. Такая... профессиональная невеста.

Игорь медленно повернулся и поднял глаза на Надю. Взгляд его красивых глаз был прям и прост. Как у волка.

— Будет очень много цветов, — тем же тоном продолжил Игорь Дергун. — Море цветов. И музыка. Все время будет звучать музыка. Твой любимый «Вивальди оркестр». Это я тебе обещаю. Мы похороним тебя очень красиво. И торжественно...

— Игорек!? — прошептала Надя. — А ведь ты... не шутишь!?

— И все твои диски, наконец-то, пойдут нарасхват! — закончил Дергун. Помолчал, потом добавил. — Ты даже не подозреваешь, девочка, в окружении, какого зверья мы с тобой живем. Даже не подозреваешь, несмотря на весь твой, так называемый, жизненный опыт. Жизнь человека для них не стоит и пачки твоих сигарет. Если я не верну кредиты, которых уже набрал выше крыши, со мной церемониться не станут, понимаешь? Они не шутят. Если ты встанешь у них на пути.... Пойми ты это, наконец, девочка!

Дергун долго смотрел на нее каким-то странным взглядом. Так смотрят звери в зоопарке на посетителей. Звери есть звери, зеваки есть зеваки. Между ними железные прутья. И им никогда не сойтись вместе, не понять друг друга.

— Шерше ля киндер! — вдруг весело засмеялся Дергун. — Не думал, что из-за этого смазливового

мальчика такая каша заварится. Вы обе совсем с ума посходили. Встряхнитесь, девочки!

Игорь встал из-за стола и, усмехаясь и покачивая головой, опять подошел к окну. Присел на подоконник, опять начал смотреть вдаль.

— Кстати, он написал заявление об уходе, — не оборачиваясь, через плечо бросил он. — Хочешь почитать? С диким трудом уговорил, доработать сегодняшний день.

Сергей стоял на том же месте, между лестницей на третий этаж и дверью в примерную. Надя спустилась по лестнице и, проходя мимо, окинула его абсолютно незнакомым чужим равнодушным взглядом. Так смотрят на всех охранников, лифтеров, вахтеров, официантов. Сергей теребил нос, но кровь из него идти уже перестала.

— Ты все еще мой охранник? — глядя в сторону, спросила она.

— Сегодня последний день, — кашлянув, ответил Сергей. — Я написал заявление. Я подумал, так будет лучше...

— Значит, пока ты мой шофер. Пошли! — распорядилась Надя.

Они спустились по лестнице. Надя впереди, Сергей чуть сзади, как и положено охраннику. Вышли на улицу, подошли к «Форду». Надя кинула ему ключи и уселась на переднее сидение. Устало прикрыла глаза.

— Куда едем? — спросил Сергей.

— 47 километр по Ярославке. — встряхнувшись, приказала Надя. И жадно закурила.

— Опять в деревню Лысая? — хмуро поинтересовался он.

Надя не ответила. Всю дорогу она очень много курила. Когда до 47-го оставалось километров пять, неожиданно приказала:

— Останови!

— Зачем? — удивился Сергей.

— Останови! Я сяду на руль!

Сергей пожал плечами, включил мигалку, остановился у обочины.

«Хозяин, барин!» — равнодушно подумал он, выходя из машины.

Надя рванула с места, будто участвовала в международных ралли «Париж – Дакар». Но уже через сотню метров затормозила.

— Заднее колесо спустило. Выйди, посмотри! — глядя прямо перед собой на шоссе, сказала она.

— Колеса в норме.

— Выйди, проверь правое заднее! — с ударением сказала эстрадная «звезда» Мальвина.

Не успел Сергей захлопнуть свою дверцу, как Надя газанула и «Форд», рванувшись с места, понесся вперед по шоссе, оставляя позади себя синеватый шлейф дыма. И охранника Сергея. Но далеко не уехал. Метров через двести замедлил бег и остановился у обочины, как раз правым задним колесом посреди небольшой лужи, невесть каким образом сохранившейся на таком пекле. Не иначе, у кого-то из грузовиков как раз на этом месте час назад закипел и потек радиатор. Сергей, чертыхаясь, медленно пошел к «Форду».

Не успел он дойти до багажника, как «Форд» снова взревел и, обдав Сергея фонтаном грязи из лужи, отъехал еще метров на сто. И опять остановился. Это было уже слишком! Несколько мгновений Сергей стоял неподвижно. Потом повернулся и медленно пошел по обочине шоссе в сторону Москвы.

Надя доехала до 47-го километра, на секунду притормозила и, еще раз сверившись с бумажкой, повернула направо. Минут двадцать «Форд» трясло по разбитой ухабистой сельской дороге. Та была по-прежнему не приспособлена для иномарок.

Остановился «Форд», как и в предыдущий раз, перед ржавой трубой, обозначающей шлагбаум. Впереди был тот же мостик через речку с шаткими бревнами. За мутной грязной речкой на пригорке чернели те же несколько покосившихся домов. Все как в прошлый раз. Время в деревне Лысая явно остановилось.

«Надо платить долги!» — думала Надя. Очень не хотелось вылезать из машины, но она вылезла, достала из багажника два внушительных полиэтиленовых пакета, набитых сладостями и всевозможными безделушками, перешла через мостик на ту сторону и поднялась на пригорок. Над трубой последнего дома вился едва заметный дымок. Подойдя к калитке, Надя увидела сидящую на крыльце дома крохотную девочку. Та, привязав к бечевке яркий бантик, играла с рыжим котенком и тонким голоском пела: «Мальчик мой! Я жду тебя!..».

Сердце у Нади готово было вырваться из груди. Она толкнула ногой калитку, сделал шаг во двор, но

дальше почему-то идти не смогла. Так и стояла с полиэтиленовыми пакетами в руках.

Девочка подняла голову, увидела Надю, быстро подбежала к ней, глаза ее бегали вверх-вниз. С лица Нади, на пакеты в руках. Надя смотрела на лицо девочки и не могла выдать из себя ни звука.

— Тетя! — облизнув губы, наконец-то сказала девочка. — Ты из собеса? Гуманитарную помощь принесла?

Надя отрицательно помотала головой. Перевела дыхание и спросила хриплым голосом:

— А ты, Даша?

Девочка утвердительно, не отрывая глаз от пакетов, кивнула.

— Дашка-а! Зараза-а! — раздался с крыльца визгливый женский голос. — С кем опять лясы точишь?

Надя подняла голову. На крыльце, прикрывая ладонью глаза от солнца, стояла квадратная баба неопределенного возраста. Несмотря на жару, на ней была черная водолазка и, когда-то бывший оранжевым, жакет, униформа путевых рабочих.

Надя спокойно, хотя сердце ее колошматилось с ужасающей силой, и готово было выпрыгнуть из груди, подошла к крыльцу.

— Здравствуй! Я твоя дочь. Меня зовут Надя.

Внутри избы пахло кислой капустой и еще чем-то, очень противным. На столе, дырявая по углам клеенка, сковородка с потемневшей вчерашней картошкой, несколько пустых бутылок и одна, ядовито-зеленого цвета наполовину пустая. Рядом граненый стакан, наполовину полный. Занавесок на окнах нет. Только

одно окно прикрыто пожелтевшей газетой. Под потолком пустой черный патрон. Без лампочки. Кровать неубрана, хотя уже давно середина дня. В углу в кучу свалена разных размеров обувь.

Надя сидела на шатком стуле, поджав под себя ноги, и делала вид, что внимательно слушает душеспитательную историю о том, как эта пьяная, опустившаяся баба, двадцать лет назад потеряла самое дорогое в жизни. Свою двухлетнюю дочь Веру. Постоянно путаясь, Петровна молотила что-то о цыганах, которые, якобы, обманом украли у нее дочь. А потом еще целые десять лет периодически требовали за нее выкуп. Надя понимающе кивала головой.

Потом Глафира Петровна Разоренова залпом выпила полстакана этой самой темной гадости из той же зеленой бутылки, и цыгане незаметно трансформировались в кавказцев. Спасибо, что не в инопланетных пришельцев с летающей тарелочки. Но это уже не имело никакого значения.

«Врет!» — равнодушно думала Надя. «Все врет! Кругом одна ложь, фальшь и обман! Лариса Васильевна рассказывала совсем другое».

Двухлетнюю девочку привела к дверям Волоколамского детского дома сама Разоренова Глафира Петровна, работавшая в то время проводницей на железной дороге. В кармашке драного платья девочки была найдена записка с адресом, фамилией и отчеством матери. И с клятвенным обещанием забрать дочь домой, «как только позволят средства». В записке даже не было указано имени девочки. Ни дня, ни месяца рождения, ничего. Петровна ее привязала

веревкой за шею к ручке входной двери. Чтоб не сбежала. Как собачонку. Все это во всех подробностях и мельчайших деталях Наде рассказала незадолго до смерти Лариса Васильевна Гонзалес. Ее вторая мать. А, скорее всего, первая и единственная.

Мысленно Надя ругала себя последними словами за холодность, равнодушие и бесчувственность. Все-таки, перед ней за столом сидела ее мать. Родная кровь. Но «звездочка» шоу бизнеса ничего с собой не могла поделаться. Ничего, кроме брезгливости, она не испытывала.

Между ними за столом сидела «бестелесное существо» Даша. Она обеими руками хватала шоколадные конфеты из коробок, запихивала их в рот и во все глаза смотрела на Надю. С восторгом и любопытством.

Петровна продолжала что-то бормотать о своей несчастной доле, но Надя уже не слушала. Она украдкой смотрела на часы и хмурилась.

До начала последнего концерта оставалось два часа.

Когда уже подъезжала к Окружной дороге, внимание Нади привлекла тонкая линия грозовых облаков у самой линии горизонта. Угрожающе черные, с далекими яростными вспышками молний, они ровной траурной каймой окружали весь город. Хотя небо над головой было по-прежнему голубым. И над домами по-прежнему висела дымная синеватая мгла. Въезжая в потоке машин в город, у Нади возникло ощущение, что она погружается в гигантский аквариум с мутной водой, в котором не найти и пузырька воздуха.

Последний концерт Мальвины за кулисами проходил как-то нервно, взвинчено. По малейшему пустяку тут и там вспыхивали ссоры. Женщины бегали со слезами на глазах. Все-таки, африканская жара кого угодно способна свести с ума.

По коридорам и лестницам грохотал привычный оптимистичный голос Норы: «Внимание! Всем внимание! Зрители в зале! Просьба ко всем соблюдать тишину! Зрители уже в зале!».

На пороге гримерной появилась Надя. Она прислонилась к двери, будто решала, входить ей или не стоит. Наталья мгновенно поняла, ее подруга довольно сильно пьяна.

— Только этого не хватало! — тихо пробормотала она.

Надя продолжала стоять в дверях, облокотясь на косяк. Смотрела при этом вызывающе и жалобно одновременно. В руке держала бутылку, завернутую в бумажный пакет, на манер героев или героинь из американских фильмов. В них все почему-то пьют из пакетов. В смысле, бутылки прячут в пакетах. У них в Америке какие-то дурацкие законы насчет распития спиртных напитков в общественных местах.

— Ничего не хочешь мне сказать? — хрипло спросила Надя.

— Извини, — коротко ответила Наталья.

— Только и всего?

— Извини меня, пожалуйста! Я больше никогда-никогда....

— Все? — зло спросила Надя. И отхлебнула из бутылки.

Наталья секунду стояла неподвижно. Потом швырнула на столик полотенце, начала метаться взад-вперед по примерной. При этом картинно воздевала руки к небу, в смысле, к потолку, как в греческой трагедии, хлопала себя по бокам, как ворона крыльями. И все такое.

— Ну, прости меня! Прости! Клянусь! Больше никогда в жизни! Не знаю, как это случилось! Больше никогда! Чтоб мне сдохнуть под забором! Голодной и нищей! Чтоб на меня больше ни один мужик не посмотрел! Чтоб мне во веки веков пирожных не жрать!!!

— Ужас! Ужас!!! — притворно охнула Надя.

— Чтоб мне на сорок килограмм поправиться, если я еще, хоть, раз взгляну на твоего мальчика! Ты этого хочешь!?

Наталья не выдержала, громко всхлипнула, закрыла лицо руками, опустилась на диван и тихо заплакала.

Надю, впрочем, это ничуть не растрогало.

— Аминь! — сказала она и зло усмехнулась.

Отошла от двери, чуть заметно пошатываясь, подошла к своему столику, присела на стул, начала рассматривать себя в зеркале.

— Почему все только тебе? — продолжала плакать Наталья. — Цветы, аплодисменты, афиши.... Я тоже женщина! Тоже имею право хоть на кусочек радости.... Все тебе, тебе...

— Ошибочка вышла-а! — протяжно сказала Надя, рассматривая свое отражение в зеркале. — Ошибочка! Ты вбила себе в голову неверную установку. Будто я без тебя ноль, дырка от бублика.... Тебе не приходило в голову, что и ты без меня, тоже.... Ноль, дырка от бублика? Ты без меня тоже.... Никто, ничто и звать никак. Мы с тобой – одного поля ягоды.... Недаром из одного детдома.

Наталья не отвечала. Сморкалась, всхлипывала, тяжело вздыхала.

— Чучело ты, чучело! — продолжала Надя с горечью. — Ты ведь и всегда такая была. Не можешь жить спокойно. Как все люди. Обязательно кого-то надо травить, изгонять, давить.... Вот спроси тебя, с какого перепуга ты у меня парня отняла? Влюбилась? Ха-ха! В три строчки. И сама не знаешь, зачем ты это сделала. Позавидовала-а.... Гадюка ты.... Гадюка безмозглая. Сама себя в задницу кусаешь, и сама удивляешься, больно-о! Ладно, ладненько-о!

Надя вздохнула, и начала медленно гримироваться. Но как-то вяло, без энтузиазма. Наталья на диване вытерла слезы платком, несколько раз шумно высморкалась.

— Сегодня рот сделаем красным-красным! — размышляла Надя вслух. — Солдатский секс в полном объеме. Пусть получают по полной программе. Они в своем праве. Они заплатили свои кровные, наворованные.... Вот пусть и получают!

— Не слишком... вызывающе? — осторожно спросила Наталья.

— В самый раз! Все-таки, я очень симпатичная. Особенно к вечеру, — продолжала Надя, рассматривая себя в зеркале. — Да, да. Профессиональная невеста. Мечта сверхсрочника.

«Внимание! Даю второй звонок! Девочки! Мальвина! Наташа! Вас это касается в первую очередь! Чтоб потом без обид!» — захрипел по трансляции мобилизующий голос помрежа Норы.

Надя медленно поднялась со стула, крутанула ручку динамика, резко убавила громкость.

— Господи! Кто бы знал, как я ненавижу этот голос! Как услышу, сразу трясти начинает.... Что-то я сегодня не в форме...

Надя взяла в руки пакет, сделала из бутылки еще один внушительный глоток. Наталья не выдержала, быстро вскочила с дивана, подошла к ней, вырвала из рук пакет, спрятала его в тумбочку у окна.

— Совсем умом тронулась!? — привычным сварливым тоном начала она. — Хочешь алкоголичкой стать? У нас это мигом! Сама не заметишь, под забором окажешься. Дура-а!

— Какая ты... заботливая! — скривилась Надя.

— Кому навредить хочешь? Ему? Мне? Или себе?

— Наплевать мне на вас! На всех. На тебя. На него, — бормотала Надя. — И на себя тоже.... Все мужики — сволочи. Бабы не лучше. Ненавижу всех! Всех до единого!!!

— Кого ты ненавидишь? — со вздохом, спросила Наталья.

— Всех! Всех вас! И зрителей! Публику! — зло скривилась Надя, передразнивая кого-то в зеркале. —

Сытые рожи-и! Придут, рассядутся, развлекай их.... Был бы автомат, вышла бы на сцену и... очередями, очередями! Всех бы перестреляла!

— Ты у нас известная террористка! Экстремистка!

Из динамика зазвучал голос Норы: «Внимание! Дети-и! Все! Даю третий звонок! Балетки! Осветители! Радисты! Все приготовились!».

Надя передернула плечами, будто от холода.

— Дай еще глоток!

— Перебьешься. Уже приложилась. Выше крыши.

— Один глоточек... — неожиданно плаксивым тоном, начала просить Надя. — Один маленький глоточек.

— Кофе! — жестко ответила Наталья. — Хоть три глотка!

Наталья достала из своей сумки термос, стаканчик, плеснула в него кофе. Надя вдруг вздрогнула, стиснула кулаки, поднесла их к вискам.

— Позови срочно Игоря.... — прошептала она едва слышно.

Наталья насторожилась, оставила стаканчик с кофе в сторону на подоконник, подошла к Наде, встала у нее за спиной.

— В чем дело? — тревожно спросила она.

— Ничего такого... — так же тихо проговорила Надя. — Просто... я сегодня на сцену не выйду. Пусть все отменяет к чертовой матери!

Стоя у нее за спиной, Наталья с испугом всматривалась в отражение подруги в зеркале. Сначала попыталась пошутить:

— Что, опять все наши прелести навалились?
Пройдет...

— На этот раз, кажется, серьезно.... — продолжала едва слышно шептать Надя. — Пойди, найди Игоря. Пусть отменяет выступление. Пусть вернет деньги зрителям. Я на сцену не выйду!

— Знаешь что!? — вызверилась Наталья.

— И знать не хочу! Не могу я! Понимаешь, не могу-у!!! Ноги, руки... деревянные... Голос куда-то в желудок проваливается! Не могу! Вы меня растоптали, уничтожили.... Я не могу больше! Все! Иди, найди Игоря! Еще не поздно!

— И не подумаю! Даже пяткой не пошевелю.

— Найди Игоря! Я тебе... приказываю!!! — закричала Надя.

— Иди ты... знаешь куда! — рявкнула Наталья. — Приказывает она мне. Выйдешь как миленькая. И отработаешь, как положено!

— Нет, нет, нет! — уже плача, твердила Надя. — Я не могу, понимаешь, не могу-у!!!

— Перебьешься! О зрителях подумай, если на себя наплевать. Люди после работы пришли отвлечься, отдохнуть, развлечься... Она, видите ли, не выйдет! Не морочь голову!

— Я не могу! — заливаясь пьяными слезами, твердила Надя. — Я тебя прошу! Очень прошу! Умоляю!

— Каждый раз, одно и то же,... — качала головой Наталья, — одно и то же.... Которые день летим, и все четверг!

— Хочешь, на колени встану?

Надя неожиданно опустилась, даже не опустилась, как-то неловко сползла со стула на пол, встала на колени.

— Совсем спятила!? — взвилась Наталья.

— Вот! Я стою на коленях! Позови Игоря. Я... я боюсь, — понизив голос, шептала Надя. — Они меня освищут, понимаешь.... Закидают помидорами...

— Закидают, — кивала Наталья. — Тухлыми яйцами. Если не выйдешь на сцену. Они деньги заплатили. Имеют право. Вставай!

Наталья зашла сзади, подхватила ее под мышки, рывком подняла с колен, усадила на стул. Быстрыми уверенными движениями довела грим до конца. Слегка припудрила лицо подруги.

«Внимание!» — опять ожил динамик. «Начали-и! Осветители! Убираем свет из зала-а! Медленно-о! Давайте музыку-у!».

Из динамика понеслась бодрая, ритмичная музыка.

— Я не могу... — шептала Надя. — Помоги мне...

— Хорошо, хорошо... — раздраженно отвечала Наталья. — Ясное дело, помогу. Куда я денусь.

— Ты мне можешь? — со страхом спрашивала Надя.

— Помогу, помогу. Кто тебе поможет, кроме меня.

«Девочки-и! Балетные! Пошли-и!!!» — неслось из динамика.

— Так! А ну, встала! Встала, встала! — свистящим шепотом начала Наталья. — Ты вышла на сцену...

— Вышла на сцену... — как эхо повторила Надя. — Что толку?

Надя, морщась, явно преодолевая себя, поднялась со стула, вышла на середину гримерной. Вся ее фигура выражала крайнюю степень усталости, какой-то испуганной вялой покорности.

— Смотришь поверх голов!

— Смотрю поверх.... Не получится! Если ты не поможешь...

— Кто тебе поможет, кроме меня...

Наталья зашла Наде за спину, встала на некотором расстоянии от нее, пристально смотрит ей прямо в затылок.

— Смотри вдаль.... Поверх голов сидящих!

— Да, да.... Я попробую...

— Вступление.... Набрала побольше воздуха... будто хочешь взлететь... будто взлетаешь, и поешь! Поешь!! Поешь!!!

— Да, да... — шептала Надя. — Я все помню... Я все поняла.... Только не бросай меня... Ты поможешь мне?

— Не бойся, я с тобой! Я всегда стою за твоей спиной! Иди вперед и ничего не бойся!

Наталья быстро подошла к двери, распахнула дверь в коридор.

— Сережа! Быстро сюда!

Дверь распахнулась почти мгновенно, но вошел Сергей как-то нерешительно, осторожно. Вернее, даже не вошел, остановился на пороге. Они опять встретились глазами с Надей.

— Спасибо тебе, Сереженька-а... — протяжно сказала она.

— Ладно вам! Потом разберетесь! Сережа! Бери ее под руку...

Сергей подошел к Наде, неловко попытался поддержать ее.

— Не прикасайся ко мне! Мне противны... твои прикосновения...

— Не слушай! Она не в себе! — распорядилась Наталья. — Крепко. Держи ее крепко! И веди на сцену!

— Ты сможешь мне?

— Уже сказала. Я с тобой! Я всегда с тобой! Главное, не оглядывайся! Я стою за твоей спиной. Сережа! Веди ее, веди... Время поджимает. И не вздумай отпустить, голову оторву! Понял?

— Куда уж яснее, — пробормотал Сергей.

Он осторожно, но, очень крепко держа Надю за локоть, вывел в ее коридор и повел по лестнице. Сначала на первый этаж, потом по длинному коридору к сцене. Наталья шла рядом с Надей и, за ее спиной давала последние наставления Сергею:

— Ничего не слушай, что бы она там ни молотила! Веди к сцене!

Надя, как сомнамбула, шла между ними и шептала:

— Ты сможешь мне? Ты сможешь?

— Да, да... — раздраженно откликнулась Наталья. — Все будет как всегда. Иди и не оглядывайся.

Проход троицы по длинному коридору к сцене сопровождал тревожный голос помрежа Неры по трансляции: «Мальвина!!! На выход!!! Мальвина! Девочка! Твой выход! Балетный номер заканчивается!». Из динамика по нарастающей гремела ритмичная музыка.

— Ты мне сможешь?

— Я с тобой! Я с тобой!! Я с тобой!!!

Кое-как концерт начали во-время. Даже фанатки, видевшие все выступления Мальвины и знавшие наизусть все ее движения и интонации не заметили ничего необычного. Все было как всегда. Разве только чуть нервнее обычного, взвинченнее. Что вполне можно отнести на счет последнего выступления «звездочки» в столице. И дикой жары.

В середине второго отделения Мальвина неожиданно замолчала на полуфразе. Публика замерла в нетерпеливом ожидании. Музыканты сыграли еще несколько тактов и тоже замолчали. Помрежа Нору за кулисами чуть удар не хватил.

Мальвина едва заметно встряхнула головой, обвела сидящих в зале мутноватым взглядом и сказала прямо в микрофон. Четко и громко. Каким-то абсолютно незнакомым голосом:

— Пошли вы все... к чертовой матери-и!!!

И ушла со сцены. Публика неистово заплодировала. Очевидно, восприняла это как очередной, заранее отрепетированный финт ушами. Эстрадную публику вообще трудно чем-либо удивить. Ее хоть из пожарного шланга со сцены поливай, только довольна будет.

Никто из зрителей не обратил внимания на элегантного человека в сером костюме, стоящего за последним рядом партера у дверей. В продолжение всего второго отделения он стоял, засунув руки в карманы брюк, и едва заметно покачивался с пятки на носок. Игорь Дергун всегда слегка покачивался, когда что-либо оценивал, напряженно думал. Когда ему необходимо было принять важное решение.

На следующий номер Мальвина вышла, как ни в чем не бывало. И до самого финала все шло по накатанной колее. Только уже во время поклонов, когда публика орала дурными голосами, свистела от восторга и швыряла один за другим букеты на сцену, Мальва повела себя странно. Она стояла на самой авансцене, широко распахнутыми глазами смотрела в зал и горько плакала.

Она не кричала, как обычно:

— Мужики-и!!! Я вас всех люблю-у!!! Мужики-и!!!

Она не взяла в руки ни одного букета. Стояла и плакала.

10

Нам не дано знать завтрашнего дня. «Если хочешь насмешить господ Бога, поделись своими планами!». У всех в группе Мальвины все планы полетели к чертовой бабушке. Пропал Дергун.

Исчез, испарился. Провалился сквозь землю. Дома нет, на даче тоже нет. Сотовый «вне зоны доступности». Лучший друг Колян Скворцов сам в недоумении, отлеживается в квартире Мальвины. Жена Вера пребывает в истерике, плавно переходящей в очередной шизофренический приступ. Тоже ничего не знает, вот-вот начнет выть волчицей. Естественно, ни о каких гастролях по Уралу и тем более по Сибири речи уже нет. Никто в группе даже зарплаты не получил. На глазах у всего изумленного эстрадного содружества успешная группа Мальвины развалилась, как карточный домик.

Когда через два дня все участники собрались в вестибюле Дома культуры, чтоб решить, как жить дальше, и, главное, на какие шиши, увидели прикрепленную на доске объявлений телеграмму: «Девочки! Я любил вас! Будьте бдительны! Дергун». Телеграмму сорвали, щупали, перечитывали, смотрели на свет. Разве что на зуб не пробовали. Удалось выяснить только одно. Она отправлена с Центрального телеграфа.

Мир шоу бизнеса зашумел голосами диких джунглей. Журналисты, пишущие о прекрасном и яростном мире, как с цепи сорвались. Газеты запестрели заголовками. «Пузырь лопнул!», «Была ли девочка?», «Похищение продюсера!». Особенно привлекала читающую публику утка о гигантском выкупе, якобы, затребованном неизвестными похитителями. По городу пошли гулять слухи о миллионе баксов. Якобы, именно в такую сумму была оценена незаурядная голова незаурядного руководителя незаурядной группы. Некоторые, наиболее наивные и доверчивые даже предлагали скинуться, кто сколько сможет.

Сразу в несколько отделений милиции, разных районов города посыпались заявления от фанаток Мальвины, с угрожающими требованиями, немедленно отыскать и освободить несчастного продюсера. Параллельно началась охота на журналистов и, в особенности на журналисток, злорадно торжествующих по поводу распада группы. Одной представительнице второй самой древней профессии сильно попортили

прическу. Скандал все нарастал. Слухи ширились и множились. Обрастали подробностями и деталями.

На квартиру Дергуна группа кавказских орлов нагрянула среди бела дня. Один, очевидно, самый главный, остался сидеть в серебристой «девятке» у подъезда. Четверо других, спортивного телосложения, с накаченными мышцами под тренировочными костюмами, позвонили в дверь и приготовились вломиться без приглашения, напрочь игнорируя само понятие неприкосновенности частной собственности и все такое. А может, просто подзабыли этот основополагающий принцип любого цивилизованного общества. Знали бы эти горные орлы, какой прием им заготовлен, бежали бы, без оглядки и без остановки до своих родных гор и запрятались бы в самом неприступном ущелье.

Дверь распахнулась в ту же секунду. Горных орлов здесь уже явно поджидали. На пороге стояла высокая красивая стройная женщина в спортивном костюме и почему-то с прорезиненными, утепленными перчатками на руках. С распущенными волосами и огромными, абсолютно белыми безумными глазами.

— Здравствуйте, гости дорогие! — пропела она нежным воркующим голосом. — Давно вас поджидаем!!!

С этими словами она мгновенно схватила с тумбочки кастрюлю с кипятком и выплеснула прямо в лицо горному орлу, стоявшему первым на пороге. Горный орел схватился за лицо и заорал горным козлом. Точнее сказать, как несколько горных козлов, которым одновременно прищемили их мужские

достоинства воротами загона. В ту же секунду из-за ее спины выскочила еще одна, поразительно похожая на первую, только постарше возрастом и тоже плеснула кипятком в лицо. Уже следующему горному орлу. Далее вступила в дело опять первая. С еще одной кастрюлей. Короче, горных орлов, без приглашения явившихся на квартиру Дергуна встретил извергающийся гейзер московского кипятка. И это было только началом, о котором еще долго судачили на всех этажах многоквартирного дома. И даже в соседних магазинах.

Одновременно распахнулись двери двух соседних квартир и на площадку выскочили с десятков добрых молодцев в черных масках на лицах, вооруженные до зубов автоматами, защитными щитами, дубинами и прочими атрибутами, знакомыми каждому, кто смотрит по ТВ передачу «На страже порядка!». ОМОНовцы или СОБРовцы, а может и группа захвата из самой «Альфы», мгновенно уложили горных орлов длинными носами в пол, надели на них наручники и поволокли по ступеням лестницы с восьмого этажа на первый. Мат-перемат при этом очень органично переплетался с языком одного из горных народов.

Пока совершался тот стремительный спуск по лестнице, теща Дергуна, (та самая, вторая женщина из квартиры, очень похожая на первую), распахнула балкон и прицельно метнула на крышу серебристой «девятки» маленький детский утюг, явно заранее приготовленный и разогретый на газе до необходимой температуры. Тещу рука не подвела. Детский утюг пробил крышу «девятки» и упал прямо между ног тому, кто сидел на переднем сидении, рядом с местом

водителя. Пассажир взвыл, тоже горным козлом, которому тоже прищемили воротами загона отнюдь не рога, и, выбив головой лобовое стекло, вылетел через капот прямо на асфальт. Где и был радушно принят двумя крепкими молодыми людьми в штатском в крепкие мужские объятия. А тут подросли и те, которые были в черных масках, со своими подопечными, которые не переставали рыдать горными козлами, которым прищемили.... Ладно, с этим ясно.

Короче, вот такой вот «теплый прием» оказали две стройные женщины непрошеным гостям одной из горных стран, название которой не стоит лишний раз склонять, чтоб не разжигать межнациональные конфликты.

Слухи о том «теплом приеме» были пиком интереса к распавшейся группе Мальвины. Постепенно они сошли на нет. Продюсер Игорь Дергун так больше и не объявился на горизонте шоу бизнеса. Его никто не видел, никто о нем ничего не слышал.

Надя с Натальей почти не общались, только по телефону. Дежурные вопросы, дежурные ответы:

- Что у тебя нового?
- Что у меня может быть нового. Ничего.
- Какие планы на жизнь?
- Просто жить. И радоваться яркому солнышку. У тебя!
- Тоже никаких.
- Отсутствие новостей, уже неплохая новость.
- В нашем положении, так оно и есть.
- Так оно и есть.
- Может, встретимся, поболтаем?

- Да. Как-нибудь. На той неделе.
- Созвонимся.
- Обязательно.
- Ты на меня зла не держишь?
- Нет. Я уже в порядке. Перегорела.
- Не затаилась?
- И не думала. Жизнь, ничего не попишешь.
- Прости меня. Честное слово, я не хотела.
- Знаю. Случилось то, что должно было случиться.
- наших никого не видела?
- Я ни с кем не общаюсь.
- Если нужна моя помощь...
- Мне ничего не надо.
- Ладно. Звони, не забывай.

Много-много лет назад в волоколамском детдоме «Журавлик» произошло ЧП. Заболела какой-то странной болезнью девочка из средней группы Надя Соломатина. Врачи предложили госпитализацию, хотя никакого вразумительного диагноза поставить не смогли. С девочкой происходило нечто непонятное. Постоянно, как резиновый мячик прыгала температура. Вверх-вниз. Тридцать пять, тридцать девять. Напрочь отсутствовал аппетит, организм не принимал никакой пищи. Вялость, апатия. Восемилетнюю Надю положили в отдельный бокс и, на всякий случай, запретили посещения, любые контакты. Медицинский персонал пребывал в недоумении и растерянности. Все анализы, какие только возможно было по тем временам сделать, показывали одно. Девочка абсолютно здорова. Но температура каждый час продолжала прыгать, и Надя буквально таяла на глазах. Вызванный для

консультации профессор из Москвы долго осматривал девочку, щупал, простукивал, прослушивал. Еще дольше читал ее медицинскую карту. Потом, глубоко вздохнув, заявил, что ни с чем подобным за всю свою сорокалетнюю практику не сталкивался. С чем и отбыл в столицу. Правда, напоследок посоветовал делать переливание крови. Хуже не будет.

Хуже было уже некуда. Надя по несколько раз в день теряла сознание. К тому же у нее обнаружилась какая-то крайне редкая группа крови. Бросили клич, поголовно все из «Журавлика» выстроились на первом этаже больницы в очередь. Наверное, это была самая тихая в мире очередь. Подходящей оказалось группа крови только у одной, у Натальи Кочетовой. Эффектная восемнадцатилетняя Наталья, певунья и танцовщица, участница всех шефских концертов, в «Журавлике» находилась на положении «на выданье». Так именовали тех, кто по достижению совершеннолетия покидал детдом и выходил в большую взрослую жизнь. Наталья уже «била копытами», у нее было множество планов завоевания столицы. Один лучше другого.

Тут следует уточнить, восьмилетняя Надя Соломатина была замкнутой девочкой. Прилежной, старательной, но крайне застенчивой. Ни в каких шефских концертах никогда не участвовала. Поскольку совершенно не обладала никакими талантами. Не пела, не танцевала. Ей в младенчестве на одно ухо наступил медведь, на другое слоненок.

Короче, Наде перелили кровь Натальи. Наверняка, там, в небесной лаборатории в этот момент кто-то из ведущих специалистов отвернулся или просто пошел

перекурить. Если сам Господь Бог на седьмой день отдыхал, стало быть, перекуры у них там тоже, непременно есть! За дело явно взялся кто-то из любознательных подмастерьев. Решил провести побочный эксперимент! Что будет, если голосовые связки одной, вместе с душевными порывами, втиснуть в оболочку другой. Но, как бы, не до конца. Чтоб связь между объектами не прерывалась. Чтоб тонкая ниточка между ними оставалась. До поры.

И произошло необъяснимое, непонятное, непостижимое... Надя Соломатина мгновенно выздоровела. Буквально уже на второй день после переливания крови, порхала по коридору больницы и танцевала что-то такое из балетного репертуара Большого театра. Никак не менее. Дальше, больше. Надя запела. Но как!!! Ее сильному, чистому, красивому голосу могла бы позавидовать любая певица. Правда, пела она абсолютно «взрослым» голосом. Что в ее восьмилетнем возрасте было просто невозможным. Любой родитель знает, в этом возрасте голосовые связки ребенка еще окончательно не сформированы. Тем не менее, факт оставался фактом. Надя Соломатина пела как вполне законченная профессиональная певица. Правда, одна тонкость. Вернее, странность, загадочность. Надя Соломатина могла петь только в том случае, если ей «помогала» Наталья. Если стояла за ее спиной, напрягалась и мысленно пела вместе с ней, всеми фибрами души посылая невидимые импульсы Наде. С того дня, когда они обе лежали в одной палате на соседних кроватях, и кровь одной медленно перетекала в ослабевший организм другой, между

ними установилась необъяснимая, «кровная» связь. Наталья вскоре уехала в Москву, поступила в ПТУ, получила комнату в общежитии завода им. Войкова, но каждую субботу приезжала в «Журавлик». Занималась с Надей вокалом и пластикой. Никто этому особенно не удивлялся. Надя стала для нее, как бы, младшей сестрой и Наталья поставила перед собой вполне конкретную задачу. Сделать из Нади эстрадную звезду.

Короче, как говорил великий Николай Васильевич Гоголь, «в природе существует множество явлений, необъяснимых даже для обширного ума».

Колян Скворцов недолго утомлял своим талантом и вообще, своим присутствием Надю Соломатину. На четвертый день объявил, что выйдет прогуляться-продышаться по вечернему проспекту на полчаса, не более. Спустился на лифте до первого этажа, вышел из подъезда и... больше Надя его никогда не видела. Исчез. Растворился в большом городе. Вслед за своим другом Дергуном. Некоторое время по закулисью шоу бизнеса гуляли какие-то неясные слухи о том, что, якобы друзья рванули в Турцию. Организовывать там эстрадные представления для «новых русских». То ли в Турцию, то ли в Египет. Но толком никто ничего не знал. И постепенно слухи прекратились.

Наде каждый день кто-то звонил по телефону. Дважды, трижды в день. Молчал и даже не дышал в трубку. Очевидно, просто слушал ее голос. Надя догадывалась, кто звонит. Но инициативы не проявляла. Вежливо говорила:

— Я вас не слышу. Перезвоните, пожалуйста.

Приблизительно через неделю после последнего концерта Мальвины, ее соседи почти на всех этажах среди ночи были разбужены лихими звуками гитары и исполнением самой настоящей серенады.

— «От лунного света-а... зардел небоскло-он!

О, выйди, Надежда-а.... О, выйди, Надежда-а!!!

Скорей на ба-алко-о-он!!!» — орали дурными голосами двое изрядно нетрезвых господина под неистовые гитарные перезвоны. В свете единственного фонаря во дворе можно было разглядеть. Один совсем молоденький, худой и длинный, другой весьма преклонного возраста, коренастый и приземистый. Оба в матросских тельняшках.

Ночная серенада, (Севильянского разлива!), едва не закончилась трагически. Кто-то из озверевших соседей, этажа эдак с четырнадцатого, не ниже, швырнул прямо на головы доморощенным донжуанам горшок с цветами. Естественно, промахнулся и попал прямо на крышу новенького «Мерседеса», принадлежащего одному уголовному авторитету, проживающему в этом же доме.

Естественно, «Мерседес» взвыл голосами диких джунглей, то есть, сразу двумя сигнализациями на всю округу. Его поддержали другие четырехколесные собратья. Залаяли собаки, пронзительно закричали с балконов женщины.

Естественно, кто-то позвонил в милицию. Те приехали, хоть и на задрипанных «Жигулях», но почти мгновенно. Три добрых молодца с автоматами через плечо вылезли из машины и попытались утихомирить нарушителей тишины и общественного порядка. Не тут-

то было. Недаром говорится в народе, «Нас мало, но мы в тельняшках!».

На законное требование представителей закона, «прекратить кошачьи вопли и дать трудовому народу спокойно поспать после трудового дня!» старший из матросов очень оскорбился. Даже разгневался. И дал представителям закона пару дельных советов. Смысл которых, сводился к следующему: «некоторым глухим козлам, напрочь лишенным музыкального слуха, не следует совать свои сопливые носы, в тонкие материи межличностных отношений. А то, и по шеям схлопотать можно. Враз!». Старшего из матросов мгновенно схватили за руки и попытались отнять гитару. Что было ошибкой.

— Боцмана без хрена не сожре-ешь!!! — зарычал он. Вырвался из рук блюстителей, размахнулся и изо всей силы врезал одному из них прямо гитарой по голове. Голова блюстителя оказалась крепче. Что неудивительно. Еще легендарный генерал Лебедь говорил: «Голова – это кость!». Гитара же оказалась надетой на шею этого самого блюстителя. Только жалобно струны звякнули.

Мгновенно возникла легкая потасовка. Двое матросов против троих блюстителей порядка. Старший из блюстителей, видимо, желая разрядить обстановку, достал «макарова» и пальнул вверх. Разумеется, с единственной целью, отрезвить матросов и своих коллег. Но благими намерениями, как известно.... Старший целил в небо, а попал в единственный фонарь на столбе во дворе дома. Раздался звон, двор погрузился в кромешную темноту. До ушей

любопытных соседей, высунувшихся из окон и свесившихся с балконов, доносилось только сопение, гулкие удары и постоянные ссылки на чью-то мать. Слава Богу, до автоматных очередей дело не дошло.

Короче, обоих донжуанов в тельняшках заломали, повязали и увезли в ближайшее отделение милиции номер 19, что расположено во дворе одного из домов по Трифоновской улице.

А уже утром следующего дня старушки, проживающие во дворе того дома, с интересом наблюдали....

Сначала с Трифоновской во двор с визгом влетел раздолбанный «Форд» и, распугав стаю голубей на асфальте, подкатил к входу в 19-е отделение милиции. Из «Форда» выскочила эффектная блондинка в темных очках, светлых брюках и скрылась в дежурной части. Туда обычно доставлялись задержанные со всего микрорайона. Не было блондинки минут двадцать, двадцать пять. Потом она в сопровождении трех улыбчивых, вежливых и предупредительных милиционеров вышла из дежурной части и направилась к своей машине. Раскрыла багажник и вручила каждому из них по три больших полиэтиленовых пакета. Наблюдательные старушки успели разглядеть, из пакетов торчали горлышки бутылок, батоны колбасы и коробки шоколадных конфет. Вся веселая четверка опять скрылась в дежурной части. Старушки некоторое время выясняли друг у друга, какой-то праздник они пропустили? Вроде, День милиции будет только осенью. Может, какой-то новый объявлен демократами?

Между тем, еще через двадцать минут, из дежурной части опять вышла длинноволосая блондинка в темных очках и светлых брюках. Теперь уже в сопровождении двух матросов в тельняшках. Старого и молодого. Оба были с побитыми мордами. Блондинка запихнула их на заднее сиденье и, опять распулав стаю голубей, укатила на своем «Форде».

Перед домом Нади на Олимпийском проспекте, если смотреть из окон ее квартиры, слева, между миниатюрной детской площадкой и громадой гостиницы «Ренессанс», возвышается небольшой бугор. На нем обычно собачники выгуливают своих питомцев, зимой дети катаются с него на санках и лыжах. С него видна часть проспекта и отлично просматривается весь двор.

К вечеру того же дня склочная надина соседка по подъезду, в цветастом домашнем халате демонстративно прогуливалась со спаниелем взад-вперед по бугру. И судорожно прислушивалась к разговору парочки, сидящей прямо на траве, на краю бугра. Но ничего не могла расслышать. Что неудивительно. Поскольку никакого разговора не было вовсе.

Надя и Сергей сидели рядом, почти касаясь плечами, и молчали.

Соседка в цветастом халате еще некоторое время прогуливалась за их спинами. И опять ничего не могла расслышать. Только уходя с прогулки, демонстративно проходя рядом, раздраженно дергая за поводок спаниеля, услышала всего одну фразу.

— Очень ты меня обидел, Сереженька.

Если б соседка чуть задержалась, то услышала бы еще:

— Меня нельзя обижать. Я вся из кусочков склеена.

Склочная соседка в цветастом халате этого слышать уже не могла. Она уже распахнула дверь, втащила непокорного спаниеля в подъезд и решительно пошла к лифту.

Надя и Сергей еще долго сидели рядом и молчали. С высоты бугра было видно, над потоком машин по проспекту, над деревьями и кустами Екатерининского парка, над крышами домов города клубились, извивались, будто играя друг с другом, полупрозрачные потоки дымной мглы.

Торфяные пожары в Подмосковье ширились, захватывали все новые и новые пространства. Под Шатурой дотла сгорело несколько деревень и без счета дачных домиков. Пожарные машины с воем возили воду из другого района. Поскольку все водоемы пересохли еще в начале лета. Власти, несмотря на мобилизацию всех средств, никак не могли взять ситуацию под контроль. Подключили военных из подмосковных гарнизонов, но что могут солдатики с лопатами и топорами против сплошной стены огня. Чуть не погиб один из трактористов, когда его трактор посреди ровного поля вдруг провалился под землю и оказался в плену огня. Самолеты и вертолеты, распыляющие воду над лесными и торфяными пожарами, явно не справлялись.

Темная полоса грозových туч, каждое утро на горизонте кольцом окружавшее город, к вечеру распадалась, рассасывалась и исчезала вовсе. Так и не

проронив ни капли, ни на расплавленный асфальт города, ни на иссохшиеся земли пригорода.

Надя поднялась с травы и, не оглядываясь, пошла к подъезду. Сзади на ее светлых трюках от долгого сидения на траве отпечатались несколько зеленых полос, но она не заметила этого. Не почувствовала, не обратила внимания. Не отряхнулась, даже не провела сзади рукой. Почему-то именно эти, заметные зеленые полосы сзади на брюках, больше всего резанули Сергея. Они делали Надю, несмотря на гордо вскинутую голову и независимый вид, растерянной и незащищенной.

Сергей, который день не вылезал из своего гаража. Решил довести до ума «копейку». С его руками это только дело времени. Хотя работы было невпроворот. В тот день он выкатил «копейку» из гаража и поставил в двух метрах от ворот, между своим боксом и одинокой сосной, возвышавшейся над всем гаражным городком. Изредка на сосну прилетал дятел и часами долбил по ней без устали и перерыва на обед, демонстрируя автолюбителям пример усердия и трудолюбия.

Сергей домкратом поднял машину, снял колеса, поставил «копейку» на кирпичи. Для верности на месте правого заднего колеса оставил еще и домкрат. Возиться с машиной предстояло не один день. Двигатель перебрать, новые амортизаторы поставить, заменить диск сцепления, задние барабаны, тормозные колодки передних колес, аккумулятор.... Всего и не перечислить. А денег кот наплакал. Вот тут и вертись.

Перерыв на обед Сергей решил устроить по расписанию, ровно в двенадцать. Попросил соседа по гаражу присмотреть за машиной и направился к дому. Гараж находился в двух шагах от кирпичной четырехэтажки.

Сергей увидел «Форд» Мальвины у своего подъезда и остановился, как вкопанный в землю столб. Машину он мог узнать мгновенно из нескольких тысяч подобных. Хотя и ездил на нем всего ничего.

Он подошел к «Форду», похлопал его по пыльному капоту.

«Не повезло тебе, старик, с хозяйкой!» — раздраженно подумал Сергей, глядя на неухоженного и вконец заезженного многолошадного товарища. «Жопа с ручкой она у тебя. Ничего больше».

В большой комнате, (в «гостиной», как называла ее Ксения Федоровна, хотя проживала в ней одна), за столом, покрытым белой скатертью, сидела бабушка и Надя. Они пили чай и вели светскую беседу. Даже не повернули голов в его сторону, когда Сергей появился на пороге. Обе сделали вид, что не замечают.

Сергей пошел в ванную, зажег газовую колонку и долго с хозяйственным мылом мыл руки. Стиральный порошок кончился, им можно руки отмыть от любой автомобильно-ремонтной грязи в одну секунду. Потом пошел в свою комнату и завалился на диван. Лежал, смотрел в потолок и ни о чем не думал. В голове была торичеллиева пустота.

— Сережа! Иди пить чай! — слышался из «гостиной» бархатный голос Ксении Федоровны. Как и каждая учительница, бабушка умела прикинуться не

только одуванчиком или выпускницей смольного института. Могла явить окружающим трехголового змея Горыныча или мадам Стороженко из «Одинокого паруса» Катаева. Все зависело от конкретных обстоятельств на конкретном уроке в конкретном классе. Если бабушка ворковала бархатным голосом, стало быть, собеседница ей импонировала. Короче, вернувшись в «гостиную», Сергей столкнулся с самой натуральной обструкцией, которую ему преподнесли на блюдечке с голубой каемочкой две воркующие голубки. Бабушка и Надя. Они просто не замечали его. Сергей глотал горячий чай и чувствовал себя полным идиотом. Кстати, его блюдечко было с зеленой каемочкой, а не с голубой. Но от этого было ничуть не легче.

— Наденька! Что вы! Варенье из крыжовника варить проще пареной репы. Я вас научу в два счета. Берете два килограмма сахарного песку...

Соседом Сергея по гаражу был Лийв. Вилли Лийв. Уроженец славного города Таллинна. Лет двадцать назад по делам своего предприятия, он ежемесячно катался в командировки в Москву. Со временем промежутки между командировками становились все короче, пребывание в столице все продолжительнее. Поскольку Вилли Лийв влюбился в свою квартирную хозяйку, темпераментную и говорливую продавщицу продуктового магазина Ларису. Но это уже совсем другая история.

Всем известно, эстонцы – самый медленноговорящий народ на планете. Если Вилли Лийв начинал что-либо говорить утром в пятницу, все со

спокойной совестью уезжали на дачные участки до вечера воскресенья. Вернувшись, заставляли конец фразы. Кстати, это отнюдь не означало, что Лийв так же медленно соображал. Ничего подобного. Мозги у него как раз работали очень хорошо. И вообще. Вилли Лийв был очень добрым человеком. Щедрым и отзывчивым. Всегда поможет, чем может. Последней гайкой поделится.

В тот вечер Лийв, естественно, обратил внимание на незнакомый раздолбанный «Форд», который остановился недалеко от «Копейки» Сереги Кострюлина. Из «Форда» выскочила какая-то рыжеволосая девица в темных очках и подошла к «Копейке». Сам Серега находился внутри, что-то починял. То ли панель приборов прилаживал на место, то ли еще что... Короче, Серега из салона не вылезал.

Девица сначала что-то выясняла у Сереги, стоя рядом, потом забралась в машину. Дверца за ней захлопнулась...

Следует уточнить, все стекла «Копейки» были аккуратно заклеены газетами. Серега собирался машину красить. Так что, снаружи никто не мог видеть, что там происходит внутри салона.

Гараж Лийва находился неподалеку. Хочешь, – не хочешь, многое услышишь. Со слухом у Вилли тоже было все в порядке.

Сначала говорила только девица. Взволнованно и очень быстро. Потом говорили оба разом, перебивая друг друга. Все быстрее и все громче. Пару раз доносились даже хлопки, очень похожие на пощечины. А может, так только показалось. Потом звучал только

голос Сереги. Медленно и твердо. Изредка вклинивался голос девицы. Потом оба голоса начали постепенно затихать.

Вилли Лийв говорил медленно, но соображал быстро. Он сразу догадался, что к чему. Кроме того, Вилли был честным и порядочным человеком. Всегда был готов помочь, выручить соседа в трудную минуту.

Запасливый Вилли Лийв достал из своего гаража пеструю ленту, которой обычно милиция огораживает место происшествия или преступления. Привязал ленту к замку соседнего с серегиным бокса. Дотянул до сосны, обвязал вокруг нее и протянул ленту к двери бокса справа от серегиного. Хватило в самый раз. Даже еще кусок остался.

Получился симпатичный равнобедренный треугольник. С «копейкой» в самом центре. С заклеенными окнами. Любому дураку ясно. Раз место огорожено официальной ментовской лентой, стало быть, произошло какое-то ЧП. Лучше держаться подальше.

Обстоятельный Вилли Лийв хотел как лучше... Он только не учел специфики русского национального характера. Поскольку сам был, как уже сказано, эстонцем. У нас ведь как. Где что стряслось, тут же набегают толпа. И каждый начинает давать советы.

Любознательный гаражный народ постепенно подтянулся к ограждению. В основном, мужики. Из тех, у кого нет участков за городом. Или по причине нетрезвости. Пятница, как-никак.

Среди прочих выделялся Сергей Борисович Ремизов, отставной военный. Попросту говоря, Батя.

Правда, некоторые называли его фамильярно, Борисыч. Но к подобному амикошонству Сергей Борисович относился снисходительно.

— Кто распорядился? — спросил Батя.

— Тут такое дело... — как всегда обстоятельно начал Лийв.

Пока Вилли Лийв подыскивал из всего необъятного богатства великого и могучего русского языка те самые слова, которыми смог бы выразить сложность и пикантность ситуации, со всех сторон посыпались предположения. И даже категоричные утверждения.

Говорили почему-то шепотом. Вилли Лийв только рот открывал от изумления. Но ничего возразить, естественно, просто не успевал.

— Заминирована, небось!

— Террористы, что ли?

— Кто еще-то! Житья от них нет!

— Уже до нас добрались! Хоть из дома не выходи!

— Тут такое дело... — пытался вклиниться в разговор Лийв.

— Наверняка, там бомба! С часовым механизмом!

— Бомба? — удивился Батя. — А заложники где?

— Внутри, где им еще быть!

— Сколько человек? — хмуро поинтересовался Батя.

— Двое. Парень и девка. Парень из наших. Серега Кострюлин.

— Тут такое дело...

— Сергея знаю, — кивнул Батя.

— Он ведь там... служил. Отомстить решили!

— Та-ак! — решительно заявил Батя. — У кого труба есть? Звоните немедленно в МЧС, милицию и «Скорую помощь». Всем отойти на положенное расстояние!

Мужики, все как один, сделали пару шагов назад. И тут же вернулись на исходные позиции. Как футболисты во время штрафного удара. Потопчутся, потопчутся и окажутся на том же месте. Даже на пару шагов ближе.

— Бомба, наверняка, «на качок» поставлена!

— Как это... «на качок»? — еще больше нахмурился Батя.

— Как сигнализацию «на качок» ставят, не знаешь! Чуть качнул машину, она срабатывает. Здесь та же система.

Между тем «копейка», как бы в подтверждение этого тезиса, начала едва слышно поскрипывать и медленно, медленно покачиваться...

— Ша-ас... рванет! — прошептал кто-то в ужасе.

— Почему она качается? — строго спросил Батя. — Машина не может качаться сама по себе. Если заложники внутри и связаны...

«Копейка» продолжала раскачиваться все больше и больше.... Из салона начали доноситься вскрики.... Словно подраненная чайка, довольно громко вскрикивала девушка...

— Освободиться хочет.... Помочь надо!

— А если рванет?

«Копейка» продолжала раскачиваться...

Ее уже мотало из стороны в сторону... Домкрат под ней не выдержал и чуть скособочился на сторону.... Из-

под правого колеса выпали пару кирпичей... «Копейка» угрожающе накренилась...

— Ло-ожи-ись!!! — зычным голосом скомандовал Батя.

Мужики, в прошлом все народ служивый, привычно залегли. Все, кроме Вилли Лийва. Он так и остался стоять с открытым ртом.

В этот момент «копейка» сорвалась с домкрата и кирпичных опор, с грохотом плашмя рухнула на землю. Кто-то в испуге вскрикнул. Кто-то успел вскочить и отбежать в сторону.

Но взрыва не случилось.

Наступила оглушительная тишина. Было слышно, как чирикала на сосне какая-то птаха. Ее перекрыл грохот электрички. Но и он тоже стих за деревьями, за оврагом.

Из «копейки» не доносилось ни звука.

Мужики начали подниматься с земли, отряхиваться.

— Тут такое дело... — опять завел свою песню Вилли Лийв.

Но тут как раз с ревом и сиренами подъехал милицейский Уазик, за ним «Скорая помощь». И пожарные.

Появилось множество людей в самых разнообразных формах. Со всех сторон окружили «треугольник». Переговаривались вполголоса. Кажется, ожидали приезда кинолога со специально обученной собакой. У большинства мелькали в руках мобильные телефоны. Короткие доклады, еще более короткие распоряжения...

Трое в штатском окружили Вилли Лийва и, перебивая друг друга, задавали ему конкретные вопросы.

— Тут такое дело... — начинал каждый раз заново Вилли Лийв.

В конце концов, трое в штатском плюнули и отошли в сторону.

В этот момент из «копейки» выскочила рыжая девица в темных очках, ни на кого не глядя, подошла к своему «Форду», уселась за руль.

К «Форду» тут же подошел милиционер. Строго потребовал:

— Документы, девушка!

Рыжая девица достала из бардачка блондинистый парик, напялила на голову и сняла темные очки.

Милиционер заулыбался от уха до уха, у него такая улыбка была, от уха до уха, и взял под козырек.

«Форд» рванул с места. Только его и видели.

Через год в последние дни холодной дождливой осени в райвоенкомат Северо-Восточного административного округа явился высокий худой парень в поношенной форме секьюрити. В черном берете, сидевшем чуть набок на голове, он был похож на французского десантника. Дежурный офицер, только взглянув на него, сразу понял, с кем имеет дело. Он направил парня в седьмой кабинет, где оформляли желающих служить по контракту в российской армии.

Той же осенью на Кронштадтском бульваре, на берегу Головинских прудов, гуляющие часто видели молодую женщину с дворнягой по кличке Дым. Она

медленно гуляла вдоль прудов всегда одним и тем же маршрутом. Всегда под зонтиком, в распахнутом плаще. Застегнуть плащ на все пуговицы ей явно мешал растущий живот.

Иногда ее встречал мужчина средних лет со свертками и пакетами в руках. Он поднимался по ступенькам к пруду и, увидев женщину, громко кричал: «Натали-и!».

И они медленно шли навстречу друг другу.

Приблизительно в те же дни, в двухстах километрах от столицы, перед стеной женского монастыря редкие прохожие могли видеть двух девушек. Одной года двадцать два, вторая совсем кроха. Обе в черных одеяниях, лиц разглядеть трудно. На берегу речки они собирали опавшие листья, делали из них букеты.

Иногда младшая, оглянувшись по сторонам, начинала, озорно стреляя глазами, тихо напевать: «Мальчик мой! Я жду тебя!..». Тогда старшая прикладывала палец к губам и, улыбаясь, укоризненно покачивала головой. Когда улыбалась, она слегка морщила нос, и вокруг ее глаз возникали мелкие морщинки.

Осень того года была тихой, дождливой и спокойной. Почему-то она внушала людям уверенность, что безумное, сумасшедшее, жаркое лето предыдущего года не повторится больше никогда.

О нем вообще предпочитали не вспоминать.

Повесть закончена, но история полюбившихся героинь продолжается в повестях «Бегущая под дождём» и «Пингвин влюблённый».

Автору можно написать:
e-mail: aserg251@yandex.ru

Автора можно поблагодарить, положив на его счёт:
Сбербанк России. Мещанское отделение. 7811/0706
Счет - 42307.810.3.3809.1401049
или на номер телефона:
89152448889
любую посильную вам сумму.

БОЛЬШОЕ СПАСИБО!